

Словесница Искусств

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ

№2 (36) 2015

Литературные встречи

«Ночь искусств» в Дальневосточном художественном музее.

Фото Алексея Мартынца

Словесница Искусств

№ 2 (36)
2015

Культурно-просветительский журнал
Издается в Хабаровске с 1998 года
Выходит 2 раза в год

Лауреат конкурса среди провинциальных изданий, пишущих о культуре, проводимого АНО «Единство культуры и журналистики» совместно с Фондом Форда (1999)

Лауреат Всероссийского конкурса журналистов «Золотой Гонг-2001»

Лауреат Всероссийского конкурса журналистов «Лица российской провинции» (2004)

Лауреат Хабаровского краевого фестиваля духовной культуры «Святой России край» (2007)

Серебряная медаль Дальневосточной выставки-ярмарки «Печатный двор-2008»

Гран-при IX Всероссийского смотра информационной деятельности домов (центров) народного творчества (2012)

РЕДАКЦИЯ:

Главный редактор	Елена Викторовна ГЛЕБОВА
Художественный редактор	Галина Ивановна ПЕРШИНА
Выпускающий редактор	Наталья Васильевна РОДИНА
Интернет-версия журнала	Алексей Викторович МАРТЫНЕЦ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Глебова Елена Викторовна

главный редактор журнала «Словесница Искусств»

Федосеев Олег Александрович

(КГАУК «Краевое научно-образовательное творческое объединение культуры»)

Черепанова Светлана Юрьевна

(Хабаровский краевой благотворительный общественный фонд культуры)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
П/И № ТУ27-00252 от 7 декабря 2011 г.
Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Хабаровскому краю и ЕАО

Учредитель: Хабаровский краевой благотворительный общественный фонд культуры

(680000, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, 17).

КГАУК «Краевое научно-образовательное творческое объединение культуры» министерства культуры Хабаровского края

(680000, г. Хабаровск, ул. Запарина, 88).

Издатель: Государственное учреждение культуры «Краевое научно-образовательное творческое объединение культуры» министерства культуры Хабаровского края

Адрес издателя и редакции:
680000, Хабаровск, Фрунзе, 69а

Тел. (4212) 30-44-12. E-mail: slovoart@mail.ru

www.slovoart.ru, <http://словесницаискусств.рф>
www.fkhv.ru

Отпечатано в ОАО «Хабаровская краевая типография»
680038, Хабаровск, ул. Серышева, 31

Тираж 750 экз.

Выход в свет 10 декабря 2015 г.

Цена свободная

© Все права защищены. Перепечатка и воспроизведение полностью или частично текстов только с письменного разрешения. Редакция оставляет за собой право не рецензировать присланные тексты и не отвечать авторам. За точность фактов ответственность несут авторы

На первой странице обложки:

Николай Холодок.

Пристань на Амуре. 2004
Линогравюра

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВНАЯ ТЕМА: ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВСТРЕЧИ

- 2 Елена ХОДЖЕР. *Большая литературная страна*
9 Юлия ЯСТРЕБОВА. *Страницы воскресших книг*
21 Наталья РОДИНА. *Книжный ряд*
22 Анна МОРОЗОВА. *Миры Чехова, Шукшина, Успенского...*
24 Елена ГЛЕБОВА. *О писателях, котках и бесконечности бытия*
26 Сергей КРАСНОШТАНОВ. *Далекая страна Сибирь*
30 Валентина КАТЕРИНИЧ. *Эпистолярный роман с Михаилом Гутманом*
35 Наталья ПОЗИНА. *«Красный ландыш» на фоне уральского пейзажа*
38 Ирина ВЛАСОВА. *Песня моя – Комсомольск*
40 Алексей КРАСНОВ. *Чеховское дерево*
41 Антонина КИЛЕ. *Сказочные берега мальчика Акаши*
45 Елена ГЛЕБОВА. *Сказки Амура*
46 Анна ХОДЖЕР. *Стеклянная веранда*
47 Маргарита ПАССАР. *Кормилица Тайга*

ЕДИНОЕ ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ

- СОБЫТИЕ**
50 Александр ЛЕПЕТУХИН. *Вчера, сегодня, всегда*
ВЫСТАВКИ
60 Елена ЛЕНСКАЯ. *От глиптики до гобелена*
64 Татьяна ЧАНОВА. *Ее величество графика*
67 Анастасия БЕРКОВСКАЯ. *Эрмитажные истории*
ПЕРСОНА
72 Ольга ПРИВАЛОВА. *Заповедная территория живописи*
МУЗЕИ
76 Светлана КОВАЛЬ. *Образ города в старинном романсе*
78 Елена СОЛНЦЕВА. *Встретимся вечером, в музее*
ТЕРРИТОРИЯ ТВОРЧЕСТВА
80 Тихон ГУРОВ. *Комсомольск-на-Амуре в ритме танго*
83 Игорь СИМОНОВ. *«Фотопарад в Угличе» – встречи и впечатления*
ВСПОМНИМ ИМЯ
86 Татьяна ЧАНОВА. *И целой жизни мало*
91 Татьяна ДАВЫДОВА. *Непогрешимость таланта*
СЮЖЕТЫ ПУТЕШЕСТВИЙ
97 Янина КУЗИНА. *За облаками, на вершине*

ЗНАКИ И СИМВОЛЫ НАШЕЙ ИСТОРИИ

- ЛЕТОПИСЬ**
100 Лариса САЛЕЕВА. *Под парусом надежды*
РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ
108 Нина ДУБИНИНА. *Феномен Харбинского политеха*
ПРИМЕТЫ ВРЕМЕНИ
113 Любовь КРИВЧЕНКО. *Физ-гармония. Спортивная жизнь на Дальнем Востоке в 1920–1930 гг.*
ИССЛЕДОВАНИЕ
122 Татьяна АНАНЬИНА. *История графского портрета*
124 Михаил ЖИЛИН. *Откуда у Камчатки имя?*
СЮЖЕТЫ ИЗ СЕМЕЙНОГО АЛЬБОМА
131 Дмитрий КАРЧЕВСКИЙ. *История семьи Огарковых*

ДОМ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА

- ФЕСТИВАЛИ**
136 Александра КОРТЕЛЕВА. *О России поем...*
ВСТРЕЧИ
140 Игорь СИМОНОВ. *Чукотка стала ближе*
ДАТА
142 Раиса БАЙКОВА. *Живая душа многонациональной России*
ПАМЯТЬ
147 Александра КОРТЕЛЕВА. *«И тогда уйду я в палестины...»*
152 **АВТОРЫ**

Большая литературная страна

Елена ХОДЖЕР

Хабаровское региональное отделение Союза писателей России, в котором сегодня 50 человек, одно из старейших и многочисленных на востоке страны. В 1934 году в Хабаровске прошла первая конференция писателей и литкружковцев Дальневосточного края, на которой была создана Дальневосточная писательская организация. Среди участников этого важного события известный советский писатель, один из организаторов и руководителей Союза советских писателей Александр Фадеев.

В Государственном архиве Хабаровского края собраны богатейшие документальные материалы по истории литературной жизни Хабаровского края. В первую очередь, это фонд Хабаровской краевой писательской организации и литературно-художественного журнала «Дальний Восток», который в начале своего пути назывался «На рубеже». Протоколы заседаний бюро, общих собраний, рецензии на произведения, рекомендации для вступления в Союз писателей, рукописи романов, повестей, рассказов, переписка с начинающими авторами – в общей сложности более чем 1 700 единиц хранения. Практически о каждом писателе, творившем на Дальнем Востоке, найдутся документы: важные сведения, опыт литературного творчества. Кроме того, двенадцать личных фондов членов Союза писателей СССР: А.Л. Вальдю, А.А. Вахова, В.М. Ефименко, Вс. Н. Иванова, П.С. Комарова, С.П. Кучеренко, А.А. Пассара, Н.М. Роголя, С.А. Смолякова, В.П. Сысоева, Г.Г. Ходжера, Ю.А. Шестаковой. Документы по истории дальневосточной литературы хранятся также в личных фондах деятелей культуры, науки, в фонде Ха-

баровского книжного издательства, редакции краевой газеты «Тихоокеанская звезда» и др.

На протяжении всего своего существования Хабаровская писательская организация активно участвовала в культурной жизни региона, страны. В далекие 1930–60-е годы писатели были в числе самых грамотных людей, многие имели к тому же большой жизненный опыт, высшее образование, опыт работы в журналистике; они становились рупором эпохи, и это проявлялось не только в художественных произведениях. Слово «писатель» обрело магический смысл и расценивалось порой как высший, незыблемый авторитет. К тому же историко-культурная обстановка способствовала активному сближению литературы, искусства с народом, обеспечивалась массовость, доступность произведений литературы для трудящихся. Писатели играли важнейшую роль в нравственном, эстетическом, культурном воспитании и просвещении граждан, сохранении и развитии народных культурных традиций.

Все литературные события были востребованы и собирали большие

аудитории. Одни хотели посмотреть на писателей, а многие действительно активно читали современную литературу, в том числе и дальневосточную. Тиражи изданий хабаровских писателей достигали тысячных позиций, и большинство книг раскупалось. Свидетельством активного покупательского и читательского спроса можно считать письма читателей со всей страны, в которых они обращались к авторам с просьбами посодействовать в приобретении нового издания или посоветовать, куда за ним обратиться. Например, в одном из писем к Григорию Ходжеру школьники 7-го класса из п. Решающего Ульчского района делятся впечатлениями о прочитанном романе «Конец большого дома», а затем сообщают, что в школьной библиотеке нет рассказов писателя и повести «Чайки собираются над морем». В конце письма по традиции ученики рассказывают о своих успехах в учебе и общественной работе и дают обещание закончить третью четверть со стопроцентной успеваемостью.

Дальневосточная литература интересовала читателей всей страны, и это не голословные предположения, все подтверждается сохранившимися документами, фотографиями, автографами с дарственных книг. Огромная страна СССР, растянувшаяся на многие тысячи километров с востока на запад, для творческого человека была «объятной»: интенсивные взаимоотношения, обмен делегациями, творческие командировки в разные уголки страны, в союзные республики, дружеские связи, завязывавшиеся на съездах, пленумах Союза писателей СССР, РСФСР (делегации писате-

лей были немаленькими), семинары молодых прозаиков, поэтов, драматургов, критиков – все это сближало, объединяло литераторов в единое культурное пространство. Большие и малые группы писателей активно ездили по стране, знакомились с жизнью и творчеством коллег по перу, встречались с читателями, посещали стройки, промышленные предприятия, учебные заведения, воинские части.

Дальний Восток в те годы был одним из привлекательных регионов. Специфика восточного форпоста России, богатейшая природа, активное освоение территории, природных богатств, масштабное строительство, пограничное положение и героическая история открытия и освоения дальневосточных земель привлекали внимание жителей страны, особенно молодежи. Дальневосточные литературные традиции восходили к таким классическим произведениям, как «Остров Сахалин» А.П. Чехова, «Фрегат «Паллада» И.А. Гончарова, «На Востоке» С.В. Максимова и др. В советское время были широко известны романы В.К. Кетлинской «Мужество», А.М. Грачева «Первая просека» – о строительстве Комсомольска-на-Амуре, повести А.П. Гайдара, Р.И. Фраермана «Дикая собака Динго» и многие другие. Большинству писателей для создания реалистических произведений необходимо было побывать на описываемых объектах, познакомиться с непосредственными участниками событий, собрать в свою творческую копилку впечатления.

Для упорядочения пропагандистской и культурно-образовательной работы при Союзе советских писателей создали специальную организацию – Бюро пропаганды художественной литературы, чьей основной задачей стала популяризация художественной литературы, творчества советских поэтов и прозаиков, а также организация встреч с ними.

При Хабаровской писательской организации бюро пропаганды художественной литературы первоначально создано в 1948 году, при этом функции краевого бюро воз-

Писатели с учащимися школы в с. Сита района им. Лазо. В.Н. Александровский. 1960

Участники первой творческой конференции писателей Дальнего Востока. В.Н. Ажаев, Ю.А. Шестакова, Н.Е. Шундик, А.В. Твардовский, С.А. Смоляков, М.К. Луконин. 1949

ложили на клубную комиссию отделения Союза советских писателей. Состав клубной комиссии, в которую входили Р.К. Агишев и Д.Д. Нагишкин, усилили писателями Н.Е. Шундиком и П.Г. Заманским. В протоколе заседания бюро от 26 ноября 1948 года сказано, что клубная комиссия должна обеспечивать строгий контроль за выступлениями писателей в массовых аудиториях, обсуждать программы мероприятий и тексты выступлений, лекций и докладов. После небольшого перерыва бюро возобновило свою работу 15 июля 1969 года в соответствии с решением правле-

ния Союза писателей РСФСР. Работу организовали по всей зоне Дальнего Востока, а первым директором Дальневосточного бюро пропаганды художественной литературы стал хабаровский писатель И.П. Ботвинник, автор исторического романа «Скиф».

За создание данного подразделения ратовало большинство писателей, тем более что активная просветительская работа постоянно велась. Например, в 1969 году писатели взяли культурное шефство над колхозами и совхозами района им. Лазо, заключив договор о творческом содружестве с Домом куль-

Участники выездного обсуждения журнала «Дальний Восток» в Москве. 1960

туры села Переяславка. Позднее, в конце 1970-х, взяли шефство над Бурейской ГЭС, установили культурно-шефские связи с воинскими частями, профессионально-техническими училищами.

Дальневосточные писатели часто ездили на крупные стройки, в подшефные организации. Например, по отчетам 1978 года наиболее содержательная и плодотворная поездка группы писателей в составе М.Ф. Асламова, Л.И. Миланич, Е.М. Золотых, Г.Г. Ходжера состоялась по маршруту Переяславка – Хор – пограничная застава – Мухен – Золотой – Сукпай. Встречались с тружениками района им. Лазо, военнослужащими, провели шесть литературных вечеров.

На заседаниях бюро писательской организации, бюро партийной организации Хабаровского отделения Союза писателей неизменно шел разговор о повышении качества литературных встреч. Высказывались пожелания, чтобы писатели творчески, по-новому подходили к

своим выступлениям, разнообразили их, учитывали подготовленность аудитории. Порой критика была резкой. В выступлении прозаика, автора сборников «Очарованный людьми», «Сердечная недостаточность» В.М. Федорова прозвучало, что «бюро пропаганды художественной литературы – не художественная филармония. И даже не бюро лекционной пропаганды. Это и не организация, созданная для популяризации писательского имени, как это некоторым кажется, популярность себе настоящий писатель завоевывает своими произведениями; и не трибуна это для откровений о всем и ни о чем. Это боевой наш участок нелегкой оперативной устной публицистической работы, без которой сегодня трудно представить личность писателя...».

Просматривая отчет о работе Дальневосточного бюро пропаганды художественной литературы за 1977 год, поражаешься количеству проведенных мероприятий – 2 420.

Среди них 25 литературных вечеров, 2 700 выступлений во время Дней советской литературы в Хабаровском крае, 250 шефских встреч, и большая их часть с воинами-дальневосточниками. Если подсчитать число писателей, то на каждого приходилось примерно по 70 выступлений. Разумеется, часть встреч была посвящена актуальным политическим темам, но в крае также широко отмечались знаменательные даты культурной и литературной жизни.

Дальневосточные писатели активно ездили по стране и принимали гостей. В июне 1962 года в Хабаровском крае побывала делегация белорусских писателей. Шесть поэтов и прозаиков под руководством Сергея Граховского в течение месяца провели 27 выступлений на заводах, фабриках, стройках, рыбокомбинатах, в учебных заведениях, воинских частях, библиотеках, среди пионеров, на радио, телевидении, были опубликованы статьи в газетах. Для дальневосточников это

стало хорошим опытом. «Подобные приезды писателей из братских республик на Дальний Восток служат действенным средством пропаганды советской художественной литературы среди широких слоев населения», – говорилось на одном из заседаний Союза писателей. В 1963 году в Минск отправились дальневосточники – поэты С.А. Смоляков, А.А. Дракохруст, А.И. Рыбочкин, писатели В.М. Санги, В.И. Клипель.

Весной 1969 года в Хабаровском крае состоялась декада украинской литературы и искусства в РСФСР, на которую прибыла делегация писателей и ряд творческих коллективов. Гости побывали на погранзаставе, встретились с рабочими и инженерно-техническими работниками знаменитого завода «Амурсталь» в Комсомольске-на-Амуре, со студентами, молодежью, участниками литературных объединений. И это не единичный пример. Дальний Восток посещали делегации писателей из Москвы, Ленинграда, республик Прибалтики, из Монголии и др.

Обмен делегациями с соседними, особенно дальневосточными областями и краями, происходил регулярно, так как Хабаровская организация как головное отделение на востоке страны, постоянно курировала молодые писательские отделения в Амурской, Камчатской, Магаданской, Сахалинской областях, Приморском крае. Хабаровские писатели выезжали на семинары, Дни советской литературы, на обсуждение художественных произведений, давали рекомендации в Союз писателей СССР молодым писателям. Секретариат Союза писателей СССР и РСФСР оказывал постоянное внимание Дальневосточному (Хабаровскому) отделению Союза писателей. В 1949 году состоялась первая творческая конференция писателей Дальнего Востока, для ее проведения руководство Союза писателей СССР направило А.Т. Твардовского, В.Н. Ажаева, М.К. Луконина, Г.М. Маркова. Это стало крупным событием в культурной и общественно-политической жизни региона. На конференции решались многие важнейшие

Шарж из газеты «Литературное Приамурье», 1974

вопросы развития литературного процесса на Дальнем Востоке, обсуждались новые произведения писателей, широко известные публике и только написанные. По традиции конференция завершилась большим литературным вечером, на котором выступили лауреаты Государственной премии А.Т. Твардовский, М.К. Луконин, В.Н. Ажаев, а также писатели-дальневосточники. В решении конференции писателей Дальнего Востока особо подчеркивалось, что организующим литературным центром на Дальнем Востоке является литературно-художественный журнал «Дальний Восток».

Популярный и в наши дни журнал «Дальний Восток», учредителем которого является Союз писателей Российской Федерации, был и остается самым «восточным» литературно-художественным журналом. На его страницах публиковались лучшие произведения писателей Хабаровского и Приморского краев, Читинской, Амурской и Сахалинской областей. Нередко он становился стартовой площадкой для многих в дальнейшем известных писателей.

Обсуждения журнала «Дальний Восток» чаще всего проходили в Москве, но бывали и выездные заседания, в Хабаровске. В Госархиве сохранились стенограммы обсу-

ждений, расширенных заседаний с присутствием не только сотрудников журнала, но и писателей-дальневосточников, деятелей культуры, искусства, преподавателей, критиков, представителей партийных и советских органов, курирующих культуру и искусство. В это же время проводились дни или декады дальневосточной литературы.

Проведение Дней советской литературы и в Москве, и в разных регионах страны было давней и доброй традицией Союза писателей. Порой инициаторами больших литературных праздников выступали сами региональные писатели. «Литература Сибири и Дальнего Востока за последние годы настолько выросла, значение ее как большой культурной силы так поднялось, что мы можем вполне претендовать на проведение такого значительного, культурного, всесоюзного мероприятия, как декада литературы Сибири и Дальнего Востока в Москве», – убеждал известный сибирский писатель Г.М. Марков, автор популярных в советское время романов «Строговы», «Соль земли». Именно он выступил с предложением провести в 1950 году в Москве первую Декаду литературы Сибири и Дальнего Востока.

В декабре 1952 года в Москве впервые состоялись Дни даль-

Дни советской литературы на Дальнем Востоке. 1982

невосточной литературы. С восточной окраины страны выехала большая делегация, в которую вошли хабаровчане Д.Д. Нагишкин, А.С. Пришвин, Н.Е. Шундик, С.А. Смоляков, И.Г. Машуков, Н.И. Максимов, Н.Д. Наволочкин. Из Приморья прибыли Г.Г. Халилецкий, М.Н. Самунин, В.Т. Кучерявенко. Велись переговоры с политуправлением Главного командования войск Дальнего Востока, а также командованием Тихоокеанского флота о командировании поэтов В.П. Туркина из Порт-Артура, А.И. Рыбочкина из Хабаровска. К приехавшим должны были присоединиться в Москве В.Н. Ажаев, Н.П. Задорнов, М. Колесников. Самым важным было выступление в двух отделениях в Центральном Доме литераторов, знаменитом ЦДЛ. К поездке готовились тщательно, отбирали новые издания для выставок (180 книг + 25 книг приморских авторов, а также публикации в центральной прессе), тексты выступлений согласовывались, выбирались произведения для чтения, для выступлений в клубах Москвы готовили специальные бригады. Статус будущего мероприятия был так высок

и ответственен, что бригадам писателей рекомендовали сделать «генеральный прогон» – с 10 октября провести несколько пробных выступлений в институтах и на предприятиях, в воинских частях Хабаровска по программе, подготовленной для Москвы.

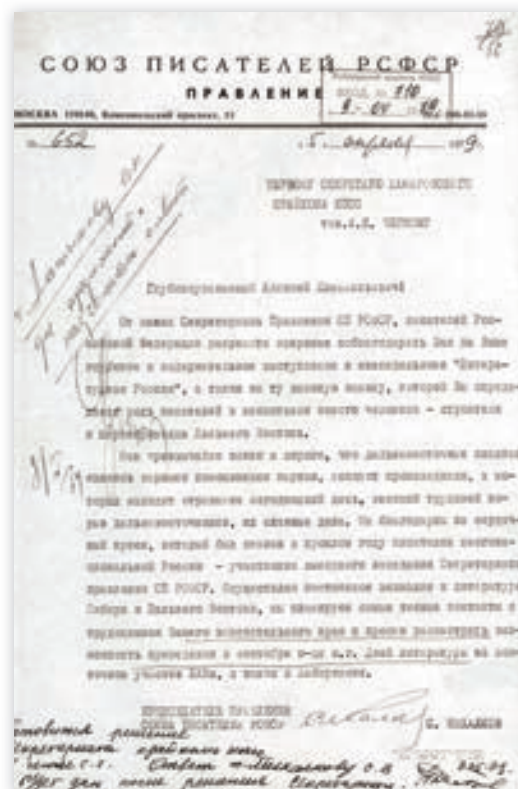
Во время подготовки совещания заместителем ответственного секретаря Хабаровского отделения Союза писателей Д.Д. Нагишкиным в Москву ушло письмо, в котором он обращался с просьбой пригласить московских поэтов и прозаиков на обсуждение. Список «старых и близких друзей» журнала оказался солидным – больше 90 фамилий. Возглавлял его Александр Фадеев, далее следовали Леонид Соболев, Александр Твардовский, Евгений Долматовский, Эмиль Казакевич, Константин Симонов, Сергей Михалков, Мариэтта Шагинян и многие-многие другие известные писатели. В письме Дмитрий Дмитриевич подчеркивал, что «журнал «Дальний Восток» тесно связан деловыми отношениями с многими московскими писателями. Одни из них по работе в ССП много помогли

журналу, другие – своими критическими выступлениями в печати немало способствовали повышению идейно-художественного уровня произведений писателей Дальнего Востока..., третьи, наконец, ряд своих произведений печатали в нем или своей творческой биографией связаны с темами Дальнего Востока».

Незабываемым событием в памяти многих остались Дни дальневосточной литературы, проходившие в начале 1960-х годов в Москве. В декабре 1960 года состоялась литературная декада «Писатели Дальнего Востока в Москве». Известные писатели Н.П. Задорнов, Н.М. Рогаль, С.А. Смоляков, Ю.А. Шестакова и совсем еще молодые, начинающие Р.Ф. Казакова, Н.Д. Наволочкин, П.В. Халов, Г.Г. Ходжер выступали в Октябрьском зале Дома Советов, Окружном Доме офицеров Московского округа ПВО, Ивантеевском механико-технологическом техникуме, Центральном доме культуры железнодорожников – и это еще не весь перечень принимающих организаций. Одновременно проходили выставки картин дальневосточных

художников и кинопоказы, разворачивались книжные экспозиции, а завершилось все большим литературным вечером. В июне 1963 года Москва вновь встречала литераторов Дальнего Востока. Им предоставили большие сценические площадки столицы: Московский автомобильный завод им. И.А. Лихачева, Химкинский речной порт, сад культуры и отдыха им. Н.Э. Баумана и др. В фонде Степана Смолякова сохранились две афиши, которые приглашали всех желающих посетить Дни дальневосточной литературы в Москве в 1960 и 1963 годах.

А какие прекрасные Дни советской литературы проходили на Дальнем Востоке, когда большие делегации писателей, литературоведов, литературных критиков, издателей, преподавателей вузов приезжали на Дальний Восток! Одна из самых масштабных встреч состоялась в августе-сентябре 1972 года. Большая делегация писателей со всех уголков страны прибыла в Хабаровск на декаду советской литературы в Хабаровском крае, посвященную 50-летию образования СССР и 50-летию освобождения Дальнего Востока от интервентов и белогвардейцев. Понятно, что проведение такого серьезного мероприятия шло под непосредственным кураторством Хабаровского крайкома КПСС. Торжественное открытие состоялось 25 августа в Зеленом театре Окружного дома офицеров Советской армии, затем писатели встречались с участниками боев на Волочаевской сопке в Гражданскую войну, с воинами Краснознаменного Дальневосточного военного округа, прославленной Краснознаменной Амурской военной флотилии, с пограничниками на заставе в с. Казакевичево. А потом две насыщенные недели, вместившие интереснейшие встречи с рабочими крупнейших хабаровских заводов «Энергомаш», «Дальдизель», «Амуркабель», тружениками села, учителями, военнослужащими. Писатели побывали в Амурске, Комсомольске-на-Амуре, Николаевске-на-Амуре, в поселке Солнечном, в Нанайском и Ульчском районах. Во многих городах и по-

Поэт
Д.Н. Кугультинов
и писатель
В.Н. Александровский
у воинов-дальневосточников. 1982

Письмо председателя
правления Союза
писателей РСФСР
С.В. Михалкова о
проведении Дней
литературы на
восточном участке
БАМА

ГЛАВНАЯ ТЕМА

селках проходили книжные базары. Литературные события захватили не только Хабаровский край, но и Приморье, Амурскую область, Еврейскую автономную область.

В июне 1978 года в Хабаровске состоялся выездной секретариат правления Союза писателей РСФСР. В Хабаровск приехали известные всей стране писатели С.В. Михалков, А.Г. Алексин, Н.Е. Шундик, В.Д. Поголяев и многие другие – всего около 30 человек. Главная цель выездных секретариатов состояла в сугубо внутренней литературной работе. Высокие гости анализировали литературную деятельность региона, обсуждали произведения дальневосточных авторов, давали критические оценки, рекомендации и, конечно же, сами выступали перед благодарной публикой.

В 1970–1980-е годы самой известной и популярной молодежной комсомольской стройкой в стране была Байкало-Амурская магистраль. Тысячи молодых людей со всей страны строили железнодорожную магистраль, соединявшую Байкал с Тихим океаном. Из всех уголков страны приезжали деятели культуры, искусства, чтобы черпать вдохновение. Сохранилось письмо Сергея Михалкова, председателя правления Союза писателей РСФСР, в котором он обращается к секретарю Хабаровского крайкома КПСС А.К. Черному с благодарностью о прекрасно проведенном в Хабаровском крае выездном секретариате Союза писателей РСФСР в 1978 году и высказывает предложение провести Дни советской литературы на восточном участке БАМа в 1979 году. Идею поддержали. В знак уважения и восхищения трудовым подвигом строителей, которые на полтора года раньше намеченного срока завершили строительство восточного кольца Байкало-Амурской магистрали, туда направился десант писателей. Они проехали на специальном поезде по всему кольцу, выступали на строительных площадках, в клубах, знакомились с жизнью и суровым бытом строителей. Выезды делегаций и отдельных литераторов на БАМ и другие стройки продолжались до

конца 1980-х годов. Нередко итогами таких поездок становились новые произведения. О сложных проблемах взаимоотношения человека и природы в районе строительства восточного участка Байкало-Амурской магистрали написал хабаровский писатель В.И. Клипель в книгах «Улыбка Джугджура», «Край черных соболей», «Второе дыхание». БАМу посвящена документальная повесть «Ургальская мелодия» М.П. Белова.

Практика проведения массовых встреч с литераторами в 1950–1970-х годах предполагала серьезную подготовку. Участники литературных встреч, читательских конференций тщательно готовились, знакомились с творчеством писателей, читали их произведения, затем заинтересованно обсуждали их, порой критиковали и даже рекомендовали обратить пристальное внимание на какую-нибудь тему.

Как же замечательно умели выступать наши писатели, какими удивительными рассказчиками были Н.Д. Наволочкин, В.П. Сысоев, Ю.А. Шестакова и многие-многие другие! Как интересно было их слушать, у каждого имелись свои излюбленные приемы привлечения аудитории. Возможно, проще было поэтам, которые читали стихи – свои собственные, классиков и известных советских поэтов. Среди хабаровских поэтов, которые особенно ярко выступали, могли держать аудиторию, были В.С. Еращенко, Б.П. Копалыгин, Л.Н. Миланич. Тексты выступлений перед студентами, школьниками, рабочими, строителями Буреинской ГРЭС, на слете юных следопытов, на радио и телевидении можно прочесть и сегодня в личных фондах В.С. Сысоева, Ю.А. Шестаковой, С.А. Смолякова, В.М. Ефименко.

В середине 1970-х годов писатели на своем собрании приняли решение провести Неделю молодежной книги и одновременно организовывать читательские конференции по произведениям о молодежи, выступления писателей в клубах при вручении паспортов. «Живое, умное писательское слово должно постоянно звучать перед учащимися средней школы, профтехучилищ. Нужно шире использовать

любимую нашим юношеством научно-фантастическую и приключенческую литературу», – написано в резолюции собрания. Особое внимание в 1960–80-х годах уделялось и военно-патриотической тематике. Перед воинами-дальневосточниками выступали писатели-фронтовики В.И. Клипель, В.М. Ефименко, В.П. Сысоев, Н.Д. Наволочкин, И.П. Ботвинник и др.

Еще одно приоритетное направление – взаимодействие со средствами массовой информации. В декабре 1953 года на заседании бюро Хабаровского отделения ССП специально обсуждался вопрос об участии писателей в работе краевого радиокомитета. В докладе заместителя председателя краевого радиокомитета Горчакова прозвучало, что за год было организовано более ста литературных передач и выступлений писателей у микрофона. По радио передавались наиболее интересные отрывки из произведений, например романов «На восходе солнца» Н.М. Роголя, «Сердце Бонивура» Д.Д. Нагишкина, стихи Н.Д. Наволочкина, С.А. Тельканова, С.А. Смолякова. В 1970–80-е годы радиопрограмма «Писатели у микрофона» оставалась очень популярной.

Традиции просветительства, служения народу, культурная, историческая и духовная преемственность – на это опиралась дальневосточная литература в лучшие свои годы. Просматривая архивные документы, погружаясь в ту эпоху, удивляешься и восхищаешься активной жизненной позицией дальневосточников. Разумеется, нельзя сбрасывать со счетов жесткий идеологический контроль со стороны партийных и советских органов, иногда формальный подход к организации мероприятий. И все же это были поистине удивительные времена, когда книга считалась другом. В библиотеках существовали очереди на популярные издания, а творческие встречи с писателями становились частью истории нашего города.

Фото из Государственного архива Хабаровского края

Страницы воскресших книг

Литературная жизнь русской эмиграции в Китае в 1920–40-х

*Все звезды повидав чужие
И этих звезд не возлюбя,
Мы одрели тебя, Россия,
Мы одрели самих себя.*

В. Перелегин

Юлия ЯСТРЕБОВА
Фото Евгении ПЛОТНИКОВОЙ

Китай сыграл особую роль в истории и культуре России первой половины XX столетия, а началась эта история задолго до фатальных для Российской империи событий 1917 года. Русские пришли на север Китая в конце XIX века, чтобы установить крепкие экономические связи с соседним государством и странами Востока. Результатом их мирного созидательного труда стали Китайско-Восточная железная дорога и «восточный Петербург» – Харбин.

Россияне устраивались в Харбине надолго. Новая магистраль, блестящей стрелой соединившая Европу с Тихим океаном, требовала руководства и охраны, а специалисты из России были трудолюбивы, образованны, обладали солидным административным и военным опытом. Молодой город на берегу Сунгари охотно откликался на фантазии русских архитекторов. Улицы получали «петербургские» названия – Садовая, Первая линия, Вторая ли-

ния, Большой проспект и другие. Строились нарядные православные храмы, праздновались Пасха и волшебное Рождество. Жизнь текла привычно, как на родине, а местное население привносило в быт русской диаспоры загадочный колорит азиатской культуры.

Но так получилось, что измученная социальными противоречиями Россия соблазнилась «румяным яблочком большевизма»¹, и Харбин стал не только городом строителей и первопроходцев, но «островом спасения» для многих тысяч людей, выплеснутых из своей страны мутными потоками гражданского раскола. Сложная судьба Харбина была predetermined на десятилетия вперед. Из центров русского зарубежья, возникших по всему миру в результате событий Октября 1917 года, Харбин стал единственным городом другой страны, где русские люди составляли значительную часть населения и жили в атмосфере истинной культуры. Там были свои художественные студии, симфонический оркестр, театры, опера и балет, свои школы и вузы. Местные издательства выпускали русские книги, многочисленные журналы и газеты...

¹ Щербаков М. Одиссеи без Итаки. – Владивосток, 2011. – С. 316.

ГЛАВНАЯ ТЕМА

Харбин. Почтовая открытка 1930-х годов

Харбин. Свято-Николаевский собор

Конечно, существовал еще Шанхай, таинственный и роскошный, который тоже оставил незабываемый след в истории русского зарубежья. Русская колония начала формироваться здесь одновременно с харбинской, но была довольно немногочисленной и состояла преимущественно из дипломатов и банковских служащих. Здесь тоже сложилась насыщенная эмигрантская культура с неповторимым налетом восточного колорита. Этот город обожал Александр Вертинский, в нем пел Федор Шаляпин и проповедовал «Живую Этику» Николай Рерих. Но Шанхай – город Востока и только Востока, в нем просто не могло быть «русейшего облика Харбина»², который так привлекал растерянных и потерянных русских беженцев. Тем не менее, говоря о литературной жизни эмигрантов первой половины XX века, нельзя обойти молчанием и этот центр русской эмиграции, который к тому же теснейшим образом связан с творческой судьбой Харбина.

Причудливо и драматично переплелись истории России и Китая. И вся глубина драматизма этих событий с особой силой отразилась в литературном творчестве российских писателей, ставших не только свидетелями, но и активными участниками трагических событий.

Русская литература и поэзия харбинской диаспоры послереволюционного периода (1918–40-е) формировалась и развивалась в условиях, отличных от других, западных, центров русской эмиграции. Эти условия во многом определили приоритеты литературного творчества, его жанровую и художественную специфику. В первую очередь этому способствовали большое количество русскоязычного населения в городе и сформированная в нем «русская цивилизация». Многие жили в Харбине с первых дней его основания, здесь был их мир: семьи, работа, планы на будущее. Некоторые тут родились или стали харбинцами в раннем детстве, но сама атмосфера города позволяла им ощущать себя русскими. Поэтому для беженцев, не принявших «новую» Россию и отторгнутых ею, Харбин был, по существу, русским городом на китайской земле, и, попав сюда, они оказались все же в кусочке привычной, дореволюционной России. Очень многими из них Харбин воспринимался, как в трогательных строках Георгия Сатовского:

*Замечает с шуршаньем желтый песок
Зелень, улицы, рельсы стальные...
В жарком саване пыльном заснул уголок
Прежней, грустной, любимой России.³*

Годы Гражданской войны возвели непроходимую стену между двумя этими мирами, разделив русских на своих и чужих. Первые шли в «светлое будущее», вторые – в эмиграцию, третьи – на плаху революции. По своей и не по своей воле русские харбинцы оказались в числе вторых. Это заставило их, ставших ненужными своей родине, сплотиться, чтобы сохранить то, что могли сохранить

² Шмейссер М. Грустим по Северной Пальмире... // Русская поэзия Китая. – Москва, 2001. – С. 557.

³ Сатовский Г. Аньда // Харбин. Ветка русского дерева. – Новосибирск, 1991. – С. 258.

теперь только они, – чувство сопричастности к исконно русскому миру. Вынужденное изгнание, тоска о погибшей «прежней» России выплескивались из измученных душ эмигрантов стихами. Писали не только профессиональные поэты, а и вчерашние адвокаты, актеры, офицеры Белой армии, их дамы... Но разве имели значение социальный статус или принадлежность к «богеме», если строки шли от сердца, были искренними и выстраданными?

*Что я могу еще сказать – оторванный, забытый...
Туман невзгод в моих глазах, – они еще открыты...
Куда летят мои мечты, бывшее воскрешая...
Родные степи, Кремль, Батый – то ты, о Русь святая.*
Н. Алл⁴

Вообще «русская идея» была господствующей темой в политической и культурной жизни русской эмиграции первых десятилетий XX века, хотя с течением времени ее восприятие менялось. Первоначально преобладала романтизация белогвардейского движения, «бардом» которого стала Марианна Колосова:

*Бесстрашные!
О, если бы песня была, как буря!
И ветер был вашим певцом!
Пусть ненависть брови надменно хмурит,
И смотрит опасность в лицо...⁵*

Затем эмигрантов охватило «сменовеховство», отражающее взгляды авторов-«белогвардейцев» вышедшего в 1921 году в Праге сборника «Смена вех», и прежде всего Н.В. Устрялова, которого В.И. Ленин справедливо считал одним из главных своих оппонентов в борьбе за «умы людей». А в 1930-е годы, когда эмигрантскую молодежь будоражила провокационная идея японцев о «восстановлении» России для «истинных» русских, то есть без большевиков и евреев, – «гуманные» постулаты фашизма. И, конечно, все это снова торопилось на бумагу:

*Но если вправду была Россия
В пшенице, во ржи и в овсе,
Ведь тогда ж мы семья, мы – родные –
Родные – ты слышишь ли – все!..*
Г. Гранин⁶

Но вот что интересно: несмотря на весь драматизм переживаний русских изгнанников из-за крутых изменений в судьбе, жизнь порой добавляла на серое полотно их эмигрантских будней жизнерадостные мазки. И снова радость находилась в творчестве.

В 1919 году в Харбине возникла студия «Кольцо», объединявшая художников, артистов, поэтов из среды

беженцев. Это был вполне профессиональный и совсем не развлекательный клуб. Но художественные изыски некоторых студийцев весьма забавны и колоритны, даже трогательны. В своих воспоминаниях бывшая харбинка поэтесса Ю.В. Крузенштерн-Петерец пишет: «Студия «Кольцо», как дортуар пансионера, сверкала безукоризненной белизной... Смущали только рисунки на стенах, – один и тот же, бесконечно повторяющийся портрет женщины с плоским лицом и неуклюжими руками..., украшенный настоящими, нашитыми, огромными перламутровыми пуговицами. То были работы художника Кованцева, который, по его словам, первый зарисовал на станции Астапово умершего Толстого... «Пуговицы – это солнца, – говорил он тихо, сияя добрыми голубыми глазами. – Я люблю солнце и потому люблю пуговицы»... Тридцать лет рисовал он свои плохенькие портреты с пуговицами, нищенствовал, голодал, но изменить своим солнцам категорически отказывался...»⁷

Самым ярким представителем «Кольца» в то время – кумир харбинской молодежи Сергей Алымов. Он был красив и харизматичен, избалован и надломлен судьбой одновременно, его стихи завораживали изысканной таинственностью и тонкостью:

*Уронила на скрипку манто,
Протянула капризно уста мне,
И поблекшей гравюре Ватто
Улыбнулись колец твоих камни.⁸*

Критики восклицали: «Сколько народу отравил он своей парфюмерией!» А сам поэт внушал молодежи: «Стихи – это музыка. Прислушайтесь к музыке». И они слушали, и задумывались над его стихами. Алымов прожил в Харбине семь трудных лет. Стихи принесли славу, но не кормили, работа репортера не ладилась, а пьянство отдалило всех друзей и знакомых. В конце 1930-х годов он уехал в СССР, и нить его дальнейшей судьбы затерялась.

Необыкновенно любопытен еще один фигурант студии – Федор Камышнюк, старожил Харбина и первый по времени местный поэт, который блестяще описан Юстиной Крузенштерн-Петерец: «В том же «Кольце» болтался и поэт-футурист Камышнюк. Кто-то из местных меценатов субсидировал издание его толстого сборника стихов. Потряхивая длинными волосами, аккуратно одетый, с пышным голубым бантом на шее, Камышнюк степенной походкой обходил харбинские квартиры, предлагая свою книжищу. Некоторые покупали, чтобы потом со смехом повторять:

*Я – скелет,
Ты – синий труп.
А впереди – корова.*

Шутники уверяли, что это семейный портрет. Скелет – сам автор, корова – жена, синий труп – дама

⁴ Алл Н. Что я могу еще сказать... // Русская поэзия Китая. – Москва, 2001. – С. 42-43.

⁵ Забияко А.А. Жанровые истоки «динамитной лирики» Марианны Колосовой // Русский Харбин, запечатленный в слове. Ч. 1. – Благовещенск, 2007. – С. 25.

⁶ Гранин Г. Россия // Русская поэзия Китая. – Москва, 2001. – С. 146-147.

⁷ Крузенштерн-Петерец Ю. Чураевский питомник // Рубеж. – 2009. – № 9 (871). – С. 286.

⁸ Там же. – С. 286.

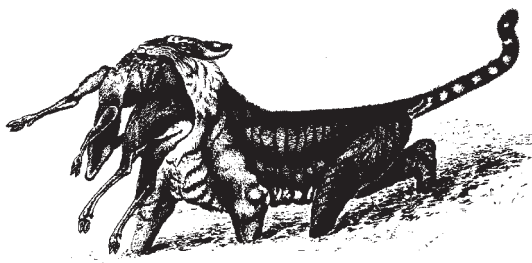
ГЛАВНАЯ ТЕМА

Николай Байков

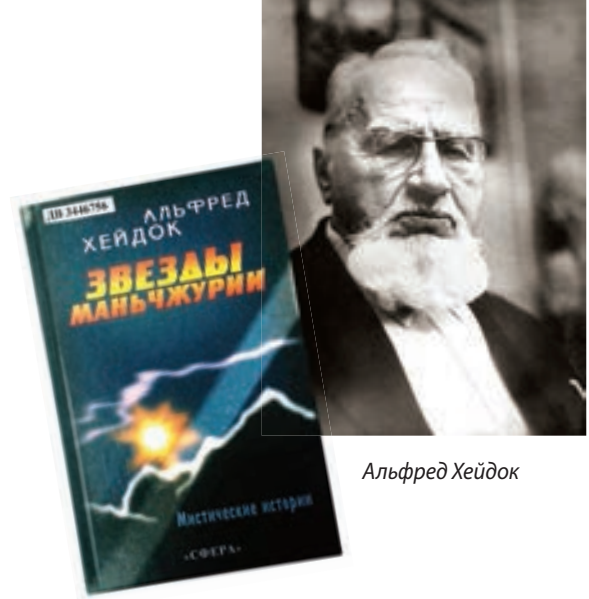
Альманахи Общества старожилов г. Харбина и Северной Маньчжурии «Харбинская старина» за 1936, 1938 годы

Одна из многочисленных иллюстраций, сделанных к своим произведениям Н.А. Байковым – писателем, поэтом, натуралистом, художником, активнейшим членом Общества изучения Маньчжурского края

сердца. «Дама», фанатически влюбленная в стихи Камышнюка, ... действительно смахивала на синий труп. Но сам Камышнюк скелета никак не напоминал, – он даже отращивал брюшко. Потом все это семейство исчезло из Харбина, ушло в область анекдота»⁹.

⁹ Крузенштерн-Петерц Ю. Чураевский питомник // Рубеж. – 2009. – № 9 (871). – С. 287.

Альфред Хейдок

Деятельность этой студии не открыла новых звезд пера и кисти, но она подтвердила то, о чем позднее скажет прозаик Альфред Хейдок: «Лучшие цветы радости растут на трудных дорогах». И большинство людей, объединенных «Кольцом», верили, что эмиграция не конец жизни, еще будут мечты, рассветы и, конечно, поэзия:

*Пусть нам скажут: «Поэт нам не нужен», –
Пусть смеются над нами в лицо. –
Мы, поэты, смыкаемся туже
Не в кружок – в золотое кольцо...
Мы увидим такие рассветы,
О каких торгашам не мечтают:
Только дети, глупцы и поэты
Сохраняют еще благодать...*

М. Коростовец¹⁰

Один из первых исследователей литературного наследия «русского Китая» Е.П. Таскина выделила три периода в процессе его формирования: первый – с начала построения Харбина до середины 1920-х годов, когда большую роль играли писатели старшего поколения; второй в основном связан с деятельностью литературно-художественного объединения «Чураевка» (1926–1935) и третий: середина тридцатых – середина пятидесятых, когда литературное творчество осложняется политической ситуацией и постепенно прекращается в связи с отъездом многих представителей русской интеллигенции из Китая, их смертью или физическим уничтожением.¹¹

Обзор наследия литераторов старшего поколения уместно начать с творчества Николая Байкова. Жизнь забрасывала этого удивительного человека в разные угол-

¹⁰ Коростовец М. Поэт // Русская поэзия Китая. – Москва, 2010. – С. 258–259.

¹¹ Бузюев О. А. Литература русского зарубежья Дальнего Востока: проблематика и художественное своеобразие. – Москва, 2001. – С. 20.

Шанхайское литературное содружество «Понедельник» в новогодний понедельник 1931 года. В центре в нижнем ряду Михаил Щербаков

ки мира, но большая ее часть связана с Маньчжурией. С детства увлеченный романтикой путешествий и интересом к природе, он становится первым и, пожалуй, единственным в своем роде писателем-натуралистом тех лет, воспевавшим маньчжурский «шу-хай» («лесное море») и пестрый мир его обитателей. Его научно-популярные очерки и бесхитростные рассказы о таежной жизни пользовались огромной популярностью, а секрет такого успеха книг Байкова в том, что «...ему удалось застать уходящий мир таежников и следопытов, которые, как и герои Фенимора Купера, уже принадлежали другой эпохе».¹²

В 1920–40-х годах о неповторимой природе маньчжурской тайги и вообще о мире Востока писал также Михаил Щербаков, жизнь которого больше связана с другим городом «русского рассеяния» на Дальнем Востоке – Шанхаем. Он оставил не очень большое, но любопытное литературное наследие с интересным описанием таежных богатств Маньчжурии и реалий восточной жизни.

Но не только об этом писал Щербаков. Наиболее известным его произведением является автобиографический очерк «Одиссеи без Итаки». Как и тысячи русских, офицер Михаил Щербаков осенью 1922 года покинул Владивосток (за день до прихода большевиков). Он начал свое путешествие на крейсере «Лейтенант Дыдымов» в составе Сибирской флотилии адмирала

Г.К. Старка. Флотилия направлялась в Шанхай с заходом в корейские порты Гензан и Сейсин. Переход растянулся на полтора месяца и стал одной из самых трагичных страниц русского исхода. На стоянке в Гензане Щербаков пересел на канонерскую лодку «Улисс» и благополучно добрался до Китая. А утром 4 декабря 1922 года весь мир узнал, что «Лейтенант Дыдымов», не дойдя всего 150 миль до Шанхая, затонул во время шторма. Свой очерк «Одиссеи без Итаки» автор начал с посвящения «Памяти погибших на «Лейтенанте Дыдымове», а закончил пожеланием «современным Одиссеям обрести... новую Итаку, пока старая не сумеет поднести им вместо объявлений вне закона георгиевские значки».¹³ Но и через двадцать лет прежний литературный образ в его творчестве не потерял своей остроты:

*Мы, Одиссеи без Итаки,
Каким прельстимся маяком?..
Нам каждый берег будет чуждым,
Ненужной каждая земля,
Пока под облаком жемчужным
Не заблестят кресты Кремля!¹⁴*

С этой эмигрантской волной в Китай из Владивосто-

¹² Таскина Е. Литературное наследие русского Харбина // Харбин. Ветка русского дерева. – Новосибирск, 1991. – С. 6.

¹³ Щербаков М. Одиссеи без Итаки. – Владивосток, 2011. – С. 315–350.

¹⁴ Щербаков М. В неизвестность // Харбин. Ветка русского дерева. – Новосибирск, 1991. – С. 185.

ГЛАВНАЯ ТЕМА

Валерий Перелешин

Всеволод Иванов

Николай Петерец. Шанхай. 1940-е

Арсений Несмелов

Алексей Ачаур. Харбин. 1940

ка попал и поэт Арсений Несмелов (Митропольский). Вся его последующая судьба будет связана с Харбином, который он сам называл «полустанком» своей жизни.¹⁵ Не все относились к Несмелову и его творчеству одинаково. Некоторым он казался замкнутым и холодноватым гением. Для молодого поколения поэтов «Чураевки» его поэзия представлялась «заполитизированной». Но иначе и быть не могло, поскольку мироощущение человека, прошедшего все ужасы войны и гражданского раскола, несколько иное, чем у молодых людей, оказавшихся хоть и на чужбине, но еще могущих позволить себе бесценную роскошь – бесстрашный максимализм юности.

Несмелов был профессиональным литератором: работал в редакциях газет, под различными псевдонимами печатался во многих изданиях Харбина и Шанхая. Мало кто мог себе позволить жить только литературным трудом, но он как раз и был один из немногих. Стихи Несмелова, раскрывавшие трагедию его поколения – «детей восемнадцатого года», пользовались огромным успехом, потому что главными, «звенящими» нотами в них стали романтизм и мужество:

*Россия отошла, как пароход
От берега, от пристани отходит.
Печаль, как расстояние, – растет.
Уж лиц не различить на пароходе...
Сегодня мили и десятки миль,*

*А завтра – сотни, тысячи, – завеса.
И я печаль свою переломил,
Как лезвие. У самого эфеса.¹⁶*

Выступал А. Несмелов и как автор коротких рассказов, как правило, автобиографичных, охотно публиковавшихся издателями китайских журналов и газет. «Его сопричастность поколению, которое еще вчера «зубрило про катеты», а ныне вынуждено «перейти от игры в солдатики к братоубийственной из войн», превращает его занимательные истории из эмигрантской жизни в поучительный пример стойкости духа и сопротивления трагическим обстоятельствам».¹⁷

В числе харбинских литераторов, занимавшихся публицистикой и журналистикой в том числе, заметной фигурой был Всеволод Никанорович Иванов. Он «...принадлежит к числу немногих, увидевших в 1920-е годы стоящую перед исторической наукой задачу: обратить свой пристальный взор к изучению азиатской составляющей как принципиально важной для развития русской истории и культуры, поскольку Русь вышла некогда из лона азиатской «провинции»».¹⁸

¹⁶ Несмелов А. О России // Харбин. Ветка русского дерева. – Новосибирск, 1991. – С. 200.

¹⁷ Бузев О. А. Литература русского зарубежья Дальнего Востока: проблематика и художественное своеобразие. – Москва, 2001. – С. 29.

¹⁸ Якимова С. И. Вклад писателя Вс. Н. Иванова в осмысление проблемы «Россия – Восток – Запад» // Литература и журналистика русского зарубежья Дальнего Востока в межкультурной коммуникации XX–XXI вв. – Хабаровск, 2012. – С. 141.

¹⁵ Таксина Е. Литературное наследие русского Харбина // Харбин. Ветка русского дерева. – Новосибирск, 1991. – С. 9.

Секретарь «Молодой Чураевки»
В. СлОбодчиков (справа).
Харбин. 1930-е

Члены литературной студии «Молодая Чураевка». Харбин.
Конец 1920-х

Карточка
действительного
члена литературной
студии «Чураевка».
1930/31 г.

Писатель Вс. Иванов (справа) и поэт В. Логинов. Харбин. 1931

В предисловии к серьезному культурологическому исследованию – историко-философскому эссе «Мы: Культурно-исторические основы русской государственности» – Вс. Н. Иванов написал: «... движение евразийцев должно быть приветствуемо всеми любящими свою страну русскими людьми. Из их исследований веет душистостью степей и пряными запахами Востока... Только перетряхивая полным пересмотром историю Востока, найдем мы самих себя».¹⁹

Историческая тема была основной в его художественном творчестве и после возвращения на родину в 1940-е годы. Но сам Вс. Н. Иванов считал, что свои главные философско-культурологические работы он создал в эмиграции, и там же, в Китае, «ничуть не принижая своих по-

знаний в области истории, свою главную задачу определил как журналистскую и публицистическую: просветить и убедить».²⁰ Не забывал он и о поэтической музе. В харбинский период им написаны оригинальная «Поэма еды», а также стихи и сонеты, которые коллеги по перу называли то идеальными, то «тяжелыми и небрежными».

В 1920-е годы в Харбине выросло поколение молодых литераторов, проявивших себя, главным образом, в поэтическом творчестве. В 1926 году среди множества русскоязычных студий и кружков клубного типа появилось литературное объединение, «на которое Харбин уже мог возлагать некоторые надежды – «Молодая Чураевка»... За двенадцать лет до того литературное поле Харбина представляло, если не считать газет, пустыню».²¹

Конечно, про «литературную пустыню» автор этих строк Ю. Крузенштерн-Петерец, посещавшая «Чураевку» в годы своей молодости, несколько преувеличила, ведь были Н. Байков, М. Щербаков, А. Несмелов, Вс. Н. Иванов, В. Перелешин, уже заявили о себе молодые прозаики Б. Юльский и А. Хейдок.

В одно время с ними начал свое литературное творчество и основатель «Чураевки» Алексей Ачаир (Алексей Грызлов) – поэт, преподаватель и мелодекламатор. Исследователь Е.П. Таскина пишет, что Ачаир «... в Харбине был фигурой заметной, авторитет его, как мастера стиха, был очень велик. Его стихи, как и его мелодекламации, пользовались неизменным успехом. Высокий, стройный, выдержанный, даже молчаливый в повседневной жизни, ... он преображался у рояля во время чтения своих стихов. Делал он это своеобразно, но очень артистично».²²

²⁰ Там же. – С. 140.

²¹ Крузенштерн-Петерец Ю. Чураевский питомник // Рубеж. – 2009. – № 9. – С. 288.

²² Глухих Д. «В строках, набросанных небрежно, – моя безумная душа... // Рубеж. – 1998. – № 3 (865). – С. 30.

¹⁹ Якимова С. И. Вклад писателя Вс. Н. Иванова в осмысление проблемы «Россия – Восток – Запад» // Литература и журналистика русского зарубежья Дальнего Востока в межкультурной коммуникации XX-XXI вв. – Хабаровск, 2012. – С. 141. Там же. – С. 140.

ГЛАВНАЯ ТЕМА

Ларисса
Андерсен

Ю. Крузенштерн-Петерец вспоминает, как Ачаир читал поэму «Казачья», «...аккомпанируя себе на рояли легким, задорным стаккато:

*Стукоток стукоток
Топоток топоток
На восток...*

В музыке, стихах, которые, казалось, лязгали, как копыта на мерзлом снегу, слышалась летевшая на конях, не покорившаяся красным, казачья Сибирь.

Всеволод Иванов, сам считавший себя поэтом, брюзжал:

– Язык дан человеку, чтобы выражать мысли, а не лязг копыт». ²³

²³ Крузенштерн-Петерец Ю. Чураевский питомник // Рубеж. – 2009. – № 9. – С. 288.

Музыка вообще играла огромную роль в жизни Ачаира. Даже его жены были связаны с музыкой: одна из них – популярная певица Г. Ачаир-Добротворская с голосом «как звонкий хрусталь», вторая – не менее известная харбинская пианистка В. Белоусова.

Несмотря на кажущуюся легкость, стихи Ачаира были очень глубоки, а в «строках, набросанных небрежно» скрывалась тоска и тяжелая доля неприкаянных русских эмигрантов:

*Не смела нас кручина, не выгнула,
Хоть пригнула до самой земли.
А за то, что нас родина выгнала,
Мы по свету ее разнесли.*

И все-таки имя Алексея Ачаира прежде всего связывается с «Чураевкой». Именно он предложил такое название своему кружку. Его любимый писатель, сибиряк Г. Гребенщиков, в те годы прославился первыми книгами своей многотомной эпопеи «Чураевка» и работой по основанию одноименного русского культурного центра в североамериканском штате Коннектикут. По мысли Ачаира, такие центры должны быть и в других местах русского рассеяния. Почему бы не в Китае?

Почти все поэты Харбина, а затем и Шанхая: Георгий Гранин, Сергей Сергин, Николай Щеголев, Валерий Перелешин, Николай Петерец, Ларисса Андерсен, Лидия Хаиндрова – вышли из ачаировского питомника.

«Трудно себе представить группу более разнородную по характерам, вкусам, воззрениям, чем чураевский Цех Поэтов. Тихий, с головой погруженный в книги Валерий Перелешин. Быстрый, стремительный Николай Петерец. Медлительный, всегда шедший по линии наименьшего сопротивления Николай Щеголев. Великан с детским толстогубым лицом, Владимир Померанцев – Вовка, – бредивший бандитами, корсарам, мушкетерами, галерами и тиграми. Вообразивший себя Печоринным и ненавидевший себя за свои розовые щеки, за молодость, за неуспех у женщин, смотревших на него, как на ребенка, и в самом деле еще ребенок, Георгий Гранин. Быть может, более уравновешенный, чем они все, волевой Сергей Сергин... А над всем этим царил как всеобщая муза, как маяк, как ось, приводившая в движение молодую творческую энергию, – Ларисса Андерсен... все поголовно были в нее влюблены». ²⁴

Воздушная, «яблоновая», девушка Ларисса Андерсен была гордостью «Чураевки». Наделенная необыкновенной красотой и утонченной грацией балерины, она обладала таким благородным поэтическим талантом, что воспринималась не «роковой красоткой», а «лучезарной Сольвейг», как ее называли в кружке. В то время ей было пятнадцать лет, она впервые читала свои «Яблони»:

*Лучшие песни мои не спеты,
Лучшие песни мои со мной.
Может быть, тихой ночью это
Бродит и плачет во мне весной?*

²⁴ Там же. – С. 295.

В ее долгой, трудной и интересной жизни более ста весен: она станет признанной поэтессой и танцовщицей, увидит полмира, выпустит замечательную книгу «Одна на мосту», будет обласкана поклонниками и критиками, но лучшей ее песней, по словам А. Ачаира, будет она сама.

Говоря о Лариссе Андерсен, нельзя не коснуться удивительной темы женского творчества русского зарубежья Дальнего Востока. Марианна Колосова, Лидия Хаиндрова, Александра Паркау, Виктория Янковская, Мария Визи, Нина Завадская, Мария Коростовец, Елена Даль, Эмма Трахтенберг... Каждая из них могла сказать:

*Пусть мои стихи не создадут эпохи,
В них нет ни новых фраз, ни жгучих откровений,
Я собрала печаль, мечты, сомненья, вздохи
Трагично гибнущих со мною поколений...*

А. Паркау²⁵

Сильные и слабые, возвышенные и резкие, успешные и обреченные на страдания, прожившие долгие жизни и ушедшие в юном возрасте, они определили целое явление в русской эмигрантской поэзии, став его неотторжимой и прекрасной частью.

Но никто, наверное, из чуряевцев не подтвердил своего увлечения поэзией так, как Валерий Перелешин (Валерий Салатко-Петрице): у него на счету свыше де-

сяти книг стихотворений и несколько сборников переводов. В его поэтических произведениях разнообразной тематики размышления о человеческой жизни и многообразии мира, восточные мотивы, любовь к холодной России и ласковому Китаю:

*Я сердца на дольки, на ломтики не разделю,
Россия, Россия, отчизна моя золотая!
Все страны вселенной я сердцем широким люблю,
Но только, Россия, одну тебя больше Китая...
И вдруг опадают, как сложенные веера,
Улыбки, и сосны, и арки... Россия, Россия!
В прохладные эти задумчивые вечера
Печальной звездой восходит моя ностальгия.²⁶*

Перелешин был одним из немногих русских эмигрантов, кто выучил китайский язык. Благодаря уважению к языку принявшей страны, увлеченному изучению культуры «страны шелков, и чая, и лотосов, и вееров»²⁷ он вошел в историю литературной жизни русского Китая не только как замечательный поэт, но и как тонкий переводчик.

Как правило, стихи чуряевцев попадали на страни-

²⁶ Перелешин В. Ностальгия // Русская поэзия Китая. – Москва, 2001. – С. 394–395.

²⁷ Перелешин В. Три Родины // Русская поэзия Китая. – Москва, 2001. – С. 412.

²⁵ Харбин. Ветка русского дерева. – Новосибирск, 1991. – С. 8.

цы еженедельного художественного журнала «Рубеж». Для многих поэтов и писателей он стал началом пути в литературу, стартом в долгую творческую жизнь.

В 1926 году вышел его первый номер, сразу выделив издание из громадного числа русскоязычной периодики и заинтриговав читателей. Журнал был интересен, меньше других связан с политическими течениями. Но только в 1928 году, с появлением главного редактора Е. Кауфмана, у издания появилось свое лицо. Считая, что «современный эмигрантский иллюстрированный журнал должен быть зеркалом жизни» и «полностью отражать ее бешеные темпы и калейдоскопическую пестроту»²⁸, редактор заботился, чтобы «Рубеж» содержал свежие фоторепортажи из разных уголков мира и эксклюзивные литературные материалы.

В 1945 году в Харбине вышел последний, 862-й, номер «Рубежа». Но его история не закончилась, потому что в 1992-м уже тихоокеанский «Рубеж» под номером 1(863), продолжив традиции и нумерацию харбинского, представил читателям свои публикации из творчества русских эмигрантов.

История «Чураевки» оказалась менее счастливой. Первые годы она жила насыщенной творческой жизнью. Открытые для всех «Вечера у зеленой лампы» с интереснейшими докладами и литературно-музыкальными постановками пользовались в Харбине огромным успехом. Регулярно проводились поэтические конкурсы. 27 декабря 1932 года в свет вышел первый номер самостоятельной газеты «Чураевка». А в начале декабря этого же года в кружке произошла «национальная революция», которую можно считать историческим переломом в развитии кружка. Образовался «Круг поэтов», который избрал своим «знаменем» «героя-мученика» Н. Гумилева и освободился от «несмеловщины». «Нам надоело фамиллярное отношение этого «мэтра» к святыне национализма. Нельзя снисходительно потрепывать по плечу Родины. Не люди типа Несмелова, а люди типа Гумилева должны вдохновлять национально мыслящих юношей и девушек...»²⁹.

Перестройка «Чураевки» обнаружила идейные расхождения между ее молодыми членами и А. Ачаиrom, который отказался дальше руководить кружком. Угрожал существованию обновленной «Чураевки» и наступающий японский террор. Кружок стал редеть, и к маю 1934 года на собраниях вместо нескольких десятков присутствовало по шесть-семь человек. Последней каплей стало загадочное самоубийство поэтов-чураевцев С. Сергина и Г. Гранина в номере отеля «Нанкин», вызвавшее настоящую травлю литераторов со стороны японских властей. Можно сказать, что вместе с молодыми поэтами погибла и сама «Чураевка». В 1933 году некоторыми из бывших чураевцев в Шанхае было организовано параллельное объединение, но, несмотря на все усилия, шанхайская «Чураевка» не смогла продолжить традиции «Чураевки» харбинской и 1 ноября 1935

²⁸ Бузиев О. А. Литература русского зарубежья Дальнего Востока: проблематика и художественное своеобразие (1917–1945 гг.). – Москва, 2001. – С.14–15.

²⁹ Глухих Д. «В строках, набросанных небрежно, - моя безумная душа... // Рубеж. – 1998. – № 3 (865). – С. 33.

Историк литературы Ли Янлен

года слилась с организацией «Восток». Так возникло новое литературное объединение «Шатер».

После продажи советской стороной своих прав на КВЖД Япония, все увереннее ступая по земле Маньчжурии, в 1937 году начала войну против Китая, а вскоре в Европе началась война мировая. Литературная жизнь русской эмиграции в годы Второй мировой войны не затихала ни в Харбине, ни в Шанхае, куда в годы японского террора перебрались многие харбинцы. В эти годы В. Перелешин опубликовал в журнале «Рубеж» лаконичное стихотворение:

*Не плакать о сердце своем,
Не плакать о сердце чужом
И над прикрытыми ранами,
И даже над целыми странами,
Что гибнут во зле мировом, –
Не плакать уже ни о чем...³⁰*

Эмигранты с напряжением, часто рискуя жизнью, старались узнавать вести с воюющей Родины, радуясь победам и переживая поражения. Все обиды прошлого уходили прочь, беда казалась общей. Мечта тоже была одна – победа. И вот в августе 1945 года в Харбин вошли советские войска. Русским поэтам и писателям города предложили выступить 17 сентября перед освободителями. После замечательного концерта, оказавшегося ловушкой, всех арестовали – и писателей, и тысячи простых русских харбинцев. Потом была долгожданная дорога «домой». Уже на любимой родине, в Гродековской тюрьме под Владивостоком, вскоре от инсульта скончался Арсений Несмелов, а Алексей Ачаир, обвиненный трибуналом в «со-

действию международной буржуазии», отправился на 10 лет в лагеря. Те, кому удалось избежать «возвращения на историческую родину», постарались побыстрее покинуть Китай и уехать подальше от Советского Союза.

Русская диаспора в Китае, обманутая и униженная, еще десяток лет будет пытаться восстановить свои былые культурные традиции. Ежегодно станут праздновать Дни русской культуры, Пасха и Рождество. В Николаевском соборе в день смерти П.И. Чайковского будет звучать литургия великого композитора. Поэты и писатели продолжают задавать извечные русские вопросы «Кто виноват?» и «Что делать?», даже не ожидая на них ответов. А в это время История будет нетерпеливо переворачивать страницы книги жизни, чтобы в середине 50-х годов XX столетия начать новый рассказ, с другими персонажами, с чистого листа...

Литературное наследие русских эмигрантов в последние десятилетия вызывает неизменный интерес как специалистов, так и любителей чтения. «Западная ветвь» эмигрантской литературы, то есть творчество россиян, не сумевших понять и принять «новую» Россию и избравших судьбу эмигрантов в странах Европы, достаточно глубоко изучена и известна широкому кругу читателей. Литература же русской диаспоры Дальнего Востока, в частности Китая, ее «восточная ветвь», долгие годы в силу разных причин была тайной за семью печатями, и только недавно эта «китайская шкатулка» стала открывать миру свои сокровища.

Волне возрождения литературы «русского Китая» мы во многом обязаны китайскому ученому, поэту и переводчику Ли Яньлину (Янлену) (1940) – профессору Цицикарского университета, члену Союза писателей России, историку литературы, иностранному члену Российской академии наук в области истории и филологии. Он взял на себя, по словам профессора А.А. Забияко, «посланническую миссию сохранения и распространения русской культуры и литературы»³¹ – «литературы с душевной раной», как он сам ее назвал».³²

³⁰ Харбин. Ветка русского дерева. – Новосибирск, 1991. – С. 26.

³¹ Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX–XXI веков. – Благовещенск, 2013. – С. 228.

³² Ли Янлен. Возвращение на Родину // Харбин – мой оазис. – Пекин, 2005. – С. 18.

Услышав впервые от учительницы-эмигрантки звуки русской речи, Ли Янлен навсегда заболел русской литературой, с которой связал свою дальнейшую судьбу. Уже будучи ученым с мировым именем он рассказывал журналистам историю из своего детства о том, как однажды советский красноармеец подарил ему тоненькую книжечку стихов Пушкина. Мальчик принес ее домой и показал маме. А мама сказала: «Янлен! Когда ты сможешь прочитать эти стихи, я скажу: «Господин Янлен, вы стали талантливым человеком».³³ Он прочитал и эту книжку, и множество других, а еще блестяще закончил факультет русского языка и литературы Хэйлунцзянского университета в Харбине и написал десятки замечательных «русских» стихотворений.

После окончания университета началась почти 40-летняя работа по изысканию стихов и прозы представителей русской эмиграции 1920–40-х годов и переводу ее вместе с группой единомышленников на китайский язык. Эта работа была необыкновенно интересной и... опасной. Когда в 1967 году, во время «культурной революции», «красные командиры» бросали в огонь книги русских эмигрантов, уничтожая «контрреволюционный мусор», Ли Янлен рисковал головой, тайно, по крохам собирая поэтические томики, прозаические сборники, журналы с произведениями «русских китайцев», превратив эту деятельность в главное дело своей жизни.

«Помню, как я приобрел свою первую русскую книгу, – вспоминал профессор в одном из интервью. – Подошел на улице к продавцу купить рыбы, вижу, он заворачивает ее в листок, вырванный из русской книги. Поинтересовался, сколько у него такого «товара». Он сказал: мешок. Я попросил продать, продавец испугался и наотрез отказал. После долгих уговоров он все же уступил моей просьбе. Когда стал разбирать мешок, обнаружил рядом с эмигрантской литературой томики Ленина. Гримасы жизни. А что касается той «рыбной» книги, это оказался сборник Арсения Несмелова, одного из самых известных и признанных сегодня поэтов русского Китая...»

Ли Янлен никогда не останавливался на полпути. Не менее важной, чем найти и перевести литературное произведение, он считал задачу донести его до публики. Профессор свято верил в «читательский эффект», который выразил в одной точной фразе: «Даже роман «Анна Каренина», если бы людям не удалось прочитать его, не мог бы стать великим произведением».³⁴

Свои убеждения он воплотил в жизнь в виде пятитомного издания «Утренняя песня Сунгари»: Серия литературы русских эмигрантов в Китае», увидевшего свет в 2002 году. За эту уникальную работу профессор Ли Янлен награжден президентом России орденом Дружбы, а вскоре было принято решение о переиздании серии на русском языке. Российский президент предложил спонсировать этот проект, но профессор отказался: «Это мое дело, и я сам должен его закончить». В 2005 году Цент-

ральное книжное издательство китайской молодежи в Пекине выпустило 10-томное издание «Литература русских эмигрантов в Китае» на русском языке. Каждый том имеет свое неповторимое название: «Харбин – мой оазис», «Волга, текущая в сердце», «Я береза России», «Соната над Хинганом», «Вялые лепестки розы», «Сладкое или горькое» и др. В предисловии Ли Янлен написал: «Наконец-то настал день, когда я могу вслух с удовлетворением произнести: «Россия, я вернул тебе то великое литературное наследие, которое четверть миллиона русских оставили некогда в Китае». Это издание вернуло к жизни имена 70 поэтов и 24 прозаиков.

Исследование литературы русского зарубежья в Китае активно ведется и российскими учеными, в том числе дальневосточными. В связи с этим хочется обратить особое внимание на работы С.И. Якимовой, А.А. Забияко и их коллег, без которых написание этой статьи стало бы невозможным. Многие из этих трудов, а также исследования других авторов есть в фонде Дальневосточной научной библиотеки и доступны широкому кругу читателей. Специалистами отдела краеведческой литературы ДВГНБ ведется скрупулезная работа по формированию картотеки статей из текущей периодики и поступающей в библиотеку литературы по этой теме. И, конечно, библиотека бережно хранит книги с сочинениями эмигрантов «русского Китая» и проводит просветительскую работу в виде обзоров, презентаций, выставок для того, чтобы читатели знали о них – их судьбе и творчестве, их любви к России, в которую они все-таки вернулись – стихами, прозой, мемуарами...

*Кончаю земное хождение по мукам,
Хождение по мукам, что видел во сне –
С изгнанием, любовью к тебе и грехами.
Но я не забыл, что обещано мне
Воскреснуть. Вернуться в Россию – стихами.³⁵*

Г. Иванов

«Это память о той Руси, которая долгие десятилетия замалчивалась. Но стоит перелистать страницы воскреснувших книг, и вас охватит свежий ветер здравого смысла, сдувающий шелуху наветов идеологов разных мастей. Это часть настоящей русской литературы, без которой невозможно существование ее в целом, как невозможно жить полноценной жизнью человеку с отсеченной рукой. И если западную русскую эмиграцию можно уподобить правой руке, то восточная ее часть, то есть китайская по преимуществу, воистину рука левая. А двумя руками легче поднять древко со знаменем, на котором начертаны письмена: «Русь. Россия. Родина».³⁶

Иллюстративный материал к статье подготовлен автором и Евгенией Плотниковой

³³ Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX–XXI веков. – Благовещенск, 2013. – С. 228.

³⁴ Ли Янлен Возвращение на Родину // Харбин – мой оазис. – Пекин, 2005. – С. 18.

³⁵ Игнатенко И. Подвиг дружбы // Харбин – мой оазис. – Пекин, 2005. – С. 8.

³⁶ Там же. – С. 10.

Книжный ряд

Наталья РОДИНА

От руки

Автограф до востребования: сборник стихов. – 2-е изд., доп. – Хабаровск, 2015.

Почему в наше время, когда буквенный ряд клавиатуры усваивается раньше алфавита, замысел литературный, особенно поэтический, часто воплощается ручкой на бумаге, а на компьютере набирается уже готовый текст? Авторы, тщательно работающие со словом, говорят, что интонация, ритмика стиха приходят именно в записи – от руки.

С этой точки зрения поэтический сборник «Автограф до востребования» – эксперимент на восприятие стиха автором и читателем.

Книга – переиздание одноименной, вышедшей в 2001 году, собрана летом 2015 года независимыми издателями Геннадием Дорошенко и Дмитрием Слученко. По замыслу автора проекта Геннадия Дорошенко «...поэтам предлагалось выбрать самостоятельно самое лучшее или значимое по каким-либо соображениям стихотворение. Для нас важным оставалось только одно – чтобы стихотворение было написано от руки, с автографом и к нему прилагался рассказ о личных тонкостях работы со словом. Мы просили авторов не стараться специально менять свой почерк для удобочитаемости, оставить его естественным. Чтобы поэт открыл свою ладонь для дружеского рукопожатия именно с вами».

Сорок один автор представлен «триадно»: произведение факсимиле, в пе-

чатном варианте и эссе-размышление о тайнах ремесла. Сорок одна фамилия в алфавитном порядке, вне привычной «табели о рангах»: известные, уже признанные, и те, кто ищет своего читателя, живущие и оставшиеся с нами в любимых строчках... Своего рода антология – два века хабаровской поэзии, несмотря на тетрадный формат и легкую обложку. Читатель, открывший «Автограф...» с непредвзятым интересом, как раритет увидит рукописный вариант стихов Петра Комарова, прочтет трепетное обращение Лады Магистровой, познакомится с творениями современников, выбрав что-то близкое для себя. Но для этого придется пойти в библиотеку: тираж 200 экземпляров, увы, изначально делает изданный на общественных началах «Автограф до востребования» библиографической редкостью.

Восемнадцать минус

Наволочкин Н.Д. Избранное: в трех томах. Хабаровск: издательский дом «Приамурские ведомости». 2015.

В детстве с любимыми книгами приходят не авторы, а герои – Петя Швырялкин и Лена Пустякова, кот Егор и полудница Акуля – те, кто рядом, но просто незнакомы, а значит, незаметны. А то, что рассказал (а значит, познакомил нас с ними) Николай Дмитриевич Наволочкин, делает их живыми, близкими. Имя это подросший читатель вспомнит, когда откроет исторический роман «Амурские версты» и встретится в XIX веке с капитаном Яковом Дьяченко – о нем как об основателе Хабаровска мы узнали не только благодаря литературному таланту, но и настойчивости автора, взявшего на себя труд историка-исследователя. А в повестях «Шли радисты» и «Жди ракету» участник Великой Отечественной, военный связист старший сержант Николай Наволочкин вспоминает своих однополчан на Курской дуге, при форсировании Днепра, в страшных военных буднях как реальный очевидец событий в самом пекле истории.

Таким его и знает читатель с детства – близким сверстником, мудрым собеседником, потрясающим рассказ-

чиком, внимательным к мелочам даже в поэтических строках. Поэзия, как сказки и фантастика – то, что Наволочкин видит и преобразует силой своего дара. Потому и сказал о нем поэт и писатель Николай Кабушкин: «... каждое мгновение мира действительно не обычно, но не каждому это доступно для взора, слуха и ума. Не каждый видит или слышит это чудо жизни... И только особый дар дает человеку возможность видеть потаенное, а главное – передать увиденное и необычное».

Трехтомник избранного – итог долгой работы сотрудников издательского дома «Приамурские ведомости», выйдет из печати в декабре. Сюда вошли произведения известные, любимые читателями, и те, что печатались давно, но, по словам редактора-составителя Э.А. Кандаля, были дороги автору. Содержание по томам не хронология, а тематика, создающая настроение первый – дальневосточная история XIX

века (роман «Амурские версты», статья «Казачи – это внутреннее состояние и образ жизни»); второй – военная проза и юмористическая (или сатирико-фантастическая – кто как воспримет) повесть «После дождичка... в среду»; третий – с известными сказочными повестями «Знакомые кота Егора», «Полудница Акуля» и рассказами, стихами, сказками, которые можно назвать детскими, но родители, на них выросшие, читают их с таким же удовольствием. Ведь, чтобы знать, чувствовать, творить в этом мире, всего-то «нужно видеть, слышать, трогать, нюхать, удивляться – и любить». Как и у автора этих строк Рэя Брэдбери, книги Николая Наволочкина о простом и необходимом, а значит, возраста не имеют. В этом у читателя есть еще один шанс убедиться.

Миры Чехова, Шукшина, Успенского...

Анна МОРОЗОВА

Владивостокских художников, чьи творческие интересы затрагивают книжную иллюстрацию, объединила выставка «Миры книг». Приморское отделение Союза художников России организовало ее в рамках Года литературы и представило работы иллюстраторов в серьезном историческом отрезке – от советского времени до наших дней.

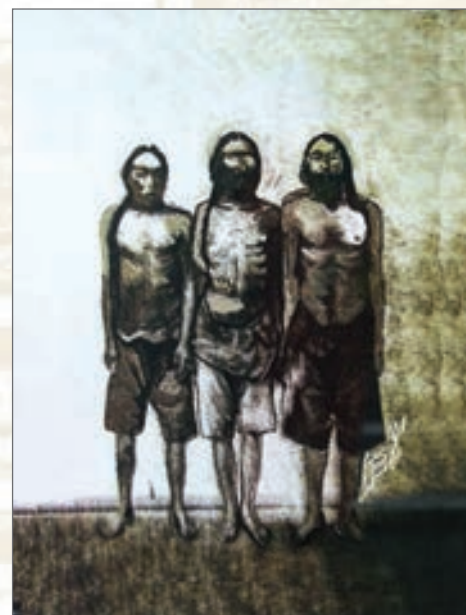

Александр Шалагин. Серия иллюстраций к рассказам В.М. Шукшина

Владимир Старовойтов. Иллюстрация к книге А.П. Чехова «Остров Сахалин». Казнь

В экспозицию вошли прекрасные образцы книжной графики из коллекций Приморской картинной галереи и Приморского объединенного музея им. В.К. Арсеньева, из личных собраний авторов. В том, что миры книг бесконечны, можно убедиться, глядя на иллюстрации Сергея Черкасова к фадеевскому «Разгрому», Джона Кудрявцева к остросюжетным американским романам и

Владимир Старовойтов. Иллюстрации к книге В.М. Дорошевича «Сахалин. Каторга». У Стены

Джон Кудрявцев. Обложка и иллюстрации к книге Э. Успенского «Дядя Федор, пес и кот»

любимой многими поколениями книге «Дядя Федор, пес и кот», Виктора Убираева к повести Бориса Жиденкова «Петля тайги» и сказке «Терешечка», Александра Шалагина к рассказам Василия Шукшина, Лидии Козьминой к сборнику «Звезды Маньчжурии».

Особняком – и с точки зрения палитры, и по эмоциональному звучанию – стоят произведения Владимира Старовойтова и Тамары Кузьминой. Накал человеческих страданий в книгах Антона Чехова «Остров Сахалин» и Власа Дорошевича «Сахалин. Каторга» родившийся на севере бывшего каторжного острова Владимир Старовойтов выразил в жестких линиях рисунка и охристо-серых тонах. Графическая серия, созданная в 2011 году, включает 54 иллюстрации. Работая над ними, Старовойтов изучал не только литературные источники, но и архивные, в том числе и фотографии рубежа XIX–XX веков. Работы этого художника находятся в собраниях Сахалинского областного художественного музея и музея книги А.П. Чехова «Остров Сахалин», в университете Саппоро (Япония), выставки проходили в Южно-Сахалинске и Поронайске.

Иллюстрации Тамары Кузьминой иного рода. Рисунки-метафоры, пульсирующие чистыми яркими красками, обрамляют сказки современного автора, жителя Владивостока Виктора Квашнина «Хозяин моря». К слову, в 2015 году на известной Дальневосточной выставке-ярмарке «Печатный двор» появилась новая номинация «Лучший книжный иллюстратор», где среди прочих были представлены книги «Хозяин моря» и двухтомник Александра Лобычева «Шествие с востока» в оформлении Лидии Козьминой.

В материале использованы иллюстрации с сайта <http://www.newsvl.ru>

Джон Кудрявцев. Иллюстрации к остросюжетным американским романам

Тамара Кузьмина. Иллюстрации к книге «Хозяин моря»

Кот-философ

- А что это за звуки, вон там? – спросила Алиса.
- А это чудеса, – равнодушно пояснил Чеширский Кот.
- И что же они там делают? – поинтересовалась девочка.
- Как и положено, – Кот зевнул. – Случаются.

Л. Кэрролл

О писателях, котях и бесконечности бытия

Елена ГЛЕБОВА

«Хочешь быть писателем – заведи кота. Так завещал Олдос Хаксли, и, кажется, все мировое писательское сообщество прислушалось, а если не прислушалось, то усвоило это правило на интуитивном уровне. У многих крупных фигур литературы были свои аргументы для того, чтобы держаться поближе к этому грациозному и совершенно самостоятельному животному...»

С этих слов начинается свое обращение к зрителю дальневосточный художник Константин Антипов. Его фотовыставка «Экслибрис бытия», посвященная Году литературы в России, прошла осенью 2015 года в Московском государственном музее-заповеднике Люблино.

Константин Антипов, будучи участником многочисленных зональных и региональных выставок, известен своими живописными работами. Еще он признанный мастер в области реставрации икон, его работы находятся в музейных и частных коллекциях. Но отдельная строка в творчестве – художественная фотография. Погружаясь в пространство остановленного мгновения, художник с помощью красок и форм самой природы отыскивает самые главные цитаты в бесконечной книге бытия и высвечивает их для нас – солнечным лучом, легкой тенью, предзакатной дымкой... Он созерцатель, мыслитель, творец. И не случайно его выставка в Люблино вызвала теплые, а порой очень трогательные отклики.

Из книги отзывов: «Я вспомнил детство... Спасибо!» Валера Фридрих. «Бедный кот». Саша Фридрих. «Ваши фотографии как радуга. Радуга – тонких душевных оттенков, которые перебиваются и греют душу теплым светом». Ольга Фридрих.

Серия фотографий, обозначенная автором как «Экслибрис бытия», – это и погружение в

Фиалки

*Когда на дачах пьют вечерний чай,
Туман вздувает паруса комары,
И ночь, гитарой брякнув невзначай,
Молочной мглой стоит в иван-да-марье,
Тогда ночной фиалкой пахнет все:
Лета и лица. Мысли. Каждый случай,
Который в прошлом может быть спасен
И в будущем из рук судьбы получен.*

Б. Пастернак

большую литературу. Потому что каждая работа неразрывна с цитатами из произведений мастеров с мировыми именами, подобранными художником. Среди них Рэй Брэдбери («Есть преступление хуже, чем сжигать книги. Например, не читать их.»), Марина Цветаева («В тихую пристань, где зыблются лодки, / И отдыхают от бурь корабли, / Ты, Всемогущий, и Мудрый, и Кроткий, / Мне, утомленной и маленькой лодке, / Мирно приплыть повели.»), Иосиф Бродский, Борис Пастернак и другие.

А вот еще на тему писателей и котов из аннотации, подготовленной к выставке Константином Антиповым:

«Кто-то, как Уильям Берроуз, восхищался умением котов существовать в социуме, совершенно не служа ему. Кто-то, как Хемингуэй, ценил в котях их «эмоциональную честность». Марка Твена, например, всегда изумляло отсутствие у котов «рабского» гена. Очевидно, что как в любом достойном человеческого внимания объекте, в котях каждый находил что-то свое. Для писателя нет животного более необходимого, чем кот. Кот в своем эгоцентризме, любви к многочасовому меланхоличному лежанию в тепле (что назовем усидчивостью), общим умозрительно-пофигистским взглядом на жизнь и неподдельным бурным интересом к бабочке похож на писателя...

Когда к Бродскому приходили гости, знаком особого расположения поэта служило предложение: «Хотите, я разбужу для вас кота?» Марк Твен говорил: «Если бы человек мог быть скрещен с котом, это улучшило бы человека, но ухудшило бы кота». Бернард Шоу считал: «Человек культурен настолько, насколько он способен понять кошку».

Некоторые работы из серии «Экслибрис бытия» уже экспонировались в Хабаровске в Дальневосточной государственной научной библиотеке, в музее истории Хабаровска, но в музее-заповеднике Люблино значительная часть фотографий представлена впервые. Творчество Константина Антипова вызвало такой резонанс, что организаторы по истечении положенного срока продлили выставку еще на целый месяц. И на будущее договорились провести персональную художественную выставку дальневосточного художника в музейном комплексе усадьбы Коломенское.

Мартовское утро

*В деревне Бог живет не по углам,
как думают насмешники, а всюду.
Он освящает кровлю и посуду
и честно двери делит пополам.
В деревне Он – в избытке. В чужуне
Он варит по субботам чечевицу,
приплясывает сонно на огне,
подмигивает мне, как очевидцу.
И. Бродский*

Раздумья

... в детстве меня изумляло, что буквы в закрытой книжке не перепутываются и за ночь не теряются...

Х. Борхес

Сергей Иннокентьевич Красноштанов – профессор, ученый-фольклорист, в 2015 году отметил 80-летие. Можно сказать, что вся его жизнь и творчество посвящены Дальнему Востоку, потому что уже больше шестидесяти лет он живет и работает в Хабаровске. За это время С.И. Красноштанов совершил множество экспедиций, воспитал немало учеников, а главное, сформировал серьезный литературный фонд из своих научных исследований, собранных и опубликованных материалов. Он из тех людей, что слышат особое звучание слова, видят красоту народного поэтического творчества. Этому посвящены его публикации (а их уже около ста), среди которых книга «Русские лирические песни Сибири и Дальнего Востока», изданная Сибирским отделением Российской академии наук, сборники песен и частушек Гражданской войны на Дальнем Востоке «Тропами таежными», а также «Песни царской неволи», «Огненные листья», «На золотом крыльце сидели», «Ехала деревня мимо мужика».

Далекая страна Сибирь

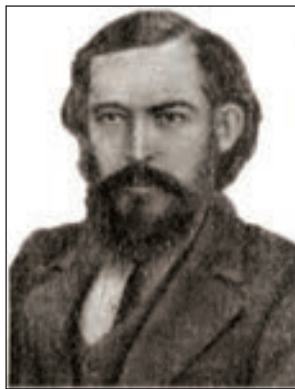
Сергей КРАШНОШТАНОВ

Уроженца Камчатки Иннокентия Васильевича Федорова-Омулевского (1836–1883) помнят у нас как автора романа «Шаг за шагом», неоднократно переиздававшегося в советское время. Но мало кому известна его поэзия, и забыта она совершенно незаслуженно. Имя его занимает достойное место в ярком созвездии поэтов некрасовской школы, таких как В. Курочкин, Д. Минаев, В. Богданов, М. Михайлов. Эта школа играла ведущую роль в русской поэзии второй половины девятнадцатого века. Стихи Иннокентия Васильевича пользовались большой любовью у революционной молодежи, многие его произведения печатались в народных книгах для чтения и демократических сборниках массового издания. А «Светаает, товарищ!» была одной из популярных революционных песен.

Тема Сибири и Дальнего Востока занимает особое место в лирике поэта. Стать певцом родного края было заветной мечтой И.В. Федорова-Омулевского. Но осуществлять ее он смог лишь в конце жизни, когда в 1882 году стало издаваться «Восточное обозрение», положившее начало сибирской журналистике. В одном из четверостиший, посвященных редактору Н.М. Ядринцеву, И.В. Федоров-Омулевский писал:

*Когда б, быть может, твой журнал
Мог появиться раньше в мире,
И я бы, друг мой милый, стал
Поэтом истинным Сибири!¹*

Мечте поэта суждено было осуществиться. Его справедливо считают одним из видных зачинателей сибирской поэзии.

В «Сибирском сборнике» приводится любопытный случай, свидетельствующий, насколько глубоким было у поэта чувство любви и привязанности к Сибири. «С восторгом ребенка любовался Иннокентий Васильевич раскрывшимися перед ним одна за другой родными картинками в Сибири. При виде Тобольска и памятника Ермаку Омулевский, по рассказу жены, ехавшей вместе с мужем на пароходе, бросил в воду в честь завоевателя Сибири свои часы, не имея возможности иначе выразить свой восторг!» – пишет автор статьи.

В русской дооктябрьской литературе установилось традиционное изображение Сибири как страны изгнания, ссылки и каторги. Начало этой традиции положил еще протопоп Аввакум в семнадцатом веке. Как страшная и суровая страна воспринималась Сибирь романтиками начала девятнадцатого века, поэтами-декабристами, поэтами пушкинской плеяды, позже просветителями, народниками.

Традиционное изображение Сибири как страны горя народного и слез мы наблюдаем и в стихах И.В. Федорова-Омулевского. Острой болью отзываются в сердце поэта страдания людей. Еще в 1860-е годы он пишет одно из лучших своих сибирских стихотворений «Если ты странствуешь, путник», которое не случайно было помещено на страницах журнала «Современник»:

*Если ты странствуешь, путник,
С целью благой и высокой,
То посети между прочим
Край мой далекий...
Там сквозь снега и морозы
Носятся мощные звуки:
Встретишь людей там, что терпят
Муки да муки...*

¹ «Сибирский сборник» под ред. Н.М. Ядринцева СПб. 1887 г., стр. 140.

*Нет там пустых истуканов,
Вздохов изнеженной груди...
Там только люди да цепи.
Цепи да люди!*

Страна изгнания и мук – такой предстает Сибирь в глубоко прочувствованных стихах «На дальней родине моей», где рассказывается о привычном для сибиряка звуке – кандалном звоне. Этот звук с детских лет преследует поэта и будит в его душе сочувствие тяжелой участи людей, жестоко наказываемых самодержавием:

*И я молю, чтоб этот звук,
Глухой, как в крышку гроба стук,
Бесследно замер поскорей
Для бедной родины моей
Страны изгнания и мук.*

Но поэт видит в Сибири не только страну изгнания. В его душе рождается чувство радости и гордости родным краем. Он не пасынок, а сын Сибири, которую любит всем сердцем.

И.В. Федорова-Омулевского справедливо считают одним из видных представителей сибирской поэзии. Заслуга его заключается в том, что он в последние годы жизни сделал Сибирь главной своей поэтической темой и сумел преодолеть традиционный и односторонний взгляд на Сибирь как на страну изгнания. До него об этом крае писали такие сибирские писатели и поэты, как Н.А. Полевой, И.Т. Калашников, Н.С. Щукин, Ф.И. Бальдауф, П.И. Ершов и другие.

Для Омулевского родной край представлял во всем его богатстве и разнообразии, в чарующей прелести природы, самобытной и величавой красоте. Омулевский был убежден в том, что будущее Сибири прекрасно. Идею освобождения и расцвета сибирского края поэт связывает с мыслью о том, что политические ссылки со временем разбудят ее народ, оживят эту холодную и пустынную страну.

В стихотворении «Монолог» поэт рисует романтическую, полусказочную картину возрождения далекой страны. Печать величия отмечены ее горы, гигантские реки, необъятный простор степей. Пускай ты сурова и безлюдна, говорит поэт, но дух свободы созовет со всех концов вселенной лучших сынов, которые «на родине надменной» не нашли сочувствия своим «святым помыслам». Народ проснется, оживет, «и в стужу зацветет народных дум растение молодое».

Стихотворение «Монолог» не было опубликовано. Цензор писал о нем: «Поэт выставляет далекую суровую страну, в которой на всем лежит печать того величия, которое вносит дух свободы в мир и народы; этот дух и созовет в нее «лучших сыновей, не видевших в надменной родине «сочувствия к святым своим помыслам»... По мнению цензурававшего, такое сочувствие к стране изгнания, в которой всякий узнает Сибирь, и к самим изгнанникам... будет иметь особое тенденциозное значение, почему он полагал бы стихотворение не дозволить».²

² Омулевский И.В. (Федоров). Собрание сочинений. Т. 2. Ред. статьи и примеч. М.К. Азадовского и И.Я. Айзенштока, Иркутск, 1936, с. 377–378.

О политических ссылках поэт пишет с большой симпатией и сочувствием. Это герои, мужественные, смелые, страдающие за народное дело. Для него они родные братья, пример для подражания («Гости»). Своей революционной борьбой они подготавливают будущее. Поэт преклоняется перед их жизненным подвигом («Залетные птицы»). Суровый край не отпугивает ссыльных революционеров, они постепенно проникаются любовью к Сибири, ее природе и людям и, уезжая, навеки хранят в своей душе ее светлый образ («Чужеземец»).

Вера в будущее Сибири воодушевляла поэта, вызвала в его душе радость, подъем творческих сил. Тема борьбы за будущее перекликалась у него с темой молодого поколения. У Омулевского немало стихов о молодежи. Боевая, активная молодежь – надежда народа и поэта. Она свободолюбива и темпераментна, мечтательна и энергична. Поэт защищает патриотические устремления молодежи, готовой «душу отдать... родимому краю»:

*Я бы назвал тебе
Массу громких имен,
Побеждавших в борьбе
С отдаленных времен.
Хоть бессильная ложь
И клеймила ее...
Молодежь! Молодежь!
За здоровье твое!*

Тост

Обращаясь к дочери как к представительнице молодого поколения Омулевский писал:

*Люби свою страну не той пустой любовью,
Что с звуками речей уносится как дым,
Ты жертвуй для нее и плотию и кровью,
Делись с ней трудом и разумом своим...
Когда ты вырастешь
со временем большая*

Сибирь будущего представлялась Омулевскому страной свободного труда, где люди живут одной семьей, где высоко развиты техника, наука и культура, а богатства недр служат человеку. Эта красивая мечта воодушевляла поэта в самые мрачные дни его жизни.

Величественную картину будущего Сибири поэт нарисовал в стихотворении «Счастливый сон». Стихи эти сегодня звучат очень современно. Мы не можем не преклоняться перед памятью поэта, мечта которого ныне стала явью:

*Я видел сон: мне снился чудный край,
Манивший глаз богатством и простором...*

.....
*И тут, и там пестрели города:
Их фабрики, заводы и, строясь
Разили глаз энергией труда.
Меж городов ютились селенья,
И пашен их роскошный чернозем
Распространял душистый пар кругом,
Бродил везде огромными стадами
Домашний скот, упитанный кормами.*

ГЛАВНАЯ ТЕМА

*Я обомлел... Но лучше во сто крат
И этих мест и этой всей природы
Был сам народ. Казалось, весь объят
Могучим он сознанием свободы...*

Прекрасное будущее Сибири не мыслилось поэтом без свободы для ее народа. Таким образом, Омуревский новаторски подошел к проблеме будущего Сибири. Социалистическая утопия, воплощенная в «Счастливом сне» и других произведениях поэта, – совершенно новое явление в русской литературе тех времен, посвященной Сибири. Веру в завтрашний день Омуревский утверждал в то время, когда реакционные ученые и публицисты откалывали Сибири в ее будущем, смотрели на нее как на бесполезную, пустую, холодную и безжизненную землю.

Но не только будущее родного края воодушевляло художника. Величественные картины природы Сибири глубоко волнуют, настраивают душу поэта на торжественный лад. Если, например, у многих декабристов природа Сибири вызвала гнетущее настроение, необозримыми просторами подавляла их волю, вызывая в душе чувство тоски, одиночества, оторванности от мира, то у Омуревского мы видим совершенно обратное: человек не противостоит природе, не враждебен, а гармонически сливается с нею. Необозримые просторы, полноводные реки, гигантские горы не подавляют человека, а, напротив, вызывают в его душе величественное чувство свободы, размаха, собственной безграничной силы. В пейзажной лирике Омуревского господствуют яркие, радостные, светлые тона. Типичным в этом отношении является стихотворение «Между Томском и Иркутском». В нем хорошо изображается сибирский летний пейзаж. Сибирь удачно олицетворяется в образе запущенного сада, что, безусловно, имеет символический смысл.

Омуревский умеет передать специфические особенности сибирской природы, колорит, ее эпическое величие. Тайга, горы, реки, сама земля сибирская – все это получило выражение в индивидуальных образах, одушевленных чувством поэта. Здесь можно назвать такие стихи, как «При разливе Оби», «Барабинская степь», «Близ границ Монголии», «Ангарская греза».

У Омуревского, родившегося в Петропавловске-Камчатском, Сибирь и Дальний Восток сливались в одно понятие родного края. Иннокентию Васильевичу было семь лет, когда семья переехала в Иркутск. С тех пор он не бывал на Камчатке, но в течение всей жизни пронес к ней большую любовь.

Человек, близко знавший Омуревского, писал: «О тихой сельской жизни Петропавловска, одного из самых глухих уголков Сибири, Омуревский навсегда сохранил самое светлое воспоминание и, как единственный вещественный памятник о родном городке, поэт всю жизнь берег старую, разорванную и склеенную картинку – вид Петропавловского порта, нарисованный им самим».³

Впечатления детства были настолько живы в памяти Омуревского, что оставили заметный след в его творчестве. Главный герой романа «Шаг за шагом» – Светлов увлеченно вспоминает об этом далеком уголке, где он ро-

дился и вырос. Перед его мысленным взором проходят величественные картины сурового и красивого края. «... Горы не громоздятся здесь в беспорядке одна на другую, а как-то постепенно, мягко надвигаются одна из-за другой, не пугая глаза резкими переходами... Даже в бурю море, почти одинаково шумящее здесь зимой и летом, даже и оно как будто носит на себе печать того же спокойствия, гармонируя с остальной природой: в этих горах шум его слышится будто издали...».⁴

В другом месте автор пишет о впечатлении, какое производит на героя вид с высокой горы на море: «...Еще несколько шагов – и вот он уже на вершине; посмотрел вперед, вниз и обомлел, дух захватило от восторга. Широкая, действительно захватывающая дух картина лежала перед ним: открытое море за устьем. Китоловное судно, шедшее на всех парусах по направлению к этому устью, так и ныряло, как чайка, перерезывая исполинские пенные гребни расходящихся волн...»⁵

Описание моря в романе перекликается со стихотворением «Камчатка», где воссоздается та же величественная, гордая я радостная картина:

*...За видом проносится вид:
Я слышу: на вольном просторе
Немолчно шумит и гудит
Камчатское бурное море.*

*...Я вижу: вздымая хребты,
Чернеясь, как моря курганы,
Резвятся гиганты – киты,
Высоко пуская фонтаны.*

*Предчувствуя славный улов,
Накренясь до рей над волнами.
Трехмачтовый бриг – китолов
Под всеми летит парусами.*

*А там вон – морского бобра
Привычным завидевши глазом,
Несется, как чайка быстра,
Туземная партия разом...*

*Как игл заколдованных ряд,
Волшебнице вяжущих пути,
На легких байдарках скользят
Сквозь гребни валов алеуты...*

Есть в романе «Шаг за шагом» и описание залива Петропавловского порта, именуемого Авачинской губой, прекраснейшего и просторнейшего, по словам автора, и картина самого поселка Петропавловска, каким он был в девятнадцатом веке.

Писатель всю жизнь интересовался судьбой местного населения Камчатки, обреченного царским режимом на вымирание, эксплуатируемого купцами и чиновниками. Омуревский выступает в защиту камчадалов. В статье «Искусство у камчадалов» писатель развенчивает взгля-

³ «Сибирский сборник» под ред. Н.М. Ядринцева, С.-П. 1887 г., с. 138.

⁴ «Шаг за шагом», М. ГИХЛ, 1957, с. 163.

⁵ Там же, с. 168

ды тех; кто сомневается в способности «инородцев» к культурной жизни. В статье приводятся убедительные факты, свидетельствующие о самобытной культуре этой народности, о природной одаренности людей, которые и в условиях суровой борьбы за существование испытывают потребность в создании произведений искусства, проявляя при этом «известный эстетический вкус».

«Воображаю, – пишет Омуревский, – какой вопросительный или восклицательный знак изобразит из себя читатель, когда он увидит заглавие настоящей заметки. Искусство у камчадалов?! – ведь это, уморительно – забавно, и надо полагать, что пишущий эти строки или сошел с ума, или имел намерение зло подшутить над редакцией журнала. А между тем ни то, ни другое. У камчадалов действительно существует искусство; мало того, его можно назвать даже замечательным...»⁶

Омуревский далее пишет о скульптурных фигурках животных из китовой кости или дерева, вырезаемых камчадалом самым обыкновенным ножиком из плохого железа: «...но посмотрели бы вы, какие мастерские вещицы выходят иногда из-под этого нехитрого инструмента! В моем семействе, например, хранится лисица из китового зуба, не более двух вершков длины, выполненная с таким художественным мастерством, что в этой крошечной фигурке вы улавливаете самый характер этого лукавого и хитрого зверька... В более населенных местах, каковы, например, Тигиль, Нижне-Камчатск, Верхне-Колымск и другие, вы встретите замечательных художников по этой части. Они вырезают из целого куска китовой кости весь прибор, или, вернее, всю сцену, камчатской езды на собаках.

Тут уже дело идет о весьма тонкой работе: извольте-ка вырезать из этого твердого и ломкого материала целую ременную упряжь, например! Заправский камчадал-художник изобразит при этом и седока: будьте уверены, что по подобной фигурке вы сразу узнаете камчадала со всеми его характеристическими особенностями. Даже собаки, если предполагается, что они устали на бегу, будут наверно переданы с высунутыми на сторону языками...»

Высоко оценивая качество работы камчадалских умельцев, писатель в заключение заявляет: «Нам лично, хотя и нечасто, приходилось встречать скульптурные вещи, выставленные в академии художеств, которые относительно характеристичности изображаемого стояли далеко ниже самородных камчатских произведений...»⁷

Восторженно описывая природу Камчатки, восхищаясь искусством ее населения, Омуревский как поэт-гуманист поднимает голос протеста против жестокого угнетения камчадалов со стороны царизма. Стихи поэта направлены в защиту обездоленного племени. Так, в журнале «Наблюдатель» опубликованы в 1883 году «Камчадалские мелодии» – цикл сатирических стихов за подписью «Камчадал» (другие свои сатирические стихотворения поэт часто подписывал «Камчаткин»).

Но, пожалуй, самым примечательным стихотворением в этом отношении является «Камчадал», где впервые в русской лирической поэзии остро поставлена тема вы-

мирания малых народностей. С болью в сердце пишет поэт о гонимом племени. Ужас положения камчадалов вызывает страдание в его душе. Стихотворение «Камчадал» – обвинительный документ в адрес преступной колонизаторской политики самодержавия. Никто в русской поэзии до Омуревского не писал так о народностях Севера. В этом несомненная заслуга поэта:

*На крайнем востоке, далеко-далеко,
Вдоль бурного моря, меж тундр и у скал,
Где бродят оленей стада одиноко,
Где в мрачном безлюдье теряется око,
Ютится родной мне дикарь – камчадал.*

*Везде окруженный суровой природой,
Бессильный сознанием, чтоб дать ей отпор,
Повитый с пеленок одной непогодой,
Он свылся давно уж с нуждой и невзгодой.
Несет безответно судьбы приговор.*

*Но божия искра, таится всецело
В душе его детской, и видится в нем,
Как в зеркале грубом та мощь без предела;
Что сыскони века боролась смело
Не только с природой – с самим божеством...*

И далее автор заключает:

*Ты чем его выше, развитое племя?
Ты чем его поднял, гуманности век?
Не тем ли, что в наше кичливое время
Везде вымирает; неся свое бремя,
Тобой развращенный дикарь – человек?
Мне стыдно за мир наш – и многие годы
Равно и в печальный и в радостный час
Я вас вспоминаю, о, дети природы!
И думаю крепкую думу о вас...*

Омуревский всю свою жизнь посвятил борьбе за счастье трудового народа. Ему горько было видеть страну в кандалах и наручниках. Он не жалел сил в борьбе, жил одной мечтой и всех звал к прекрасному будущему. Окруженный ужасающей нищетой, больной, разбитый, но не побежденный поэт говорил накануне своей смерти: «Мне не хочется умирать, не потому, что мне жизнь мила, а потому, что все-таки я не довел еще до конца моего курса... Вот один критик... в глаза похвалил меня за то, что я – певец обездоленных, угнетенных, что у меня нет шатаний, ни колебаний..., что я стоек в своей пропаганде свободы и света... Мне приятна была эта похвала..., но мне не того хотелось бы. Наравне с этой проповедью... я хотел бы отразить веяние эпохи шестидесятых годов, которую я видел, пережил, переживал, перестрадал...»⁸

Революционный дух шестидесятых годов поэт пронес через все свое творчество. Он не только мечтал о счастливом будущем Родины, но и боролся за это будущее

⁶ «Восточное обозрение», 1884, 9 августа, # 32, стр. 12.

⁷ Там же, стр. 12–13.

⁸ Быков П.В. «Последняя встреча». «Нива», 1909 г., стр. 77–78.

Эпистолярный роман с Михаилом Гутманом

Валентина КАТЕРИНИЧ

В мае 1999 года я получила из Находки книгу стихов и поэм Михаила Гутмана «Попытка прогулки». Эпистолярное знакомство произошло благодаря другому поэту из Приморья, моему старому знакомому Евгению Лебкову, который и поведал мне об оригинальной музе Михаила Гутмана.

Выходит, в Приморье живут поэты, которые встречают друг друга не надменной улыбкой, а приветом и пониманием, ведь Лебков скорее почвенник, а не космополит, а Гутман – наоборот... Затем мне были подарены по почте приморские сборники «Два одиночества» и «Трактир жизни». Доходили до Хабаровска и литературно-музыкальный альманах «Живое облако» и провинциальный ежемесячник «Лукоморье» (народная графоманская газета, уникальное явление на краю России!). Я внимательно читала подборки Гутмана. Наконец, поэт прислал мне экземпляр своей первой «многострадальной книжки» «Стихи. Ленинград – Париж, 1990». Так что стихотворный свиток Михаила Гутмана разматывался для меня от конца к началу: мудрый стоик, странник, бражник, гусяр и певец Мишка. Но все это о лирическом герое Михаила Гутмана, а в миру поэт, как мне известно, старший электромеханик на танкерах ОАО ПМП. Признаюсь, я испытала филологическое изумле-

ние от стихов Михаила Гутмана. Классический почерк, искусное перо, интеллектуальная отвага. Выходит, в Находке расположен восточный полюс русской поэзии, там с 1983-го года живет и странствует по морям и океанам поэт-мореход Михаил Гутман, в прошлом ленинградец. Трудно удержаться от каламбура: поистине находка! Перелистываю фотоальбом, посвященный 50-летию базового порта Приморского морского пароходства. Как органично информационные тексты перемежаются поэтическими строками:

*В провинциальном городке,
А если точным быть – в Находке,
Что мог бы в качестве наколки
Весь уместиться на руке,
Живу в прекрасном далеке
От всех столиц, тусовок, смогов,
Где говорят все, слава Богу,
Еще на русском языке...*

Поэт словно накинул романтический плащ в старинном духе, но стихи легко вбирают в себя самую современную современность:

*Зальем тоску-печаль-кручину-грусть,
Мартелем-шерри-бренди-виски-джином!
Гуляй на все, загадочная Русь
Нам искони противен дух наживы...*

Конечно, бесшабашное веселье лирического героя отдает отчаянием, но стихи радуют, потому что написал их свободный, искренний, мужественный человек. Я сказала ему в письме, что это «анакреонтическая лирика наших дней». Поэт ответил экспромтом, как он это делает всегда («Что до экспромтов, то они у меня давно носят чисто рефлекторную функцию, как защита-нападение...» Из письма):

*Спасибо за Анакреонта.
Когда нас вечность вновь сведет*

*На мрачном бреге Ахеронта,
Ваш передам ему привет.*

Поэт в ту пору переживал «страдания молодого пенсионера» и писал так: «И я, увы, дошел до той черты, где не хватало только нищеты, чтоб я был признан полностью великим...» О, мысль об избранничестве проходит красной нитью через все написанное Гутманом. А как же иначе, каждый поэт единственный. Оставалось в ответ на экспромт посоветовать не спешить на берег Ахеронта и посетовать на то, что поэзия сейчас отодвинута на периферию культуры. Что до водочно-трактирной темы в творчестве Гутмана, стоит напомнить одно общее положение: судьбу поэта можно воспринимать сентиментально или саркастически, но в любом случае не нужно замыкать поэзию на биографию. Речь о реальных и гипотетических претензиях читателей, скажем, к сборнику «Трактир жизни»: нехорошо, мол, смотреть на жизнь из-под трактирной стойки. На это поэт ответил в экспромтом:

*Смотреть на жизнь через трактир
Мне предпочтительнее все же,
Чем на нее через сортир
Смотреть, пускай и с трезвой рожей.*

Неискушенному читателю можно было бы объяснить, что в самом названии сборника есть отсылка к стихотворению Иннокентия Анненского «Трактир жизни» («Вокруг белеющей Психеи...»), что это литературный прием, что Михаил Гутман погружен в традицию и т. п. Но это не объяснит того, как ему удастся гармонически объединить литературную красоту метафор с неприглядными реалиями жизни. Мало кто так трезво и прямо пишет сегодня про водку, как Михаил Гутман.

Разве что Глеб Горбовский, один из спутников ленинградской юности поэта (имею в виду книжку Г. Горбовского «Сижу на нарах. Из непечатного». Санкт-Петербург, 1992). Анакреонт наших дней поет вино, а не любовь. Знак времени?

Ленинградская, питерская, Санкт-Петербургская нота придает приморской музе Михаила Гутмана особое очарование. Оттуда, с берегов Невы истоки его поэтики. Язык старой русской поэзии для него живой. От тех огней, что светили ему на балтийских берегах в пору молодости, вдохновение стихов, написанных на мысе Челюскина, в Атлантике, в Яванском море, в Гонконге, Иокогаме и других географических точках земли. Словом, нормальный классицизм. Как патент на благородство он получил уроки поэзии от самой Ахматовой. Но непростой складывалась творческая судьба Михаила Гутмана, его долго не печатали, он и теперь считает, что «быть поэтом на земле – скорей проклятие, чем мужество». В стихотворении, обращенном к официально признанному А. К., сказано саркастически:

*Ну что же, милый мэтр мой, исполать
Вам за оценку опусов моих*

ГЛАВНАЯ ТЕМА

*Тогдашних, благо каждый при своих
Сомнениях остался в те года.
Ах, я бы не поверил Вам тогда,
Когда бы не Ахматова сама
Чуть раньше не свела меня с ума.*

Да, в ту пору в ленинградской поэзии взошли другие имена. И кто рассудит, вглядываясь в хронотоп Михаила Гутмана, удачей или несчастьем стала для него разлука с родным городом? Или, говоря стихами приморского поэта Николая Морозова, –

*Там, где Находка – России начало,
Там, где проспекты пропахли селедкой,
Гутман стихами прославил Находку,
Или Находка его отыскала?*

Естественно, что петербургская тема в разных вариациях возникает в стихах Михаила Гутмана. «Открытое письмо Санкт-Петербургом друзьям», «Петербург», множество конкретных посвящений. От мажорных воспоминаний молодости, когда была так счастлива душа, до печальных строк последнего времени, в которых звучат тоска, ревность, разочарование и, наконец, вздох:

*Столько было меж нами неправд
Ради якобы правды сермяжной,
Что в ряду бесконечных утрат
Я забыл тебя, Санкт-Ленинград,
Или, как тебя?..
Впрочем, неважно...*

В «Запеве» у Гутмана промелькнул и странный вариант Крысолова: поэт с дудочкой пройдет по Руси и «все бесчеловечное, что за ним пойдет, заведет навечно он в крайние из вод...» Страшноватая метафора, если учесть вектор движения от Балтики к Тихому океану.

Вспоминаю атмосферу Ленинграда шестидесятых, студенческие годы на филологическом факультете ЛГУ им. А.А. Жданова. Эту атмосферу «тайной свободы» создавали не только еще живые тогда осколки Серебряного века, но и недавно ушедшие обэриуты с их абсурдистским юмором. Так что лирико-ироническая школа питерской поэзии легко объясняет нам характер творчества Михаила Гутмана, но далеко не исчерпывающе. Есть черта его поэтики, которой точное имя дал О.Э. Мандельштам в тридцатые годы: «тоска по мировой культуре». Речь идет и в том и в другом случае не просто об эпигонстве, а о трансформации и развитии определенных традиций в рамках индивидуальной судьбы. Во-первых, Михаил Гутман состоялся как мореход и, перефразируя его самого, тридцать лет посредством вод наблюдал мир. При этом в силу профессии был оторван от литературного процесса, от группировок и тусовок. А профессия такая, что в пору о ней сказать словами вышеупомянутого поэта: «Мужайтесь, мужи, как плугом океан деля»... Во-вторых, состоялось обратное влияние: профессиональной жизни на поэтическое творчество

Михаила Гутмана. Отторгнутый от суши на многие недели и месяцы, он напрямую общается с классиками посредством книг. В нем формируется живое и актуальное восприятие духовного наследия, отечественного и всемирного. Применительно к Михаилу Гутману насыщенность его текстов образами мировой культуры не орнаментальное украшение, не интеллектуальное щегольство, а органичный элемент сознания и поэтики. Другое дело, что не всякому читателю по душе такая «окультуренная» поэзия. Называл же Маяковский Мандельштама «мраморной мухой». Но сколько из нас, читателей, проживших долгую жизнь, успели полюбить одного, а затем и другого поэта (разлюбив при этом первого).

Вот поэт из Находки сочиняет «Открытое письмо Франсуа Вийону», в котором сообщает про себя: «А я, месье, – я пропиваю дни, / чем вусмерть безусловно всенароден/ в своей стране с названьем кратким Русь, / в отличие от скромных публикаций своих стихов». Чужачество, шутовство? А может быть, одиночество, страх смерти в этих стихах? И, разумеется, характерный жест: свести в одном стихотворении и Франсуа Вийона, и Франсуа-Мари Аруэ (Вольтера), и Есенина, и себя, врио Гутмана, на земле. Диапазон таких переключек необычайно широк. Кого только не окликает, с кем только не беседует Михаил Гутман, тут и Экклезиаст, и Шекспир, и Себастиан Бранд, и Эразм Роттердамский, и Сократ с Ксантиппой и т. д. Разумеется, русские поэты, и не только дальние столичные, а свои земляки: Г. Фокин, Н. Морозов, П. Шепчугов. Разнообразна тональность этих обращений – от фамильярности («А что, брат Пушкин») до велеречивого пиетета. Еще разнообразнее формы цитации: прямые цитаты в кавычках, чаще всего, скрытые цитаты, рассчитанные на встречное понимание читателя, реминисценции, намеки, пародийные перифразы. Немало перифраз из Мандельштама, быть может, слишком много, и здесь, как мне кажется, вкус поэту изменяет («Нет, не хандра. Но подай мне стаканчик анисовой...») «Я дважды список тот перечитывал...» «Мы все так же живем, под собою не чуя страны...») Понятно, что Пушкин вошел не только в поэтическую, но и в повседневную речь; и мы без кавычек и ссылок пишем-говорим: «Любви все возрасты покорны». Но такие, например, пассажи, как «Так думал молодой повеса/ в моем лице в минуты стресса» – смахивают на эстрадные монологи. Иногда Гутман провоцирует и интригует читателя, загадывая ему литературные загадки «Нет, я не Пушкин, я другой, – / Заметил как-то я в надежде, / что перебыют меня вдруг прежде, / чем я закончу мысль...» В «Поэме с моря» при посещении Гаваны поэт-мореход заказывает дайкири и меланхолично замечает: «Еще бы в рот не взять ружьишко». О ком это? Ну да, о Хемингуэе, огорченном коммунистическим строительством на Кубе. И так далее.

Подобные наблюдения над поэтикой Михаила Гутмана (цитатность как сквозной прием, игровые элементы в отношениях поэт – читатель) неизбежно побуждают сопоставить творчество дальневосточника с таким неопределенным явлением современной литературы, как постмодернизм. Общее – это отношение к классике. Но парадокс состоит в том, что столичные и провинциальные явления постмодерна соотносятся как негатив и позитив. Если в

первом случае обнаруживается разрушение и преодоление классики, как чего-то надоевшего, то в другом пафос одухотворения далеких пространств. В приверженности к классике Михаила Гутмана есть и восторженный наив, и морская свежесть, и легкая ирония (недаром он жалеет, что хозяйка дома не предложит поэту альбом, чтобы по-старинному черкнуть в нем мадригал). В «Поэме с моря» (1994) развернута культурная мозаика, насмешливое описание разных туристических достопримечательностей. «Величье древних пирамид низведено до сувенира», – констатирует мореход. Но поэт плывет при этом не только по волнам океанов, но и по волнам мировой культуры. Он находит повод побеседовать с Сократом, вспомнить мифы о Троянской войне, об Икаре. Созерцая этот мир, поэт более всего погружен в самопознание:

*Теперь, когда мне некуда спешить,
Подумать о спасении души, наверное, пора.*

Пора сказать и том, что лирика Михаила Гутмана – философская, это поэзия мысли, не боящейся противоречий и неразрешимых вопросов.

Неизменный мотив Михаила Гутмана – одиночество лирического героя. Не то чтобы он был затерян в пустынных пространствах бытия, он сам выстраивает свое одиночество, подходит к нему как к неизбежности. Он сам выбрал себе участь жить в глухой провинции у моря. Он ищет те места, где нет ни спутницы, ни спутника. Одиночество в любви для него мучительнее, чем социальное или поэтическое. Он выбирает (возвращается) в одиночество, где не предаст ни друг, ни любимая. То есть нравственные страдания уязвленной души таковы, что одиночество – единственное спасение. Времена нас возвышающих любовью прошли, осталось разочарование. Конечно, это настроение поздних стихов Михаила Гутмана, не случайно ведь написал он «Невстреченной женщине». Этой теме посвящены венки сонетов «Час осени» и «Час зимы», составившие сборник «Два одиночества» (1999). Написанные высоким слогом, полные иносказаний, они вполне отвечают романтическому образу поэта. Если бы не конкретные выпады в сторону общественной морали, готовой во имя себя казнить любовь:

*О, многоликие фарисейское
от инквизиции святой
до православия Расейского!*

Окончательно запутывает читателя излюбленная цитата из «Уединенного» В.В. Розанова: «Я еще не такой подлец, чтобы думать о морали», которую Гутман использует как эпиграф и как тему. «Так восхитительно грешна была та женщина, с которой безгрешность юности ушла», – вспоминает лирический герой. Что ж, поэзия не учебник этики...

Трагическую нездешность подчеркивает где-то на периферии и еврейская тема, которая, как и всякая национальная тема, не может не быть болезненной. Печально-иронически она звучит в триптихе «Попытка прогулки»:

*Мне-то что, я – Гутман. Я – не лезь.
Я – молчи. Я лишь русскоязычен,
чем в культуре русской неприличен...*

Есть и саркастическое высказывание на эту тему: «Один день из жизни Ивана Петрова и Михаила Гутмана». Парадокс в том, что под Маген Давид отправляется все-таки Иван Петров. Нет, столкновения космополита и русофила не происходит, как и мелочной политизации (еще один парадокс Михаила Гутмана): «Да нет, какой с меня славянофил?! Ну разве только в смысле алкоголя». Нет никакой необходимости приводить подтверждающие цитаты. Михаил Гутман – русский поэт и пишет о России, о чем же еще?

«Нет, в прогулках, право, что-то есть!» – восклицает автор в конце стихотворения, которое называется «Попытка прогулки, или Философические размышления спивающегося интеллигента. Триптих», с посвящением А. Синявскому. Просвещенному читателю тем самым дается деликатная отсылка к «Прогулкам с Пушкиным» Абрама Терца и к первому сборнику «Стихи», изданному под редакцией Андрея Донатовича десять лет назад. Прогулка удалась, но не восхитительно бесцельная, как в прежние времена. Конец века, конец тысячелетия, на краю России. Поэту пришлось по душе бердяевская мысль о том, что «творить культуру Россия радостно не может»... Кстати, приведу еще один фрагмент письма Михаила Гутмана, в котором есть интересные самонаблюдения: «...В основном же штудирую В. Розанова, Л. Шестова, Н. Бердяева, В. Соловьева, П. Чаадаева etc. К постмодерну отношусь настороженно в том смысле, что по прочтении не покидает ощущение, что все это уже было... Возможно даже со мной. Почему нет?» Круг философов, помянутых в письме и в поэтических текстах Михаила Гутмана, конечно, многое говорит о напряжении его духовной жизни. Но муза его стихов легкая и изящная, мироощущение поэта выражено в классически стройных стихах, в шутовой интонации, в сюжетной игре вокруг винопития. Мужественный взгляд в лицо жизни (и смерти) подразумевается, а не декларируется. В одном из писем декабря с горечью прочла такие строки:

*Земной наш обогнул я трижды шар.
И вот конец моим походам дальним.
Бреду себе, мыслишками греша,
что драма, верно, тем и хороша,
что в чем-то хоть от зависти избавлен...*

Хотелось написать Михаилу Гутману: да избавит его от искушения «примерить страданий выдуманного креста» тень любимого Мандельштама, витающая неподалеку, над Второй Речкой во Владивостоке. Тогда стихи были в цене, за них расстреливали, теперь их некому читать. Но поэзия не прекратилась и в конце XX века. А личная драма поэта, дай Бог, разрешится¹.

Задумываясь о поэтическом образе Михаила Гутмана, я перечитала дискуссию вокруг скандально знаменитой

¹ Увы, 6 мая 2001 г. Михаил Семенович Гутман скончался от тяжелой болезни. Но успел увидеть свое избранное «Трактир жизни», куда вошла эта статья. (Владивосток, 1998, № 1)

ГЛАВНАЯ ТЕМА

книги Абрама Терца – Андрея Синявского («Вопросы литературы», октябрь, 1990) и убедилась в том, что присутствие этого имени в биографии Гутмана не случайно. Сейчас, когда поэтические страсти улеглись, нельзя не согласиться с Сергеем Бочаровым: «Говорят: глумление и поругание пушкинского образа, – а я читаю и вижу: апология и восторженный дифирамб. Правда, автор сам спровоцировал нас на недоразумение, затеяв на первых страницах игру со сниженными образами-масками Пушкина...» Более того, книга А. Синявского напомнила о том, что Пушкин органически отвечает традиции «чистого искусства», с которой сражался Д. Писарев. Чистое искусство, поэзия ради поэзии, в таком понимании включает в себя все: и гражданственность, и нравственность, и религию, и красоту мира, и красоту слога, а значит, элемент эстетизма. Среди ранних стихов Михаила Гутмана навсегда запоминается «Колымский триптих» с эпиграфом из Твардовского: «Я знаю, никакой моей вины...». Стихи о горькой памяти тех лет, в которые молодой автор успел пожить, знал о них и сказал свое слово. Если оценивать «Колымский триптих» идеологически, то надо признать, что ранний Гутман не диссидент, а вольный шестидесятник. Там же, в сборнике «Стихи», есть три короткие иронические поэмы «Небывальщина», «Художник и поэт», «Чертовщина», в которых явлены все оттенки юмора, иронии, остроумия, присущие Михаилу Гутману; и, что важно, этому автору в наименьшей степени присуща самоирония («О лицедейство ежедневное,/ где сам и зритель, и актер!» Из стихотворения «Зеркало»). По мере движения во времени и в пространстве поэтический дар Михаила Гутмана проявляет себя все полнее, хотя и обретает более мрачную тональность. Его эрудиция подлинная и безупречная, наверное, именно потому, что она селфмейдского толка; сокровища культуры он добывает из скрытых кладов самостоятельно. Прибавлю еще один штрих из переписки последнего времени. Я послала в Находку экземпляр хабаровского журнала «Словесница искусств» со своей статьей: «Нонн Панополитанский: на грани язычества и христианства» (речь шла о древнегреческом поэте, который написал гекзаметром переложение Евангелия от Иоанна). Реакция была живая и мгновенная. Экспромт Гутмана:

*Смотрелась в бронзу Персефона,
все тщасть понять в один из дней:
кому и что служило фоном –
она ли бронзе? Бронза ль ей?
Кого подвергнул униженью
однажды все-таки Аид –
ее саму иль отраженье?
Что Нонн об этом говорит?*

Не рискуя ответить за Нонна, но с точки зрения современного читателя, не грех смотреться в бронзовое зеркало мировой культуры.

ПОСКРИПТУМ. Не из писем, а из других источников узнала я подробности биографии Михаила Гутмана. «Колымский диптих» не случаен в его жизни. В

предисловии к поэтическому сборнику «Одиночества» (Владивосток, Дальнаука, 2001) писатель Борис Мисюк сообщает, что Гутман побывал на Колыме обычным отечественным путем – по этапу, и не за что-нибудь, а за стихи. «В девятнадцать лет он был уже очень взрослым: работал, закончил вечернюю школу, имел высший спортивный разряд по боксу. Написал немало серьезных, по тем временам «антисоветских» стихов и получил за них «приглашение» к следователю КГБ. Затем год на Колыме, где оставил все зубы. Да, год, а не десять, потому лишь, что мама, военная летчица, явившись к председателю «Конторы Глубокого Бурения» Ленинграда, бросила на стол весь свой «иконостас» ордена и медали, при нем сорвав их с груди...» – так пишет Б. Мисюк, как бы сотворяя легенду о Гутмане. Но вот реальные стихи из того, парижского, сборника. В них поэт пишет про этот окраинный край, про край-тюрьму и с несвойственной юноше мудростью утверждает:

*Их не край убивал. Но Век.
Потому что: Се – человек*

Он жалеет не себя, а тех людей, что здесь погибли:

*Я знаю, нет моей вины
перед ними, что погребены.
Но как кричит здесь тишина:
– Верни нам наши имена!*

Таким образом, не по своей воле он покинул Ленинград, а когда стало возможным возвращение, это уже был Санкт-Петербург, другое время и другие люди. А Михаил выбрал себе в спутники жизни две стихии – море и поэзию, так написала жена поэта Тамара Петровна, библиотекарь по профессии в статье «В поисках истинного слова». Обе стихии всегда были с ним, где бы он ни находился. Насколько он был неприятен в жизни, говорят штрихи из воспоминаний друзей. Один из них: «В каюте сэма (старшего электромеханика) танкера «Горноправдинск» – вы можете, себе это представить? – порой и света не было! Ну некогда ему было за лампочкой в кладовку сходить – стихи шли. И приятель-штурман – «звездочет», заглянувший к нему ночью, изумлялся: да он во тьме видит! Сэм при нем не глядя брал с полки нужную книгу – Монтеня или Сенеку и выходил с ней к свету, в коридор...» Это тоже из Бориса Мисюка, а он-то знал Михаила Гутмана лично; действительно, говорит он, это был человек редкой скромности, чести и благородства, к его фамилии следовало бы сделать приставку: Зер-Гутман...

2000–2003

Фото из книги «Михаил Гутман: библиографический указатель произведений поэта и литературы о жизни и творчестве: (к 70-летию со дня рождения) / МБУК «ЦБС» НГО; сост. Т.П. Гутман, Н.Ю. Воронкина. – Находка, 2014 – 40 с.»

«Красный ландыш» на фоне уральского пейзажа

Наталья ПОЗИНА

В конце 1955 года Свердловская студия заключила с Юлией Шестаковой, Борисом Можаяевым и Всеволодом Ивановым договор «на написание литературного сценария полнометражного художественного фильма «Красный ландыш». Более трех лет они трудились над сценарием, представив на киностудию шесть вариантов, однако со временем он утратил свою «злободневность», и фильм так и не был снят.

По истечении многих десятилетий, имея только представления о сюжетных ходах сценария, трудно судить о его достоинствах и недостатках. По задумке «Красный ландыш» должен был пополнить ряды актуальных фильмов на тему советской жизни. В письме к Н.К. Бруни Вс. Н. Иванов говорил о сценарии без энтузиазма – «дело нудное, скушное». И все же благодаря этой работе сценаристы побывали в Свердловске. Здесь Вс. Н. Иванов вел дневник, на страницах которого появились яркие образы города, его людей. Из дневниковых записей писателя, его письма от 15.08.1956, а также сохранившихся воспоминаний Б.А. Можаяева в изложении его сына А.Б. Можаяева сложилась картина того времени.

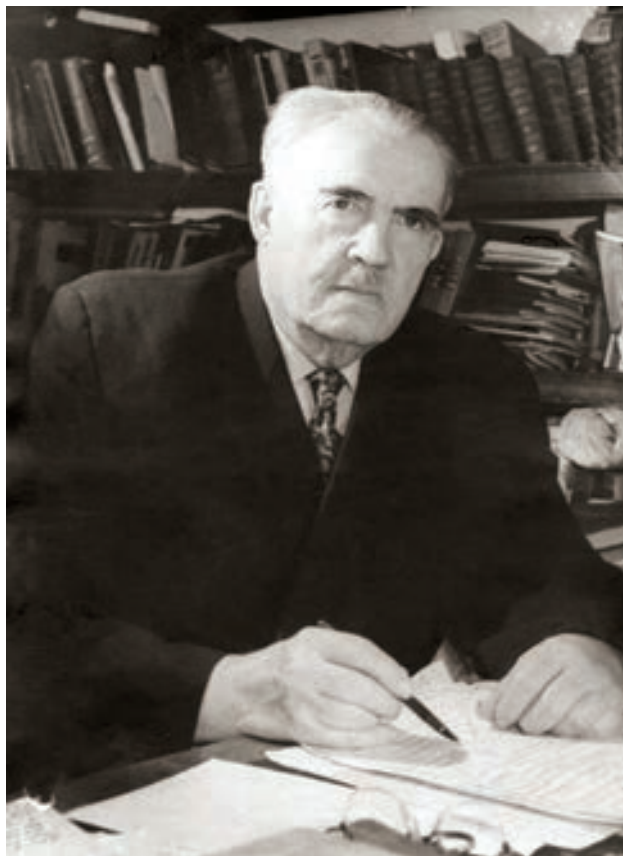
Все авторы на тот момент имели неодинаковый литературный и жизненный опыт, уровень образования и принадлежали к разным поколениям. Ю.А. Шестакова – член Союза писателей СССР, автор нескольких сборников очерков и рассказов. Б.А. Можаяев, в будущем известный писатель, – собственный корреспондент «Строительной газеты» по Дальнему Востоку, начинающий автор (его первый рассказ опубликован в 1954 году). Вс. Н. Иванов, несмотря на богатый литературный багаж – художественные произведения, созданные в годы Гражданской войны и эмиграции, десятилетие, проведенное на родине после возвращения из Китая, только пытался пробиться в круг советских писателей, опубликовав книгу «Тайфун над Янцзы». Членом Союза писателей он стал только в конце 1956 года, и рекомендацию ему дала Ю.А. Шестакова.

В течение двадцати дней, с 4 по 24 августа 1956 года, соавторы «Красного ландыша» находились в Свердловске, работая над вариантами сценария, встречаясь с представителями киностудии, писательской организации, знакомыми. Вс. Н. Иванов записывал первые впечатления от уральского климата и атмосферы города: «Сухой, яркий день, сосны, климат [улучшился], превос-

ходно (...) Хождение по улицам и площадям Свердловска. (...) Нравится – ощущение свободы – Новое». Еще в самолете он отмечает особенность частного сектора города – многочисленные огороды: «В полете всюду домики + огороды – выучены все интенсивному землевладению – факт».

Немногие записи он отводит описанию киностудии и ее сотрудников. Сценаристы много раз участвовали в обсуждении сценария, встречались с директором Свердловской киностудии В.А. Пястоловым, режиссерами А.А. Литвиновым и Л.Л. Оболенским. Последнего Вс.Н. Иванов охарактеризовал как «болтуна, грассера, à la Ильин», суть разговора с ним он передает в двух словах: «дикая чепуха». После одного из обсуждений сценария Вс. Н. Иванов оценивает участников, их способность думать: «И из речей видно – думают... Думают... Это то новое, что необходимо отметить». Писатель подчеркивает на Урале все новое, что он видит в поездке: к «ощущению свободы» Иванов присоединяет и способность людей думать, сохранять глубину познания жизни. В ходе их мыслей, в делах он ощущает светлое, божественное начало, защищающее человечество от зла: «Отринув Бога – они, тем не менее, – сражаются с дьяволом во имя человечества». Вероятно, уральцы смогли уже ощутить дух свободы, который пришел с хрущевской оттепелью. Неслучайно Иванов, описывая писательские посиделки, отмечает, что помимо чтения своих произведений они поют «Я помню тот Ванинский порт...» – песню, которую иногда называют гимном колымских заключенных.

Из наблюдений на киностудии за работой технических специалистов – монтажеров, звукорежиссеров – писатель делает вывод о значении человека в искусстве, создаваемом при помощи техники: «Как бы ни велика была техника, а без сценариев не обойтись – душа». Довольно много места Иванов отводит описанию облика города. Он пишет: «Вчера мы с утра пошли по городу,

Вс. Н. Иванов

Ю.А. Шестакова. 1950-е

были в д. Харитоновна, где блеск ампира выявлял как-то купеческо-золотопромышленную сущность».

Хабаровчане решили посетить дом Ипатьева – место гибели последнего царя Николая II и его семьи. Б.А. Можяев вспоминал, что принимал их первый секретарь Свердловского обкома партии А.П. Кириленко, который «произнес приветственную речь, воздал славу воспитующей силе «советской литературы» и под конец предложил экскурсию по городу славных революционных традиций. Поинтересовался, что гости хотели бы увидеть? Иванов назвал Ипатьевский дом». В «Воспоминаниях» Вс. Н. Иванов писал, что был в доме Ипатьева после гибели Романовых в мае 1919 года. Б.А. Можяев дополнял, что писатель был командирован адмиралом Колчаком для информирования о работе группы следователя Соколова. Дорогу к дому он хорошо помнил и отказался от предложенной машины. В записной книжке он воссоздает интерьер, отмечая столовую и лестницу в нижний этаж: «Замечательная столовая – роспись потолка, кубки, кабаны, блюда, где кушали и Николай. Потом – узенькая резная лестница, с какой-то рыбой – вниз в нижний этаж – последний путь...» Б.А. Можяев дополняет эту картину, отмечая поразившую его деталь – дверь заднего хода: «Всеволод Никанорович прошел по комнатам, рассказал, кто и где размещался, где находилась внутренняя охрана и как все выглядело. <...> Иванов показал, кто и где из казенных сидел, стоял, откуда стреляли. Но более всего поражала, буквально – кричала, дверь заднего хода, ведущая во двор. Именно

через нее выносили тела, изрешеченные пулями и, для надежности, исколотые затем штыками, и забрасывали в кузов заведенного грузовика. Так вот, эту дверь изнутри обили жостью. Жость была вспучена, выкрашена чернейшим кузбасс-лаком. И это напоминало приставленную к стене крышку гроба...».

Вс. Н. Иванова поражают больше не детали интерьера, свидетели трагедии, а «глаза бабы сторожихи – блестящие, все понимающие. Любопытные. Бесовские». Ее знания о произошедшем, ее немое свидетельство важнее для писателя, в ее глазах заключены и тайное знание, и бесовское начало. Далее он пишет: «А в Хар[итоновском] парке – огромные деревья, пруд, дорожки лирой, виденное все когда-то в 1919 году и огромные деревья кр[асной] бузины и желтой жимолости...». Вс. Н. Иванов вспоминал, что в мае 1919 года ужинал в Харитоновском парке, «в гнезде уральских миллионеров».

Продолжая прогулку по Свердловску, писатель отмечает архитектурную красоту зданий и вкус их прежних владельцев. В этой записи просматривается ностальгия по ушедшей эпохе, характерная для писателя в это время: «...мы пошли прямо к набережной Исети, к пруду, по нему – на ул. Ленина. Широкая эспланада над нефтяным прудом – в р. Урал рыбы нет. Дома – есть очень красивые, комфортабельные, в каком-то своем вкусе. Видно, что люди жили со вкусом».

Помимо прогулок по центру города Вс. Н. Иванов знакомится и с жизнью поселков Уралмаша, Эльмаша,

Вс. Н. Иванов. Рисунок из записной книжки. 1956

Химмаша, Сельмаша. Он связывает уральские пейзажи, особенности строения изб с характером местного населения. Людей Урала, по мнению писателя, отличает сочетание основательности, цельности и высокого духа. Стройные сосны, прямые солнечные лучи и потаенная река, камни, плитняк, сравниваемые с костями, основой Земли, устремленные вверх шатровые крыши на крепких срубках: «Благоустроенные поселки – пролетариат устроился неплохо. Кроваво – тучи и солнце, под ним 4 трубы Уралмаша, грандиозный завод, цветные дымы из труб, кругом уральские пейзажи – горушки, увалы, сосновые леса – высокие, строевые. Солнце, его лучи, к[а]к стрелы, река Сысерть, вроде озера, в какой-то небольшой лощинке – камни, плитняк, как кости Земли, – Урал. Шатровые крыши, белые, с цветниками наличники, черные, аккуратные избы, рубленые – кержацкие». В конце фразы он резюмирует: «Здесь, на Урале – кондовое население, усидевшееся, культурное. Здесь думают по-своему, по-своему живут».

Знакомясь с людьми Урала, сопоставляя увиденное с жизнью на Дальнем Востоке, Вс.Н. Иванов отмечает их внутреннюю упорядоченность и цельность. Ему импонирует сдержанная молчаливость уральцев и то, как она помогает сохранить духовную полноту. Писатель стремится увидеть иное, новое, отличное от жизни в столице и на Дальнем Востоке. И для него это, конечно, ощущение внутренней свободы мысли и порядка. «Здесь в центре – все не так растрепано, больше порядку. Но молчаливее. Свое блюдут. На окраине у нас – больше разговоров, но порядку меньше. Люди – случайные. Внове все». В письме к Н.К. Бруни он повторяет мысль об отличии людей на Урале от дальневосточников: «Очень интересны аккуратные маленькие домики, с белыми ставнями, с шатровыми крышами, черные от времени, где живут кержаки-старообрядцы. И сразу видно отличие от Хабаровска: там новое население, новый город, а тут старое, плотное...»

На Урале Вс. Н. Иванов размышляет об органичности природы народа, которая позволяет ему вопреки планам государства устраивать свою жизнь: «Пока п[равительст]во подымает идеи, строит башни – народ сам обихаживает свои жилища, строит без материалов и раб[очих] рук, разводит коров и налаживает свою жизнь все энергичнее, так что от него отстают все плановики-рационалисты. Органика – великая сила». Его общее впечатление, которое рождается от внешнего облика местности, от пейзажа, подтверждается наблюдениями Иванова при встрече с новыми людьми. В театре писатель познакомился с тремя пожилыми женщинами, своими ровесницами, живущими в одном городе и

доме на протяжении четырех десятков лет. Иванов, переживший за несколько десятилетий немало драматических событий, поражен таким постоянством, привязанностью к одному месту: «Живут в квартире по Тургеневской, д. 11, кв. 17 с 1913 года!»

В уральском пейзаже Вс. Н. Иванов для себя выделяет разрушенные церкви, сравнивая их со сломанными зубами. И от окружающего нового мира он вновь обращается к человеку, к цели его жизни, значению материального и духовного созидания: «Как сломанные зубы, торчат сломанные церкви <...> Если люди строят и создают, так во имя чего ищут богочеловеческое...».

Как человек верующий, Иванов не мог не побывать в церкви. В записи от 13 августа он дает описание Ивановской церкви, священнослужителей и прихожан: «Вчера, 12.08 был в Ивановской церкви. Великолепное, огромное кладбище, типа губернских старых кладбищ, запыленное, заросшее, среди строевых сосен и лиственных деревьев. <...> В самой церкви – ремонт, служит старый архиепископ, очень торжественно. Он стар, хил, сутул, худ, но серебряная борода и голос звучит. <...> Здесь поистине «ангельские со человеческими все пресладце соединяю» без всякой гоголевщины, без изобличения, разоблачения.. Одна девушка – крепкая, простое лицо, неотрывно смотрит на епископа, на его митру. Протодьякон, с длинными женскими волосами. В зол[отых] очках басит снисходительно. Иподьяконы – молодые ребята, как ангелы. <...> А толпа прибывает, матери, когда я уходил, несли ребят крестить вереницей. Нищие, нищие и треньканье колоколов в осеннем почти воздухе – завтра Первый Спас...». Вс. Н. Иванов подчеркивает торжественность службы, простоту и истинность веры служителей, сравнивает иподьяконов с ангелами. Описывая прихожан (матери, дети, нищие, толпа), автор выделяет из них крепкую девушку с простым лицом. Для него в ее образе соединены главные черты, сохраняющие веру, – простота и цельность.

Песня моя – Комсомольск

Ирина ВЛАСОВА

Родина поэта и публициста Алексея Федоровича Краснова – Волга, но так вышло, что вся его жизнь оказалась связана с городом на амурском берегу. Они ровесники – Алексей Краснов и Комсомольск-на-Амуре.

Он родился в 1932 году в селе Шигонь, а в 1939-м родители приехали на Дальний Восток, где полным ходом шла одна из крупнейших советских строек. Окончив школу, Алексей Краснов поехал учиться в Харьковский педагогический институт, работал в сельской школе на Украине, но спустя время вернулся в Комсомольск. Алексей Федорович был талантливым педагогом, прививавшим молодому поколению комсомольчан любовь к русскому языку, отечественной литературе. Помимо работы в общеобразовательных школах он в течение десяти лет вел уроки эстетики в медицинском училище, оставив о себе добрую память. Алексей Краснов всегда старался быть там, где начиналось что-то новое, пусть трудное, но интересное. В школе № 14 он взялся за создание клуба «Краевед». Здесь же, в школьном краеведческом музее, его руками создана экспозиция «Литературный Комсомольск». Писатель-комсомольчанин стоял у истоков городского телевидения, в течение четырех лет был редактором детской программы, работал на радио.

Первые стихи он написал в младшем школьном возрасте, в девятом классе пришел в городское литературное объединение, и там сразу заметили его талант, а главное, желание учиться поэтическому мастерству. Вскоре стихи Алексея Краснова стали публиковать в газете «Дальневосточный Комсомольск». Постепенно начинающий литератор подхватил эстафету наставников, которые главную свою задачу видели в том, чтобы писать историю города. Этим он и занимался всю жизнь. Комсомольчане знали Краснова не только как поэта, но и как публициста-краеведа. Его произведения печатались в журнале «Дальний Восток», в литературных сборниках «Песня моя – Комсомольск», «Детские писатели города Комсомольска-на-Амуре». Избранные стихи, написанные почти за пятьдесят лет творческой жизни, вошли в авторский сборник под названием «Родник». В газете «Дальневосточный Комсомольск» выходили его многочисленные статьи о становлении литературного Комсомольска, исследования по истории названия улиц, отзывы на литературные произведения коллег, размышления о воспитании подрастающего поколения.

В качестве примера можно привести статью Алексея Краснова об истории улицы Осоавиахима. Автор знакомит читателей с интересным фактом: именно на этой улице в 1947 году открыт первый в городе музей. Долгое время здесь, в двухэтажном деревянном здании, располагался Дом учителя, в котором жили тогда учителя Города юности. Ну и, конечно, аэроклуб Осоавиахима, который создан в Комсомольске в

1936 году. Писатель-публицист рассказывал о многих полезных делах, которые совершали курсанты клуба в мирное время: тушили лесные пожары, доставляли медикаменты и продукты различным научным экспедициям, принимали участие в поисках самолета «Родина». С начала войны воспитанников клуба призвали на фронт. Трое из них стали Героями Советского Союза, их именами гордятся комсомольчане – Алексей Маресьев, Петр Шемендюк, Игнат Хоменко. Такие публикации сегодня просто бесценны, потому что интерес у горожан к истории родного города не ослабевает.

В продолжение разговора о комсомольчанах – Героях Советского Союза в 1989 году 25 апреля газета «Дальневосточный Комсомольск» опубликовала статью А. Краснова «Их имена должны знать». Краевед обращается к книге «Комсомольск-на-Амуре. Город мужества, труда и героизма», изданной к 50-летию города, и поднимает вопрос о том, что в ней названы далеко не все все удостоенные этого высокого звания. Автор обращает внимание на то, что и краеведческий музей располагал неполной информацией, комментирует неточности. Не ограничиваясь только критикой, Краснов называет источник полной информации по этому вопросу, а главное, призывает исправить ошибку. Эта публикация меняет многолетнее представление об Алексее Федоровиче Краснове только как об уравновешенном, спокойном и улыбчивом человеке. Когда того требовало дело, он мог быть прямолинейным, отстаивал свою гражданскую позицию.

Интересна точка зрения Краснова в его размышлениях о первых детях Комсомольска. Нынешние школьники, возможно, не знают их имен, а выражение «юные комсомольчане» появилось в первые годы строительства города и относилось к первым детям, которые родились здесь. Среди них была Валя Вакулова. Многие биографии первых детей Комсомольска заслуживают внимания, и об этом с болью говорит Алексей Федорович, потому что «юные комсомольчане» не только возраст, но и почетная возможность носить это имя. Вот так неординарно Алексей Краснов раскрывает тему в своей публикации «Первые дети Комсомольска» на страницах газеты «Дальневосточный Комсомольск» за 10 июля 1988 года. А мы в очередной раз убеждаемся, что написан она талантливым, неравнодушным человеком.

Позволю себе остановиться еще на одном очерке, который опубликован в газете «Дальневосточный Комсомольск» 28 марта 1989 года под названием «Она рисовала Комсомольск». Речь идет об известной ленинградской художнице Евгении Константиновне Эвенбах. А. Краснов

рассказал читателям, что в 1937 году Эвенбах была в Комсомольске и рисовала строящийся город. Сам Алексей Федорович долгие годы переписывался с художницей и поэтом, поэтому располагал точными сведениями о том, что картины ее комсомольского периода переданы в Государственный Русский музей в Санкт-Петербурге, где и хранятся поныне.

Трудно сказать, что больше любил Краснов писать – прозу или стихи, но в каждом своем произведении он выражал огромную любовь к краю, где жил до конца своих дней. В его стихах встречается великолепное образное сравнение: главная улица Комсомольска-на-Амуре – река Амур.

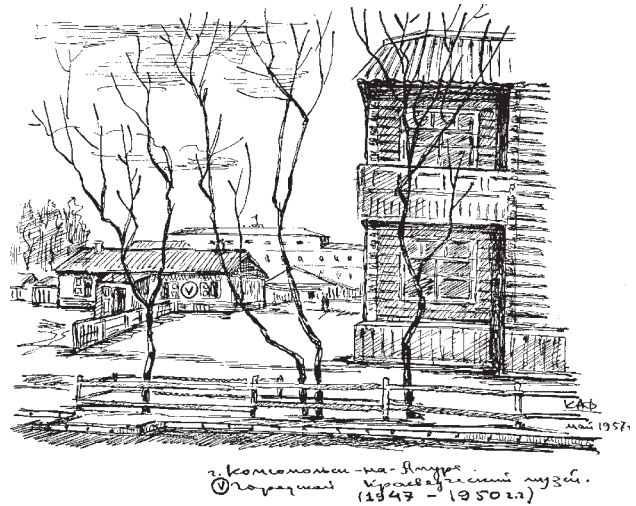
*Я иду ли знакомой тропой,
Где саранок горят огоньки, –
Край мой любимый со мной,
Край могучей реки...*

Значительным вкладом в дальневосточную литературу стала его книга «Я мальчишкой видел «Колумб», подготовленная к печати в 2002 году, в канун 70-летия города. В ее основе уникальные документы об истории Комсомольска-на-Амуре – домашний архив, частное собрание писем, фотографий, записки краеведа А.Ф. Краснова. Важную часть книги составляют рисунки и стихи поэта. Большинство рисунков и фотографий опубликованы впервые. Книга необычна тем, что она приглашает читателя на экскурсию по залам исторического музея города Комсомольска. Книга-музей разбита на пять залов, и каждый посвящен определенному отрезку времени.

Открывает книгу экскурсия под названием «Время до «Колумба». Это предыстория Комсомольска, которую вершили переселенцы из центральных областей России. Кто они, как их имена, как они обживали суровый край? Книга дополнена материалами из фондов Государственного архива Хабаровского края и Комсомольского-на-Амуре городского краеведческого музея. Интересна вторая глава («Второй зал») «Здесь 10 мая 1932 года...». Начинается она со знакомства с биографией Иосифа Абрамовича Каттеля, назначенного на должность первого начальника строительства города. Значительное место отведено рассказу о строительстве заводов, зарождению здравоохранения в городе. Интересны материалы о первой газете «Амурский ударник», первом художественно-публицистическом сборнике с названием «Комсомольск», изданном в 1934 году, тираж которого составил всего 3 тысячи экземпляров.

Следующие залы книги-музея – «Полевая почта» о Комсомольске-на-Амуре в годы Великой Отечественной войны, «Я детство зову...», где представлены материалы о первой пионерской организации в городе, первых учителях. В 1945 году Алексею Краснову посчастливилось побывать в Артеке. С увлечением он рассказывает на страницах книги об этом важном событии в своей жизни, которое помнил всегда. Именно в этой главе опубликованы его яркие и образные стихи, адресованные юным дальневосточникам.

Мы привыкли, что наши дети вырастают на произведениях Корнея Чуковского, Агнии Барто, Самуила Маршака. И мало обращаемся к нашим дальневосточным поэтам. Поэзия А.Ф. Краснова помогает развивать у ребенка лучшие качества, которые призвана воспитывать хорошая литература. Особого внимания заслуживают его детские стихотворения о нашей дальневосточной природе.

*Для Серези лето –
праздник солнца, света.
И на речку беготня,
и в зверинце толкотня...
Вытрясла из тапок
мама у Серезки
пятьдесят тропинок,
двадцать две дорожки.*

Краснов не только записывал историю города в прозе и стихах, он еще рисовал город. Многие рисунки из личного архива подарены семьей писателя Центральной городской библиотеке им. Н. Островского. И это неслучайно: библиотека имела в жизни Алексея Федоровича большое значение. Он любил приходить сюда, занимал свое любимое читательское место, часами перелистывал газеты и журналы, что-то записывал... И кто знает, может, именно в тиши читальных залов он задумывал и писал новые произведения. Нередко свои стихи А. Краснов приносил именно в библиотеку, и первыми его слушателями становились сотрудники и читатели. В фондах хранятся его книги с автографами.

Творческие люди чаще других пытаются найти смысл жизни, оценивают строже свои поступки, рассуждают о счастье. В краткой форме, всего четырьмя строчками определяет А. Краснов свою жизненную и гражданскую позицию.

*Мое счастье –
В жизни принял
Я участие...
Вот такое
Мое счастье!*

1989

Алексей Краснов, безусловно, талантлив как поэт, публицист, краевед и художник. Но, пожалуй, основное его достоинство – талант человечности, именно поэтому мы сегодня с теплотой вспоминаем о нем. Он искренне и преданно любил Комсомольск с его историей, улицами, парками и скверами, любил и уважал людей, которые трудились и творили во имя родного города. Город юности стал его судьбой. Жизнь поэта и его творчество были переплетены с историей города, совпали не только даты их рождения. В 2005 году, в День города, который традиционно отмечается 12 июня, в возрасте 73 лет Алексей Федорович Краснов ушел из жизни.

Спустя два года его сын Дмитрий по настоянию своей матери и вдовы поэта Валентины Александровны обратился с просьбой принять в библиотеку архивные документы, связанные с многолетней творческой деятельностью Алексея Федоровича. Администрация и коллектив библиотеки откликнулись с огромной признательностью и приняли решение организовать в структурном подразделении № 14 литературный музей, посвященный его жизни и творчеству. В 2009 году музей открыли, в торжественной церемонии участвовали писатели, художники, педагоги, учащиеся общеобразовательных учреждений, и это стало значимым культурным событием в жизни Комсомольска-на-Амуре. В музее представлено около трех тысяч документов, рассказывающих о талантливом поэте, художнике, публицисте, краеведе. Сложились и свои традиции. Каждый год библиотекари проводят «Литературный апрель», посвященный памяти А.Ф. Краснова. Этот весенний месяц выбран неслучайно. Из воспоминаний Алексея Краснова выяснился интересный факт: именно в апреле 1953 года газета «Дальневосточный Комсомольск» впервые опубликовала стихи молодого поэта на своих страницах, и это стало важным событием для автора. В течение месяца в библиотеке проводятся экскурсии, конкурсы стихов и детских рисунков. С большим интересом воспринимают юные комсомольчане беседу «Здесь нам посчастливилось родиться и жить» о талантливом литераторе. Для подростков проводится вечер-портрет «В памяти комсомольчан останется навсегда».

Организация музея в библиотеке во многом зависит от инициативы сотрудников, их заинтересованности и творческого подхода к литературному наследию земляков. Музеи при библиотеках имеют большое значение для популяризации краеведческой литературы и продвижения чтения. А главное, знакомство с творчеством дальневосточных литераторов формирует у подрастающего поколения чувство гордости за свой край и город.

ИСТОЧНИКИ

1. Я мальчишкой видел «Колумб» : книга-музей : по материалам личного архива Краснова А.Ф. – Хабаровск : Частная коллекция, 2002. – 128 с. : ил. – Имен. указ. : С. 126.
2. Краснов А.Ф. Первые дети Комсомольска / А.Ф. Краснов // Дальневосточный Комсомольск. – 1988. – 27 июля. – С. 6.
3. Краснов А.Ф. Ты любишь город на заре? / А. Ф. Краснов // Тихоокеанская звезда. – 1972. – 4 июня.
4. Пересторонин Г.Ф. История в лицах: [о книге комсомольчанина Алексея Краснова «Я мальчишкой видел Колумб»] / Г. Ф. Пересторонин // Дальний Восток. – 2004. – № 1. – С. 233.
5. Васильева О.В. С родника начинается светлое, значимое: [О творчестве А. Краснова] / О.В. Васильева // Советское Приамурье. – 1997. – 30 мая.
6. Казиминова Е. Поэт и гражданин: [Об А.Ф. Краснове] / Е. Казиминова // Дальневосточный Комсомольск. – 1995. – 18 апреля. – С. 6.
7. Краснов А.Ф. Краткая биография / А.Ф. Краснов // Песня моя Комсомольск: воспоминания, стихи, очерки. – Хабаровск: Кн. изд-во, 1982. – С. 335.
8. Заварзина Т. Мои питомцы: [Об А. Краснове] / Т. Заварзина // Сталинский Комсомольск. – 1951. – 29 июня. – С. 3.

Чеховское дерево

Алексей КРАСНОВ

Летом 1890 года, в девятом часу вечера, с борта парохода «Байкал» тридцатилетний А.П. Чехов впервые увидел берег острова Сахалин.

В эти края он добирался долго: до Ярославля железной дорогой, потом пароходом по Волге и Каме, из Перми до Тюмени поездом. Через Сибирь железной дороги не было: помог «конно-лошадиный» транспорт, двадцать дней на пароходе по Шилке и Амуру.

Из писем Антона Павловича к сестре Марии Павловне с дороги явствует, что самые яркие впечатления Чехов вынес из поездки по Амуру: «Я влюблен в Амур, охотно бы пожил на нем года два. И красиво, и просторно, и свободно, и тепло...» Писатель любовался Амуром и очень жалел, что с ним не поехал художник Левитан.

К сожалению, письма Чехова не засвидетельствовали места стоянок парохода «Муравьев-Амурский», на котором писатель плыл от Хабаровска до Николаевска. Есть предположение, что Чехов не только проплывал мимо села Пермского, основанного в 1860 году, но и выходил здесь на берег: пароходы, идущие в Николаевск из Хабаровска (и наоборот), здесь догружались дровами для топков. А коли Чехов выходил на берег, то есть и другое предположение Чехов посадил в Пермском дерево. Ведь известно, что он любил сажать деревья и писал много о них в своих рассказах, пьесах о садах. Если даже и не посадил дерево, то спас какое-то от порубки. Отсюда и бытование в Комсомольске среди его

старожилов, выходцев из села Пермского, легенды о чеховском дереве – то ли дубе, то ли яблоньке...

Я это слышал от Клеопатры Евграфовны Рябченко – одной из первых учителей школы села Пермского, а также от преподавателя Комсомольского-на-Амуре пединститута Георгия Кирия, имевшего переписку с сестрой писателя Марией Павловной Чеховой.

Если это легенда, то проезд Чехова рядом с селом Пермским летом 1890 года – факт (иначе в Николаевск по Амуру не попадешь). Вот почему художник-комсомольчанин (в городе он с 1935 года) Алексей Васильевич Мащенко поставил цель написать картину «Чехов на Амуру».

Картина такая написана. Алексей Васильевич отдал ей целый год работы: перечитывал письма Чехова с Амурского берега, архивные документы об Амурском пароходстве, о селе Пермском конца прошлого века. Картина выставлялась уже дважды в Комсомольске – на выставке персональной и посвященной 65-летию Комсомольска. Она привлекла внимание зрителей. Картина велика по размерам, ярка по краскам, интересна по композиции: Чехов, с тростью, в очках, в плаще-крылатке, смотрит с парохода «Муравьев-Амурский» на село Пермское. Перед взором писателя в сизой утренней дымке несколько бревенчатых домиков, небольшая церквушка, а за ними тайга, тайга, сопки...

Смотришь на картину, а в мыслях слова писателя: я влюблен в Амур, охотно бы пожил на нем...

«Тихоокеанская звезда», 30 августа, 1997

Антонина Сергеевна Киле, педагог и общественный деятель, практически всю свою жизнь занималась сохранением традиций нанайцев, их языка. Сама она была носителем этой древней культуры. Все знания, которые получила в детстве и позднее, когда занималась научно-исследовательской работой, Антонина Сергеевна передавала школьникам, студентам, щедро делилась информацией с этнографами. Больше двадцати лет она преподавала историю и культуру нанайского этноса в Хабаровском пединститута – ныне Дальневосточном гуманитарном университете, писала научные работы, учебные пособия, словари. А ее

книга «Искусство нанайцев: вышивка, орнамент, традиции и новации», вышедшая в свет в 2004 году, стала настоящим событием. Фрагменты этой книги мы публиковали в нашем журнале, так же как и статью Антонины Сергеевны «Лицом к своим истокам».

В прошлом году Антонины Сергеевны Киле не стало. Ее возраст был очень солидным, но эта удивительная женщина до последнего оставалась энергичной и неравнодушной. Благодаря именно таким людям и сохраняются главные родовые нити, связывающие одно поколение с другим.

В память об Антонине Сергеевне мы публикуем этот материал.

Сказочные берега мальчика Акаши

Антонина КИЛЕ
Иллюстрации Геннадия ПАВЛИШИНА

С Валентином Ильичом Гейкером мы познакомились в мае 1991 года в селе Нижние Халбы Комсомольского района на краевом семинаре учителей родного языка. Он не был учителем, но владел нанайским в совершенстве, прекрасно знал культуру своего народа и создал в Нижнехалбинской средней школе историко-этнографический музей, вел серьезную работу среди учащихся и учителей по истории и культуре нанайцев.

В.И. Гейкер родился в 1938 году в селе Симаси Комсомольского района. Его родители были колхозниками, занимались рыбной ловлей, охотой и огородничеством. Отец погиб на фронте. Стремясь помочь матери, которая одна поднимала детей, юноша, окончив среднюю школу, год работал в колхозе. Затем поступил в Комсомольский-на-Амуре педагогический институт на филфак, который успешно окончил в 1965 году. Двенадцать лет после института он работал в школе, а также на партийной должности, был председателем колхоза, и везде его отличали добросовестность, ответственность, уважительное отношение к людям, честность. За успе-

хи ему вручили несколько правительственных наград. В 1987 году В.И. Гейкер вернулся на педагогическую работу, на которой трудился уже до конца своих дней.

Литературным творчеством он начал заниматься еще в институте, особенно его интересовал нанайский фольклор. Молодой человек много времени уделял общению со своими земляками – известными сказителями, записывал народные произведения. Первая книга «Акашины берега» («Ака боани») вышла лишь в 1990 году в Хабаровском книжном издательстве на русском и нанайском. В сборник вошли одноименная повесть, легенда «Гэюнэ», сказка «Как синичка мамаче помогла» и рассказ-легенда «Кукушка с белым кольцом на шее». Книга вызвала большой интерес. Жители Амурского, Комсомольского и Солнечного районов с удовольствием читали ее на родном языке. В повести действие происходит в конце XX века, автор рассказывает о жизни семилетнего Акаши. Главный герой – подвижный, любознательный мальчик, которому интересно узнать не только возраст своей бабушки, но и что такое

ГЛАВНАЯ ТЕМА

грех, почему мэргэны не убегают от собак и многое другое. Ответы бабушки заставляют его задуматься и некоторые ситуации примерять на себя. Прочитавшему повесть становится понятно, что в нанайской семье ребенок всегда был в центре внимания взрослых. Вот Акаша, проходя мимо соседского огорода, заметил большой зеленый огурец, торчащий из изгороди. Мальчик нагнулся и хотел сорвать, но бабушка сказала: «Не смей. Это чужое. Грех большой». Акаша запрямылся, бабушка присела рядом с огурцом, прошептала что-то по-нанайски, сорвала огурец, протерла подолом халата и подала внуку. Но затем они вошли в калитку соседей, и бабушка рассказала хозяйке, почему она сорвала их огурец. Этот случай стал хорошим уроком для мальчика.

Похожая традиция существует у охотников. Если промысловик, возвращаясь к концу дня в зимник, обнаруживает в петле или капкане своего товарища попавшегося пушного зверя, он просит разрешения у поставившего капкан и, получив его в своем воображении, приносит животное в зимовье. Отдавая хозяину, охотник говорит, что тот ему разрешил сделать это. Такой обычай позволял сохранить добычу от хищников, а в снегопад не потерять.

Валентин Гейкер пишет, как важно уметь разговаривать с ребенком, даже когда он в чем-то виноват. Упреки и обвинения не дадут результата. Без преувеличения, повесть можно назвать настоящим учебником традиционного воспитания детей в нанайской семье. Мальчиков с детства готовили к рыбалке и охоте. Они должны были знать все промысловые орудия, уметь ими пользоваться. Главное, промысел должен был стать для них не только необходимым, но и любимым занятием, в котором нужно достигать совершенства. Для этого в семьях устраивали для детей праздники первой удачи. Вот и для Акаши, когда он поймал на закидушку первого сазана, взрослые пригласили соседей, нарезали талу (в книге бабушка не забыла показать, как мэргэны делают это), поставили на стол дымящуюся уху.

«— Вот и пришел гость, совсем молодой рыбак, кормилец, — с особой значительностью произнесла бабуш-

ка. — Пусть он растет здоровым и удачливым, пусть его сети и крючки не знают неудач, а руки и ноги ни ведают усталости. Пусть его добыча радость приносит людям...

Бабушка подарила мне прадедовский кованный гарпун. Дед Ходёро протянул мне игличку и капроновые нитки.

Тимкина бабка подарила переметные тупые крючки с готовыми наживками-галушками.

— Сазан — хитрая рыба, Акаша, но эти крючки хитрее. Они промаха не знают. Лови, сынок, и угощай нас, стариков».

Свои подарки вручили сыну и родители. В этот вечер мальчик дал себе слово стать рыбаком и кормить стариков.

Праздник первой удачи устраивали и после охоты. Только в этом случае, произнося добрые пожелания, дарили необходимые охотнику вещи.

В старину нанайцы были анимистами. Поэтому, когда в очередную рыбалку Акаша поймал ленка, дед не ограничился похвалой.

«Он шагнул к воде и сказал: — Спасибо тебе, Хозяйка реки, спасибо, Хозяин сопки. Угостили детей своих, не забыли нас.

Дедушка низко поклонился». Вера, что все окружающее человека — живое, все слышит, понимает и чувствует, воспитала в коренных народах бережное отношение к природе. Ведь для них это был родной дом. С малых лет каждый человек знал, что ловить рыбу и добывать зверя следует столько, сколько необходимо для пропитания. Топить жилище только сухостоем или плавником. Если нужно срубить живое дерево (например

для строительства лодки), следует объяснить ему причину такого поступка, а на этом месте посадить новое. У нанайцев и сегодня в ходу пословицы: «Предашь природе один раз — она будет предавать тебя всю жизнь», «Герой не тот, кто взял много зверя на охоте, а тот, кто взял сколько нужно для дома», «У хорошего человека две любви — природа и дети, у плохого одна — любовь к себе».

О доброте, стремлении помочь человеку, поддержать его в беде сказка «Как синичка мамаче помогла». Она относится к жанру детских и имеет воспитательное значение. Последняя фраза в ней: «Маленькое сер-

Валентин Ильич Гейкер

дце, если оно доброе, может в большом горе помочь». Легенда «Гэюнэ» – о борьбе добра и зла, света и тьмы, настоящей любви и дикого насилия. Разумеется, побеждают добро, свет и любовь, хоть и ценой жизни главных героев. Эту легенду можно отнести и к топонимическим преданиям, поскольку читатель узнает о происхождении названия нанайского села Боктор (оно и сейчас существует в Комсомольском районе) и речке Гэюн, на берегу которой оно находится.

Рассказ-легенда «Кукушка с белым кольцом на шее» дает возможность узнать старинные обычаи и традиции нанайцев, понять их значение, получить подтверждение научных данных и миграциях амурских народов, которые привели к появлению новых племен и родов. Легенда обрамлена рассказом бабушки Вэчэкэ об участнике Великой Отечественной войны Сорголь Гогде, с чьих похорон они возвращались в деревню. Когда бабушка присела отдохнуть на лежащее вдоль дороги сухое дерево, рядом закуковала кукушка.

«– Это она, – чуть слышно прошептала старушка. – Пришла-таки, пришла, – еще тише, таинственно произнесла она, встрепенувшись. – Не забыла. Нашла. Теперь плачет. Ой, как горько ей одной-то, на всем белом свете одна. Бедняжка...

– Кто это – она, бабушка? – в свою очередь прошептал я, охваченный всецело таинственным видом и шепотом старухи. – Ты о ком?

– Девушка это, а не кукушка».

И старая Вэчэкэ рассказала, как и почему бог помог девушке обратиться в птицу. Бабушка радовалась, что кукушка – в прошлом Айга – прилетела на похороны. У нанайцев всегда было сильное чувство рода. Еще в начале XX века усопших не хоронили, пока не съедутся все родственники. Разразившуюся грозу бабушка считала гневом божьим, поэтому уверяла, что она и ее спутник – дети бога и никому зла не причиняли.

В 1992 году В.И. Гейкера приняли в Союз писателей России. В 2000 году издательство «РИОТИП» Хабаровской краевой типографии выпустило его вторую книгу «Сказы Халбинской земли». Большинство произведений в ней на русском языке, одна легенда и две сказки на нанайском. Сюда вошли повесть «Акашины берега» с

продолжением, сказка и легенды из первой книги, а также новые рассказы, легенды и сказки.

Глава повести «Вагда – великий охотник, или Священная гора» посвящена бережному отношению к природе. В легенде говорится, что люди, которые не соблюдают эту многовековую традицию, волей небесных сил погибают. Великий охотник Вагда, истреблявший в тайге все живое ради удовольствия и тщеславия, был жестоко наказан. Бог разгневался и бросил в него молнию. «Пронзила молния все живое, что было на скале, превратив их в камень. Камнями стали охотник Вагда, шаман-медведь, девушка Ади и две ее собаки, которых она брала с собой. Вот и стоят камни до сих пор, напоминая людям, живущим на берегах

великого Мангму, что зверей надо беречь, тайгу надо беречь, что Мангму-Амур надо беречь». Автор знакомит и с мифологией священной горы напротив села Нижняя Тамбовка, где раньше было нанайское стойбище Холсан.

Жизнь нанайцев тесно связана с тайгой и рекой. С детства мальчиков учили быть ловкими, смелыми и решительными. Об этом глава «Когти дракона». Нанайцы называют Амур Черным Драконом за его красоту, величие и непредсказуемый нрав. На мой взгляд, Гейкер так назвал главу своей повести не только ради художественной выразительности. Борьбу человека с водной стихией он показал через восприятие мальчика – сына героя. Акаше волны казались величиной с дом, а когда они приближались к лодке, он невольно отстранялся от них, как от когтистых лап. На середине Амура волны

ГЛАВНАЯ ТЕМА

стали как горы. От страха он сжался. Когда лодка оказалась в глубокой котловине между волнами, мальчик видел над собой только небо в серых облаках.

«И вдруг на нас слева, словно раскрыв грозную пасть, начала надвигаться голова самого дракона с торчащими белыми клыками. Я вскрикнул:

– Папа! Смотри!

Но отец был тверд и собран. Он лишь чуть добавил скорость, и лодка мягко обошла «голову» чудовища».

Интересны главы повести о тигрице Хоре и ее детеныше Амбе. Поредевшая от вырубки тайга, браконьеры, пожары заставили тигров преодолевать огромные расстояния в поисках пищи, и однажды жизнь Хоры оборвала браконьерская пуля. По традициям нанайцев убивать тигров нельзя: «Великий дух Амбы будет преследовать и наказывать всех, кто как-то связан с убийством святого зверя». Но теперь другие времена, и даже нанайцы нарушают табу. Многоопытный Дагир сообщил в райисполком, что тигр перешел Амур, и теперь в селе каждую ночь пропадают собаки. Под руководством приехавшего из райцентра егеря в селе началась охота на тигренка. Дети надеялись, что его усыпят и увезут в другое место, но их надежды не оправдались. Амбу застрелили, и жители села приходили попрощаться с ним и попросить прощения. Автор приводит печальные факты, последовавшие за гибелью тигренка в селе Далхи.

Поучителен и рассказ «Будикэн» (по-нанайски «умирающий»). Главный герой – восьмилетний мальчик, болезненный, худенький, но с глазами не по годам серьезными. Его зовут Ваня, Ванюша. Но бабушке нравилось, когда внука называли Будикэном, считая по традиции, что злые духи отстанут из-за плохого имени. Время было тяжелое, шла Великая Отечественная война. Отец

на фронте, мать в рыболовецкой бригаде на дальнем стане. Дома только Будикэн и бабушка, которая к весне совсем занемогла. Мальчик находит в кладовке отцовское ружье, в кармане его куртки три патрона и отправляется на охоту. Увидел уток, прицелился и выстрелил. Тут, потрясая ружьем, вышел из шалаша дед Контор. Сначала заругался, а потом завел Ваню в шалаш, успокоил, обо всем расспросил и протянул большого селезня.

Мальчик испуганно отпрянул назад: «Нет, не возьму, нехорошо это. Я вам вред сделал...» Мудрый старый человек ответил: «Утку эту я тебе даю в долг, и ты мне вернешь точно такого же крякового самца, когда станешь большим стрелком по уткам. А я к тому времени стану очень старым, настолько старым, что и ружье не подниму, и за утками сходить не смогу. Тогда я очень захочу утиный бульон. Ведь принесешь же, да?» – «Обязательно, даже не одну, а много».

Сюжеты Валентина Гейкера разнообразны, но их объединяет общая тема: кем вырастут дети. Об этом и рассказ «Орлиный Глаз – вождь индейцев», и легенды о Гилдэкине и «Почему протока названа Серебряной», и сказки «Как жадный Сосо себя погубил», «Лягушка и

крыса», «Как сиротка Хэрэкэ на Луну попала», «Плюшевый мишка».

Писатель-этнограф Андрей Ветер (Нефедов) писал: «Традиция тем и сильна, что существует всегда... Массовый читатель мало знает о традиционных культурах, почти ничего не знает. Но когда наступает время поиска, люди невольно приходят к Традиции, как только почувствуют холодящее приближение Пустоты в своей душе. И тогда читатель возьмет в руки книги о нанайцах, лакотах, апачах, эвенках. О всех, кто дышит настоящим воздухом, идет тропой настоящей жизни».

Эти слова можно в полной мере отнести и к творчеству нанайского писателя Валентина Ильича Гейкера.

Сказки Амура

Елена ГЛЕБОВА

Сказочная история Амура – удивительна. Она уже давно перестала быть исключительно устной и вошла в состав дальневосточной литературы, являясь одной из самых интересных ее страниц. Сказки и предания приамурской земли фиксируются в научных источниках, печатаются в книгах и сборниках. И всякий раз открывают новые пласты в духовной культуре коренных малочисленных народов Нижнего Амура. Нередко сказки становятся философскими притчами, например «Стеклянная веранда» Анны Ходжер. Она о том, что нельзя судить о человеке по внешнему виду, что в каждом скрыты большие возможности, и очень важно не упустить свой шанс.

Анна Петровна Ходжер – известная в Хабаровском крае поэтесса, член Союза писателей России. Многие ее стихи положены на музыку и входят в репертуар национальных коллективов. В свет вышли две книги стихов, а два стихотворения вошли в поэтический сборник, изданный во Франции. Анна Петровна немало сделала для сохранения культуры нанайцев. Долгое время возглавляла Троицкий районный краеведческий музей, была организатором культурно-просветительских мероприятий, вела передачи по районному радио на нанайском языке, выпускала «Голос сородичей» – приложение к районной газете. Гродековский музей выпустил не так давно ее новую книгу «Стеклянная веранда», в которой собраны нанайские сказки, легенды, были, которые Анна Ходжер слышала в детстве и сохранила в своей памяти.

У нанайцев легенды *тэлунгун* и сказки *нингман* относились к семейным реликвиям, сокровищам. Поэтому Анну Ходжер учили запоминать сказки, чтобы теперь она несла эту многовековую информацию и затем передала следующим поколениям. «Учили наизусть, но в каждом нанайском роду постепенно формировался свой вариант сказки, да и творческий элемент исключать нельзя, – пишет в предисловии к «Стеклянной

веранде» кандидат исторических наук Т.В. Мельникова. – Одна и та же сказка от разных сказителей не является точной калькой».

Сказка Анны Ходжер «Стеклянная веранда» особая. В нанайском фольклоре не встречаются истории, где бы существовали объекты из стекла. Анне Петровне эту сказку рассказывала мама Канза Семеновна, которая услышала ее от одной сказительницы. Вообще же веранда (в сказке она застеклена) как своего рода настил (по-нанайски *пилан*) приделывалась к амбару на сваях – *такто*. Здесь отдыхали летом, остужали пищу зимой. Бабушка Канза рассказывала о стеклянной веранде и своей внучке Виктории, дочери Анны Петровны. Именно она и стала иллюстратором книги «Стеклянная веранда».

Время идет, жизнь круто меняется, но сквозь культурные слои все равно прорастают старые сказки. И рождаются новые.

Мargarита Пассар еще в студенчестве видела сказочные сны. Они будоражили и волновали. В начале 1990-х, проучившись год в Российском государственном педагогическом университете им. Герцена в Санкт-Петербурге, она перевелась в Хабаровский педагогический университет. Но первую свою сказку «Кормилица Тайга» написала в Петербурге благодаря преподавателю

Анна Ходжер

Мargarита Пассар

литературы Герману Николаевичу Ионину, который горячо поддерживал в студентах желание творить. В Хабаровске Margarita Валерьевна, глядя на своих приятельниц с художественно-графического факультета, училась рисовать. Уже потом, когда закончила университет, работала в Найхинской средней школе, Хабаровском педуниверситете, Синдинской неполной средней школе, когда родились и выросли дети, появилась потребность писать сказки. Margarita Пассар стала записывать свои необычные сны, дополняя их рисунками. В них бабушка молодой сказочницы, которая когда-то была шаманкой, добрые духи, маньчжурская принцесса, летающие девы – митинптицы и каменные черепахи из таинственной страны Ца. Словом, новые сказочные истории в копилке дальневосточной литературы.

Стеклянная веранда

Анна ХОДЖЕР
Рисунки Виктории ВОРОБЬЕВОЙ

В одном стойбище жила одна семья: старик со старухой и двое сыновей. Жили они хорошо. Сыновья рыбачили, охотились. А старик все время спал на кане¹. Старуха готовила еду, кормила сыновей и старика. Старик спит, спит, проснется и спрашивает:

- Мать, скажи, как меня зовут?
- Аонахо! Засоня!

Старик опять засыпает. Однажды старик резко просыпается и опять спрашивает у старика:

- Мама, как меня зовут?

– Анти! Анти! – отвечает старуха. Старик резко встает, одевается, берет свой топор, опоясывается и уходит куда-то. Только слышен скрип его лыж.

Пришел старик к одному селению. Видит, выше села стоит дом, а во дворе домик со стеклянной верандой. Толчется множество людей возле этого домика. Хозяин этого села объявил соревнование для молодых мэргэнов: кто взмахом топора сломает серебряный столб – опору стеклянной веранды, – тому он отдаст в жены свою красавицу дочь. А красавица Пудин сидит в стеклянной веранде, вся беленькая, видно, как по венам пульсирует кровь. Коса у Пудин длинная, толстая – в обхват руки. Мэргэны подходят по одному и пробуют свои силы.

Вот подходит ближе к стеклянной веранде старик и просит молодых уступить место, попробовать свою силу. Подняла на смех старика молодежь, но все-таки дали

ударить по серебряному столбу стеклянной веранды. Старик как размахнется, и одним ударом свалил столб. Пудин-кармадин вышла из веранды и спрашивает, кто из мэргэнов свалил гианги². Увидев, что с этим справился старик, сделала недовольное лицо. А старик сказал, чтобы она явилась к нему в дом по истечении трех дней. Сказав так, заткнул за пояс топор, отправился домой. Придя домой, разделся и лег спать.

Пришло три дня. Рано утром слышат скрип санок, и что-то наехало на стену их дома. Вышли и увидели: приехала к ним молодая красавица Пудин с отцом. Старик подошел к Пудин и подвел ее к старшему сыну, отдал ее в жены. Отпраздновали свадьбу. Старик снова лег спать на свой кан. Сколько времени прошло, никто не знает.

Однажды просыпается старик и опять спрашивает у старухи, как его зовут. А старуха с негодованием отвечает:

- Аонахо! Засоня!

Старик поворачивается на другой бок и опять засыпает. Так и живут. И вдруг опять спрашивает старуху, как его зовут. Старуха отвечает:

- Анти! Анти!

² Гианга – фольк. амбар (Оненко 1980: 102).

¹ Кан – здесь имеются в виду нары в зимнем жилище над внутренним дымоходом (примеч. науч. ред.).

Старик тут же резко встает и быстро одевается, берет свой топор, засовывает за пазуху и, ничего не говоря своим домочадцам, куда-то уходит. Только и слышно как скрип лыж удаляется от дома. Идет старик и доходит до одного селения. Видит, в конце деревни собралась большая толпа людей. В этой деревне один богатый старик организовал соревнование женихов для своей красавицы дочери. А жила она в стеклянной веранде на золотых сваях. Смотрит красавица из стеклянной веранды на людей, на молодых парней, которые соревнуются между собой. Кто сломит золотую сваю, тот и будет ее мужем. Растолкав людей, наш старик поближе подошел к веранде и просит молодых уступить ему место, ударить один раз по свае. Тут подняли его на смех, куда ему, старику, когда молодые-то не могут сломить *гианги*. Старик молча подошел к *гианги*, вытащил из-за пояса свой топор и взмахнул. От одного удара старика столб сломался. Молодые мэргэны от удивления раскрыли свои рты. Тут выходит Кармадин и спрашивает, кто из молодых мэргэнов свалил золотую сваю, но, увидев старика, изменилась в лице. Старик, не обращая на нее внимания, говорит, что по истечении трех дней он будет ждать ее в своем доме. Так сказав, отвернулся и пошел к себе домой. Пришел старик домой, разделся и опять лег спать. Так прошло три дня. Просыпаются от стука в стену дома, кто-то протаранил дом, выходят и видят нарты. На нарте сидит красавица Кармадин и говорит, что не смогла притормозить, спускаясь с горки. Тут старик Аонахо подводит своего младшего сына к Кармадин и отдает ее в жены сыну. Так своей ловкостью старик нашел сыновьям жен-красавиц.

Кормилица Тайга

Маргарита ПАССАР
Рисунок автора

Жили на Земле люди. Поклонялись они Тайге. Тайга их кормила и поила, оберегала и давала людям все необходимое. За это люди чтили, боготворили и не брали у Тайги лишнего. Иногда бывало, случались скучные времена, но люди понимали, что Тайге необходимо пополнить запасы свои, и терпели, тем более что это случилось нечасто.

Однажды голодный год наступил, следующий оказался таким же скучным. Пошел третий год голода, и тогда оставшиеся в живых люди собрались на большой поляне перед крутой сопкой с высокой скалой и взмолились:

– Матушка Тайга! Совсем худо стало нам жить! Вымерем все голодной смертью!

Так они долго плакали, стенали и молились, пока не увидели, что все в воздухе засверкало, заискрилось, потом искорки начали сгущаться посередине поляны и, наконец, превратились в необычайно красивую женщину. Правда, вид у нее был очень уставший и изможденный.

– Простите меня, – обратилась она к народу. – Дети мои, тяжелое бремя выпало на вас. Я старею, и у меня

не хватает сил управляться со всем хозяйством. Мне бы помощницу из ваших дочерей. Вдвоем бы мы быстро все восстановили.

Все поняли, кто перед ними, пали на колени и взмолились, услышав необычную просьбу:

– Матушка! Где мы возьмем тебе помощницу? Самые сильные из наших дочерей подобны семидесятилетним старушкам. Их не в помощницы брать, им самим помогать надо.

– Есть выход, – отвечала Тайга людям. – Постройте шалашик подле столетнего дуба и столетнего кедра, пусть зайдет туда та, которая решится родить беспорочно, без мужа. Деревья дадут ей силы. Через три дня она родит девочку, еще через три дня эта чудо-девочка вырастет и станет мне помощницей. А пока эти дни я поддерживаю поддержать вас всем необходимым.

Подивились люди сказанному, сделали, как велела Тайга, и оставили дочерей своих решать самим, кто останется в шалашике. Но девушки не хотели пройти через такое испытание, всем хотелось когда-нибудь выйти

замуж, а с такой историей, как они думали, их не взяли бы в жены даже самые захудалые женихи. Все разбредись. Однако шалашик не остался пустовать, в нем осталась местная сирота, самая слабая и истощенная девушка. И утром следующего дня ее никто не узнал – за ночь она поправилась и расцвела. Это деревья ей дали силы. Подивились люди таким чудесам.

Как и сказано было Тайгою, через три дня девушка эта родила. Но родила она не одну, а трех девочек красоты ослепительной. А еще через некоторое время одна из них пропала, но никто из людей не обратил внимания на это, ведь на глазах такое чудо происходит! Весь народ уже от шалашика не отходил. Девочки росли прямо на глазах, все умилялись и восхищались ими: такие умницы они были, на лету все схватывали, всему учились. Увидят, как женщины шьют, и уже сами шить умеют, да еще и как! Мастерски! Увидят, как готовят еду, и тут же сами прекрасно готовят. А вкусно так!

На третий день после рождения девочек народ весь снова собрался на той же поляне перед скалистой сопкой. В центре поляны стояли чудо-девочки, которые уже превратились в девушек-красавиц. Снова из мелких искорок, слетевшихся со всех концов света, появилась Тайга. Увидав двух девушек, подивилась на этот раз Тайга:

– А почему их две?

– Стало быть, так угодно небу, – удивленно ей ответили старейшины. Все ведь думали, что чудо происходит благодаря только Тайге.

– Ну хорошо, тогда будет испытание. Кто из этих девушек доберется до вершины скалы, та и будет моей помощницей.

На том и порешили. Пошла к сопке та, что родилась первой. Но не успела она подойти к подножию сопки,

как откуда ни возьмись появился тигр и унес красавицу. Охнули люди, удивилась Тайга, но смолчала: чему быть, того не миновать. Пошла к сопке вторая дочь, поднялась до середины скалы, но тут подлетел огромный орел, какого еще не видел местный народ, подхватил девушку и улетел с ней высоко в небо. Упали тогда люди на колени, стали плакать и причитать. Заплакала и Тайга:

– Нет у меня сил больше! Все отдала за эти три дня!

Но тут выбежала мать девочек и начала говорить:

– Матушка Тайга! У меня есть и третья дочь. Но она, как только почувствовала силу в ногах, так и...

Матери девушек не дали договорить: слетелись птички, окружили ее, защелкали громко, стали щекотать ее крылышками, вынуждая замолчать. Неожиданно среди полянки образовалось облачко, из него стремительно выросла осинка, которая быстро зашептала своей листвой:

– Скоро! Очень скоро!.. Ш-ш-ш... Она уже идет!.. Ш-ш-ш... Ей осталось доучиться совсем чуть-чуть...

Осинку тоже прервали птички. Матушка Тайга стояла в недоумении, наблюдая за хаосом среди своих питомцев. А про людей и говорить нечего – все просто застыли с раскрытыми от удивления ртами. Засвистело, зашумело, заискрилось над поляной. Облако снова укутало осинку и через мгновение рассеялось. Вместо осинки стояла перед всеми третья дочь. Она была еще краше своих сестер и словно вся светилась и переливалась от искорок, окружающих ее.

– Я готова, Матушка Тайга! Испытай меня! – не то пропела, не то прошелестела, не то зазвенела дивным голосом Дева.

– Достигни верхушки скалы на сопке, и ты будешь моей названной дочерью и помощницей, – эхом отвечала ей Тайга.

Чудо-Дева рассыпалась мелкими огоньками и светящимся роем полетела вверх. Ударившись о камни, огоньки снова обратились в Деву, стоящую на вершине скалы. Возрадовалась от увиденного Матушка Тайга:

– Вот моя помощница и отрада дней моих! Доченька, я иду к тебе!

Рассыпалась огоньками да искрами и полетела к названной дочери на сопку.

С тех пор редко наступали голодные года, пока люди чтили и любили Матушку Тайгу и ее дочь. А первые две сестры стали праматерями двух очень сильных и крепких родов – Тигра и Орла. Тигр и Орел были хорошими мужьями и знатными охотниками. Их роды оберегали свой народ от набегов чужеземцев и прочей нечисти. Мать девочек получила в награду дар ясновидения и способность лечить людей и всю живность – стала великой шаманкой. Она помогала людям, зверям и птицам. И, конечно же, принимала в гостях у себя своих дочерей, зятьев и многочисленных внуков. Говорят, что как-то видели в гостях у нее саму Тайгу и ее помощницу...

Фото Алексея Мартынца

ЕДИНОЕ ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ

Верхний ряд (стоят) слева направо: В.М. Торгашин, Р.А. Юрьянов, М.Г. Татьяна, Н.С. Акишкин, Нина (секретарь СХ), И.Ф. Галиулин, Е.И. Вольгушев, Н.Ф. Чайкин, С.М. Федотов.
Средний ряд (сидят): В. Коротин, В.К. Амелянчик, В. Марченко, Елена (ответственный секретарь СХ).
Внизу: В. Колтунов, Н.Е. Баранчук. 1970-е

Вчера, сегодня, всегда

К 75-летию Хабаровского отделения Союза художников России

Александр ЛЕПЕТУХИН

Семьдесят пять лет – возраст немалый. Это целая жизнь для человека. Но для творческого союза расчеты иные. Хабаровское отделение Союза художников России встречает свой юбилей в расцвете сил.

Почему в союз постоянно стремятся молодые художники? Потому что художнику как воздух нужна творческая среда. Без нее можно остановиться в развитии, «прижимая к груди тыкву, думая, что это алмаз», – так остроумно обрисовал творческое одиночество Эрнест Хемингуэй.

Заслуженный художник РФ Н.С. Акишкин, народный художник РФ Г.Д. Павлишин, заслуженный художник РФ В.А. Смирнов

Как-то известного искусствоведа академика Алпатова спросили: «Как научиться отличать хорошую картину от плохой?» «Надо пересмотреть миллион картин. Другого пути нет», – ответил он. Поэтому художнику необходимо участие во множестве выставок, чтобы увидеть свои картины среди других, услышать мнение коллег, искусствоведов, зрителей. Только так можно осознать свое призвание и начать движение к вершинам мастерства.

Сегодня в Хабаровском союзе художников сочетаются традиции и новаторство, и в этом его главное достоинство. За 75 лет сменилось несколько поколений мастеров, и все эти годы связь времен не прерывалась. Искусство развивается не через отрицание прошлых достижений, оно растет как дерево, добавляя в крону все новые ветки и листья. Прошлое не уходит, не умирает. Очевидно поэтому из года в год на выставках в Картинной галерее им. А.М. Федотова искусствовед и директор Т.А. Давыдова выставляет картины 1960–70-х годов вместе с картинами современных авторов. Возникает диалог художников разных поколений. Мэтры прошлых лет служат камертоном. Они относились к своему искусству серьезно, умели сказать о важных вещах своим языком, а главное, в совершенстве владели формой, знали толк в рисунке, в пленэрной живописи. Так что молодым есть чему поучиться. Будущее покажет, смогут ли они стать вровень с мастерами прошлых лет. Не в этом ли залог непрерывности развития творческого процесса?

Сегодня мы, бывшие молодые, неожиданно для себя стали «патриархами» дальневосточного искусства. В искусстве мы входили в самом конце шестидесятых – начале семидесятых годов. Мне довелось общаться с отцами-основателями нашей организации. Василий Высоцкий и Иннокентий Горбунов вступили в союз в 1941 году. Интересно, что участвовать на выставках продолжали на равных. Они, как молодые, волнуясь, приносили свои новые вещи. Ведь искусство – это постоянный экзамен. Творческие удачи не гарантированы опытом.

Признаюсь, мне поздние картины Высоцкого казались тогда наивными. Он не изменял своей теме. Рисовал партизан, тайгу, снег, коней. Его изобразительный язык мне тогда не нравился. Но прошли годы. Я увидел этюды Василия Николаевича и был поражен: мастерство высокое и безусловное. Высоцкий, как и все его современники, был воспитан на постоянной работе с натуры. Пленэр, этюд – самая сильная сторона всех художников тех лет. Это стало понятно только в начале перестройки. Тогда, в девяностые годы, в нашу страну хлынули галеристы и любители живописи из разных стран. Они буквально вывезли пленэрную живопись советских лет за пределы страны. Скупали оптом и в розницу, приезжали по несколько раз.

Сейчас среди художников среднего поколения и среди молодых возрождается интерес к работе на пленэре. Пусть западные искусствоведы заявляют, что живопись умерла, и на ее месте расцвело «актуальное искусство». Это их проблемы. Наши художники верят, что классическая традиция не может умереть, потому что мир по-прежнему прекрасен и полон тайн. Раскрыть эти тайны может только живая, тонко чувствующая душа.

Алексей Матвеевич Федотов и Григорий Степанович Зорин

Евгений Михайлович Фентисов (в центре) и Владимир Дмитриевич Овчинников (справа)

Дмитрий Андреевич Романюк

Среди художников старшего поколения у меня было много товарищей, друзей, людей, близких мне. Сразу вспомнил Григория Степановича Зорина. Много лет мы были соседями по мастерской. Постепенно оказалось, что Григорий Степанович стал для меня своеобразным эталоном художника. Он ставил искусство очень высоко. Считал, что художник по определению должен быть добрым, порядочным человеком, потому что образы рождаются в глубинах нашего подсознания. И если там живет

ЕДИНОЕ ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ

Борис Герасимович Шахназаров

Александр Викторович Гуриков

зависть, подлость, чванство – ничего хорошего не родится. Ведь каждый говорит от полноты своего сердца.

Помню, как немилосердно ругал меня Григорий Степанович за один плохой этюд: «Ты же художник! Как ты мог себе это позволить?! Что это? По-твоему это цветочные отношения?!» Признаюсь, мне было приятно слышать его критику. Ведь художники избегают задевать друг друга, зная, что прикосновение к чужой работе равноценно прикосновению к душе автора. Но в этом случае другое. Григорий Степанович учил меня не опускать планку, не терять целого ради маленькой правды в деталях. Прошли годы. Как сегодня мне не хватает такой критики!

Григорий Степанович учил уважать свой труд, а значит, уважать зрителя. Образцом высокого искусства он считал русскую икону, а вершиной мирового искусства называл «Троицу» Андрея Рублева. «Смотри, как все просто!» – говорил он, показывая репродукцию, – три тональных отношения! И больше в работе не должно быть! Раз, два, три – и все! Ты понимаешь?» С трудом, но доходило. Многословие в искусстве ведет к утрате поэзии. «Краткость – сестра таланта». В этом Чехов был прав. Помню, как навещал Зорина дома, когда он болел и уже не мог ходить в мастерскую. «Знаешь, – сказал он мне однажды, – я рисую во сне. Вчера проснулся в слезах. Получился очень красивый холст, но я его нечаянно смазал мастихином. И тут я проснулся...» Что тут добавишь? Такое по-детски чистое отношение к творчеству большая редкость. Конечно, в основе искусства лежит любовь, а не самоутверждение и амбиции.

Другой фронтовик, танкист Николай Павлович Долбилкин поддержал меня в самом начале творческого пути. В те далекие годы перед открытием выставок их осматривали чиновники от культуры. Что-то рекомендовали снять, чтобы не злить высокое начальство «формализмом». Было это в 1975 году на юбилейной выставке, посвященной победе в Великой Отечественной войне. Чиновники мои работы почему-то не убрали, но пришел А.К. Черный, тогдашний главный партийный начальник, и снял. Своими руками, продемонстрировав вкус и понимание. Вот тогда-то Н.П. Долбилкин прислал мне открытку. Поздравил с Днем Победы и с хорошими работами. Он ничего не объяснил, никого не ругал, но я понял главное: искусство нельзя унижать. Этот урок я запомнил и очень благодарен Николаю Павловичу.

Старшее поколение художников, особенно тех, кто прошел войну, а также младших их современников сделало в искусстве многое. Это еще не оценено в полной мере, потому что сегодня в искусствоведении, к сожалению, пустые аттракционы стали называть достижениями, половые извращения – свободой. Но мы знаем, что вечные истины не устаревают. Искусство призвано служить им. Человеку нужно постоянно напоминать о его высоком предназначении. А развращать его, унижать не в нашей традиции. На этом стоял и будет стоять Хабаровский Союз, по крайней мере, лучшая его часть.

Хочется сказать несколько добрых слов обо всех художниках прошлых лет. Каждый достоин отдельной монографии, серьезного исследования. Алексей Федотов, как никто, чувствовал природу, она была живой для него. Настроение грусти, величия, трагедии он мог передать, изображая небо, водную стихию, тайгу и сопки. До сих пор тревожит меня пейзаж, написанный Алексеем Матвеевичем на месте гибели его отца, репрессированного и сосланного на рудник в далеких тридцатых. Деревья, как гниющие люди, цепляются за жизнь. Их корни корчатся, обнимая голую скалу. Но почему так празднично, так радостно звучит красно-оранжевый цветовой аккорд на синем фоне небес? Потому что жизнь, а не смерть побеждает в конце концов. Так было и будет всегда, пока есть в сердцах людей вера и любовь. Все это выражено в картине без единого слова. Трагедия переходит в радостный

Федотов А.М. Охотское море. 1978. Холст, масло

Высоцкий В.Н. Конные красноармейцы на берегу Тихого океана. 1971–1973. Холст, масло

Пленэр в Петропавловке

гимн. Это настоящее высокое искусство. Его нельзя придумать. Можно только пережить.

Как не вспомнить творчество Б.Г. Шахназарова! Художник, прошедший войну, потерявший на фронте ногу, он всю жизнь писал красоту, которая присутствует в обыденных вещах. Мы к ним присмотрелись, глаз наш замылился, и вот Борис Герасимович словно смывает пленку, и мы вновь видим мир сверкающим и живым. Мне приходилось слышать от художников, что они, посетив мастерскую Шахназарова, пообщавшись с этим скромным человеком, испытывали невольный стыд. Им становилось неловко за суетность в жизни и в искусстве. «Может, не следует бежать за всеми радостями жизни и писать холсты ко всем датам и юбилеям, может, следует закрыться в мастерской и неспешно и точно лепить форму капусты, баклажана, морковки, в конце концов? Но не каждому это дано...»

В начале шестидесятых в союз пришли художники, изменившие лицо нашей организации, хотя такой задачи они себе, конечно, не ставили – все произошло само собой. Е.М. Фентисов, Д.А. Романюк, Е.И. Вольгушев и другие стали первыми преподавателями открывшегося в Хабаровске художественно-графического факультета при тогдашнем Хабаровском государственном педагогическом институте. Факультет должен был готовить художников-педагогов для общеобразовательных школ. Но наиболее талантливые стали вливаться в Союз художников. Это было естественно. Большую роль сыграл Александр Викторович Гуриков, став родоначаль-

ником особого направления в дальневосточной графике, которое получило условное название «монтажная графика». Работы его и его последователей (В. Смирнов, Е. Вольгушев, В. Амелянчик) сразу привлекли внимание на выставках – иная степень свободы, иная возможность добиться выразительности. Сегодня понятно, что художники этого направления сумели выразить свое время. Заслуженный художник России А.В. Гуриков долгие годы был председателем нашей организации. Мне его память дорога тем, что он стал моим учителем и руководителем дипломного проекта. Кажется, это было совсем недавно. Всего 45 лет назад...

Среди наиболее ярких выпускников факультета, ставших членами нашего союза, нельзя не вспомнить Сергея Заровного и его супругу Наталью, Евгения Бурлова, Германа Палкина, Юрия Быкова, Геннадия Арапова, Владимира Хрустова, Викторину Романову, Валерия Сахатова, Анатолия и Андрея Блажных, Александра Михалевича, Игоря Шабалина, Андрея Паукаева, Юрия Дунского, Владимира Торгашина, Николая Вагина. Перечисляю имена известных художников, живых и ушедших из жизни, заслуженных и нет, и ловлю себя на мысли, что нельзя останавливаться. Нельзя не назвать тех, кого уважаю и люблю. Например, Владимира Бабурова – ювелира и скульптора, много сделавшего для развития ювелирного искусства на Дальнем Востоке. Или супругов Владимира и Веру Евтушенко, которые одними из первых обратились к древнему искусству иконы, а в связи с этим и Павла Трача, иконостасы, иконы и росписи которого стали

Фентисов Е.М. Деревенский пейзаж. 1984. Картон, пастель

Горбунов И.А. Резолюция восьминога. 1949.
Бумага, тушь, гуашь. ДВХМ

Романюк Д.А. Первый снег. Картон, гуашь. 60 x 70. ДВХМ

Шабалин И.Е. Холст, масло

Арапов Г.Ф. Подарок. 2013. Холст, масло

ЕДИНОЕ ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ

Сергей Павлович Заровный с супругой Натальей Павловной

Александр Сергеевич Болгарин и Максим Николаевич Ананенко

Бронислав Владиславович Тамулевич и Евгений Михайлович Базилевич

важным этапом в развитии нашего храмового искусства. Говорю о технике акварели и сразу вспоминаю Бронислава Тамулевича и Евгения Базилевича. Эти художники такие разные! Бронислав героем сделал свободную стихию водяных красок, а Евгений, напротив, достигает прекрасного результата, опираясь на точность рисунка. Как тут не вспомнить слова классика: «Каждый пишет, как он дышит». Или такие: «Стиль есть человек».

Почему я говорю не об организации в целом, а об отдельных людях? Да потому, что творческие личности, отдельные люди, объединенные общим призванием, и есть суть нашей организации, самое главное и интересное в ней. Берешь любое направление в искусстве, и обязательно вспоминается человек. Международные конкурсы ледяной скульптуры на городской площади – Сергей Логинов. Монументально-декоративное направление – Борис Федоровский. И так в любой области.

Поэтому любой художник в нашем союзе незаменим. Ушел из жизни Е.М. Фентисов, и пастельная живопись как направление угасла, исчезла практически полностью. Почему? Ведь у Евгения Михайловича много учеников? Я сам учился у этого интересного художника и многое взял у него. Дело в том, что характер человека выбирает любимый материал для своего творческого воплощения. Он выявляет в этом материале те черты и свойства, которые ему близки.

Так возникает неповторимое лицо мастера. Поэтому с легкой печалью могу сказать, что таких разливов Амура, таких тревожных облаков среди скал, как на картинах Алексея Федотова, мы уже не увидим. Есть попытки, но, как говорят, «не то, не то...». Придет время, появится, может, нечто не менее талантливое, но другое. Вот почему искусство не может умереть, пока есть яркая, неповторимая личность. Она обязательно будет искать отголосок в душах других. Искусство не что иное, как способ наведения мостов между людьми. Об этом сказал философ Кант, а он знал, о чем говорил. И он же сказал, что искусство имеет еще одну задачу: оно способно стать украшением на пиру жизни. В нашей организации очень развито декоративно-прикладное искусство: имя Николая Акишкина, создателя уникального направления, широко известно за пределами Хабаровского края, работают В. Гуенок, И. Оркина, множество других оригинальных мастеров. Особых успехов добились хабаровские ювелиры: творчество Николая Новикова, Алексея Бабурова, других мастеров широко известно.

Наблюдая за сегодняшним днем Союза художников, кроме радости и удовлетворения испытываешь тревогу. Художественно-графический факультет, многие годы дававший возможность получить школу, понятие о законах искусства, сегодня перестал это делать. Пройдет несколько десятилетий, и вновь произойдет смена поколений. Сможет ли союз воспитать себе новых достойных членов, имеющих профессиональную подготовку? На этот вопрос ответит будущее...

Положение творческого Союза художников хорошо знает ее председатель Николай Акишкин. Ему слово:

– Я знаю нашу организацию и как художник, и как чиновник уже много лет. С 1976 года работал главным ху-

Торгашин В.М. Приехали гости. 2015. Холст, масло

Артёменко В.В. Из цикла «БАМ». 1975. Офорт

Сахатов В.Т. В конце лета. 1970-е гг. Холст, масло.
Картинная галерея им. А. М. Федотова, Хабаровск

Вольгушев Е.И.
К.Э. Циолковский. Из цикла «В заоблачную высь». 1975.
Бумага, цветная литография.
Картинная галерея им. А. М. Федотова, Хабаровск

Бурлов Е.В. 1965. Монотипия. ДВХМ

Бабуров А.В. Перстни «Медвежий клык
бронтозавра». Серебро 925-й пробы, коготь
медведя

На открытии персональной выставки А.М. Тена: А.А. Карташов, В.В. Романова, А.М. Тен, А.В. Бабуров, И.А. Оркина, А.А. Нежинский. 2013

дожником художественных мастерских, затем стал главным художником Художественного фонда. В те годы в него входили мастерские Хабаровского края, Благовещенска, Южно-Сахалинска, Биробиджана. Ранее наш союз охватывал всю эту территорию, в том числе и Камчатку. Художественный фонд был производственным подразделением Союза художников. В начале перестройки происходили не самые лучшие перемены, многие отделения фонда ликвидировали, и я стал свободным художником. Но вскоре в организации сложилась очень серьезная, даже опасная ситуация, и на общем собрании меня выбрали председателем. Могу сказать, что удалось не только выправить положение, но и многое сделать.

В каком-то смысле сегодня наш союз – уникальная организация. Например, мы имеем дочернее предприятие Художественный фонд, которое выполняет сложные по технологии творческо-производственные работы: памятники, рельефы, парковую скульптуру, витражи, росписи и многое другое. Сейчас поступают заказы из разных регионов, что подтверждает нашу высокую репутацию. Другое и очень важное направление работы – сохранение и популяризация произведений дальневосточных художников. Велика в этом роль бессменного директора Картинной галереи им. А.М. Федотова искусствоведа Татьяны Алексеевны Давыдовой. Пока она работает, я спокоен: богатая коллекция будет сохраняться и пополняться. Удалось сохранить художественный салон, где художники и, что очень важно, мастера из национальных сел имеют возможность реализовывать свои работы.

Несколько лет назад создан творческий центр «Тунгуска», куда на пленэры, в том числе и международные, приезжают студенты художественных вузов, учащиеся

художественных школ. Свою творческую базу необходимо иметь каждой творческой организации, потому что художнику важно побыть наедине с природой и с собой вдали от каждодневной суеты.

В последнее время мы вплотную занялись воспитанием молодых художников – нашей смены. Создано Объединение молодых художников и искусствоведов, которое курирует Андрей Тен. Кандидаты в члены Союза художников имеют реальную поддержку – молодежные выставки, стипендии и премии. Наиболее талантливые и перспективные получают творческие студии-мастерские.

В феврале 2016 года Хабаровское отделение Союза художников России отметит важную дату – 75-летие. Мы решили установить мемориальные доски отцам-основателям нашей организации и отдельно заслуженному художнику РСФСР, участнику Великой Отечественной войны Григорию Степановичу Зорину. К юбилею будет издана книга очерков Александра Лепетухина о дальневосточных художниках, выйдет в свет журнал, посвященный юбилею Союза художников, его готовит Т.А. Давыдова. Наш долг – помнить художников, которые внесли заметный вклад в развитие дальневосточного искусства. Поэтому мы выделили средства на благоустройство надгробия нашего известного живописца Алексея Матвеевича Федотова.

Но, несомненно, главным событием юбилейного года станет выставка. Она ответит на многие вопросы, волнующие не только художников, но и всех, кто любит изобразительное искусство.

*Фото из архива Хабаровского отделения
Союза художников России*

Павленкович А.А. Авачинская бухта. 2012–2013. Холст, масло

Трач П.П. Горячий ключ. 1980. Холст, масло

Тамулевич Б.В. Маяк на Эгершельда. Бумага, акварель

Овсянников В. М.
Рыбацкий набор «Черпак и 6 ложек». Липа, резьба

От глиптики до гобелена

Елена ЛЕНСКАЯ
Фото Валерия МАЙОРОВА

Художественное литье, гобелены, батики, керамика, деревянная миниатюра, глиптика – всего около 500 произведений составили выставку «Декоративно-прикладное искусство художников Хабаровского края», организованную Хабаровской краевой организацией ВТОО «Союз художников России» совместно с Дальневосточным художественным музеем.

Оркина И.А. Единение спонтанных бесконечностей. 1994. Керамика

Босов Р.В.
Противостояние. 2014. Бронза

По насыщенности художественных форм и разнообразию материалов (а это дерево, мех, кость, ткань, стекло, металл, драгоценные камни и др.) подобной экспозиции в Хабаровске не было уже более 25 лет. Она представила не только работы современных художников, но и старинные произведения народного искусства из частных коллекций мастеров. Зритель получил возможность увидеть итоги работы секции ДПИ – самой молодой в структуре Хабаровского союза художников, и проследить за тем, как развивалось это инте-

Гречанов К.Б.
Хозяйка Ольхона. 2012. Керамика, обжиг раку

Акишкин Н.С. Серия «Камлание» (4 предмета). 2013. Дерево, кожа рыбы, кость

Овсянникова Т.Г.
Кукла «Дальневосточная» с рыбками. мех, кожа, бисер
Кукла «Малая дальневосточная» с оленем. мех, кожа, бисер, дерево

Медведев В.М.
Тайсон и Льюис. 2015. Эпоксилит, тонирование

Фомин Б.Н.
Морское дно. 2014. Каменная мозаика из камней средней твердости

Машков С.Н.
Праздник солнца (из серии «Портрет молодого человека»). 2014.
Дерево, металл

ресное творческое направление в крае в течение четверти века. Участниками выставки стали около пятидесяти художников из Хабаровска, Комсомольска-на-Амуре, Биробиджана, сел Мирного, Джари, Троицкого.

Сегодня в этой краевой творческой организации более ста профессиональных художников и тридцать пять из них – прикладники. Имена многих хорошо известны: народный художник РСФСР Г. Павлишин, заслуженный художник России Н. Акишкин, народные мастера Р. Баранова, Е. Киле, З. Бельды, В. Самар. Сегодняшние художники-прикладники, отмечают организаторы выставки, продолжают традиции древних ремесленников. Они создают гобелены и батики (Е. Болгарина, Л. Федоровская, Н. Хрустова, Н. Брусницина), эмали и керамику (В. Леватаев, Ш. Шахназаров, С. Смирнов), занимаются художественным литьем и ковкой металла (Р. Босов, С. Ткачук, В. Евтушенко), резьбой по дереву (Е. Соломенцев, В. Овсянников, В. Помазков), ювелирным искусством и глиптикой (Н. Ковалевская, А. Бабуров, В. Широкова, В. Бабуров, А. Номар, В. Волошенко), интерпретируют древние технологии и материалы (Н. Акишкин, К. Гречанов). Сохраняя традиции, создавая новые грани в этом направлении искусства, дальневосточные мастера открывают особое пространство, всегда бесконечно удивляя и восхищая.

Бабуров В.Ф.
Рыбы. 1984. Горячая эмаль, медь, дерево

Федоровская Л.М.
Триптих «Край земли». 2013
Стекло, спекание, роспись

Болгарин А.С. Болгарина Е.Н.
Вечный зов. Гобелен

Открытие фестиваля. Николай Холодок, Сергей Толмачёв, Игорь Грабовский, Людмила Козлова, Ольга Привалова

Ее величество графика

Татьяна ЧАНОВА

Комсомольск-на-Амуре вновь встретил «Серебряную волну» – Пятый дальневосточный фестиваль графических искусств.

Никогда не знаешь, где тебя накроет смыслом, как большой волной, а тем более Серебряной. Почему именно слово «серебряная» вошло в название выставки графики? Еще семь веков назад художники пользовались «серебряным карандашом» – заточенным кусочком серебра или проволоки. Это был один из первых графических инструментов, задолго до появления того графитного карандаша, который мы знаем сегодня. Серебряные палочки-штифты оставляли на листах не слишком заметные следы серого цвета, которые в результате окисления принимали со временем теплый коричневатый оттенок. В этой технике работали и Альбрехт Дюрер, и Леонардо да Винчи, и Сандро Боттичелли... Современные художники в своих графических работах используют как карандаш, так и самые новейшие технологии, вплоть до цифровых. Соус, тушь, уголь, гель

наряду с печатными – офортом, линогравюрой, литографией. Словом, всех графические техники и их произвольные сочетания невозможно перечислить и предугадать. Так же, как и за движением волн, можно бесконечно наблюдать за противостоянием линии и пятна, борьбой между белым и черным, между формой и контрформой. Все это представляет нам графика.

Фестиваль «Серебряная волна», идея которого впервые блестяще воплотилась в жизнь восемь лет назад, – единственный смотр графики подобного уровня и масштаба на Дальнем Востоке. По традиции он проходит всегда на одной и той же выставочной площадке – в арт-галерее «Метаморфоза» (Комсомольск-на-Амуре).

Директор галереи «Метаморфоза» Ольга Привалова:

– Идея проекта изначально была проста: объединение усилий

графиков в художественном пространстве Дальнего Востока. Постепенно появились новые смыслы, перспективы. Графику часто трактуют как некий вспомогательный этап работы над произведением, как средство фиксации первоначального замысла. Она будто падчерица рядом с общепризнанной госпожой живописью. Вернуть графике королевский статус, показать все многообразие этого совершенно самостоятельного, великолепного вида искусства, раскрыть невиданную широту возможностей для эксперимента, которую она предоставляет, – такие задачи мы ставим сегодня перед фестивалем. В этом году у нас первый юбилей. «Серебряная волна» проходит в формате биеннале, и, честно говоря, мы каждый раз переживаем: а хватит ли духу раз в два года обеспечивать столь крупный форум? Но, судя по звон-

кам, которые начинают поступать еще за полгода до выставки, художники ждут «Серебряную волну».

Организатор фестиваля художник Игорь Грабовский:

– Прежде всего, любая выставка для художника – это школа. Посмотреть на себя в числе многих других, узнать новое, оценить пройденное. Казалось бы, рисунок: что в нем такого особенного? Поверьте, рисунок – это никогда не скучно, потому что это поиск. Графика – искусство молниеносное и очень честное, ведь это всегда первые мысли художника, доверенные бумаге...

В декабре 2015 года благодаря активности и энергии инициаторов, организаторов и кураторов – искусствоведа Ольги Приваловой, художников Игоря Грабовского и Николая Холодка «Серебряная волна» собрала под одной крышей более 160 работ художников-графиков. По сравнению с первым фестивалем, состоявшимся в 2007-м, количество участников увеличилось втрое, а это говорит о его возросшей известности и авторитете среди художников. Но дело, конечно же, не только в количественных показателях, хотя их важность никто не рискнет отрицать. И не в широкой географии форума, охватывающей пространство от Швейцарии до Японии. А в том, что, являясь глобальным смотром художественных сил, «Серебряная волна» трактует графическое искусство как элитарное, отражая возросший сегодня в мировом культурном процессе интерес к графике как к искусству интеллекта, где запечатленная мысль становится знаком времени. Казалось бы, азбука пластических искусств – линия, пятно, штрих... Но, как и музыкант, который из семи нот воспроизводит несчетное количество звуковых гармоний, художник выбирает линию как мелодию, пятно как аккорд, штрихи как стаккато, разыгрывая перед зрителем симфонию гармоний визуальных.

Экспозиция выставки

Перформанс

Широчайший и неисчислимо глубокий потенциал графических приемов в этот раз, на пятом фестивале, решено дополнить... цветом. Желто-зеленые, с сырой глубокой синевой плавные воды Амура; густые влажно-вишневые осенние натюрморты; цементно-серые и бетонно-жесткие города... Цвет в графике вовсе не обязательно должен передавать реальную окраску природы, он играет здесь лишь вспомогательную роль при передаче настроения, ощущения, атмосферы мотива. Дух захватывает от безмерностей амурских далей, от дугообразных бухточек и

плесов, от облаков, что по колено сопкам. Нежно-зеленое, лиловое, сизое и золотое – краски дальневосточной природы непредсказуемы и изменчивы, а ведь природа лишь часть мироздания, которое взяли на себя смелость запечатлеть художники-графики.

«Серебряная волна» – это кристаллические решетки и геометрические конструкции абстрактных листов Владимира Хромова; библейские истории, похожие на воспоминания детства, или, наоборот, картинки далекого детства, трактуемые как библейские истории от Александра Михале-

ЕДИНОЕ ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ

вича (Хабаровск); лесные буреломы и сельские околицы в акварелях Александра Потехина; швейцарские уличные зарисовки Игоря Грабовского (Комсомольск-на-Амуре); городские пейзажи под сенью меноры Валентина Горячева (Биробиджан); «Магические квадраты» и миры, сжатые до точки от Анатолия Нежинского (Хабаровск); неистовые цветочные рапсодии Ильи Лиханова (Сикачи-Алян Хабаровского края); филигранные офорты, поражающие не только техникой исполнения, но и глубиной философского подтекста от Олега Яхнина (Санкт-Петербург); словно живые красочные натски, наполненные энергией ассоциаций от Ваканы Ямаучи (Япония); небесная драматургия звездного пути Александра Лепетухина; добродушные зверята и ангелы Андрея Тена (Хабаровск) и многое-многое другое.

География форума постоянно расширяется, традиционно охватывая уже не только российский Дальний Восток и Японию, но и Москву, Санкт-Петербург, Германию, Швейцарию. Во втором фестивале, например, впервые принимали участие художники-графи-

ки из Ярославля и Нижнего Новгорода, на четвертый привозили большую коллекцию работ авангардистов из Владивостока. Обширные проекты предоставляет фестивалю Дальневосточный художественный музей (Хабаровск). Наряду с работами юных дебютантов-студентов в экспозиции представлены ретроспективные подборки работ мастеров.

Как и задумывалось, идея объединения, лежащая в основе фестиваля, нашла отражение в многообразии видов и техник графики как самого демократичного и распространенного из искусств.

По сути, выставки в галерее «Метаморфоза» представляют собой яркий срез современного состояния графики. В каждой экспозиции «Серебряной волны» присутствует великое разнообразие смыслов, жанров и способов графического мышления – от примитива до абстракции, от лаконично линейного рисунка до сложных метафизических образов. Спокойная мелодия «Серебряной волны» всегда дополняется свободной джазовой импровизацией. В ней звучит честная, душевная интонация вечного поиска и неутомимого художественного эксперимента.

Миямото Цутому (Япония). Трансформация иероглифа

Ютака Такахаши (Япония). Проект ДВХМ. Хабаровск

Эрмитажные истории

Анастасия БЕРКОВСКАЯ

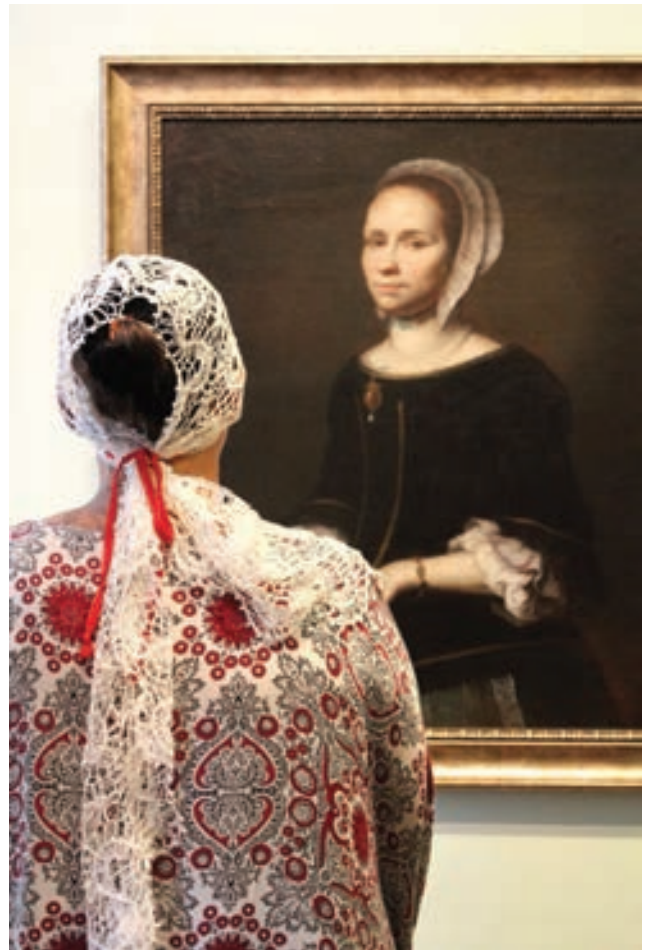
«Неизвестный Эрмитаж» – уникальный выставочный проект Дальневосточного художественного музея (Хабаровск) и Приморской картинной галереи (Владивосток), посвященный 250-летию Государственного Эрмитажа.

Зрители впервые познакомились с произведениями из эрмитажной коллекции западноевропейского искусства XIII–XX веков – более 60 живописных полотен и около 20 произведений графики, которые переданы в 1930-е годы из Эрмитажа в дальневосточные музеи. Это работы итальянских, голландских, французских, немецких мастеров XVI – начала XX века, среди которых «Аполлон и Марсий» мастерской Питера Пауля Рубенса, «Святое семейство» Аннибале Карраччи, руинные пейзажи Джованни Паоло Паннини, графика знаменитого Жака Калло. Одним из раритетов выставки стал «Портрет полководца Хуана Австрийского» – шедевр испанской живописи XVI века, единственная картина Алонсо Санчеса Козльо, хранящаяся в России.

Сегодня в собрании Эрмитажа более 3 миллионов разнообразнейших экспонатов, и не случайно директор музея Михаил Пиотровский назвал его энциклопедическим. Но даже у одного из крупнейших музеев мира, обладающего великой историей, есть свои загадки, неизвестные сюжеты.

Почему все-таки «неизвестный Эрмитаж»? Немногие знают о том, как формировались коллекции региональных музеев, каким образом в первой половине прошлого столетия из собраний центральных музеев России, в том числе и из Эрмитажа, в отдаленные уголки нашей страны поступали произведения искусства. Сейчас уже не секрет, что немало ценностей из коллекции Эрмитажа продано за границу. И все же какое облегчение можно испытать от мысли о том, что многое осталось в России, став частью собраний региональных музеев, которые в 1930-е назывались периферийными.

Вообще же, начало этой традиции – коллекционировать произведения искусства – положила императрица Екатерина Великая. Именно она основала музей

Эрмитаж и ввела неукоснительное правило сначала водить иностранных гостей по залам музея, а уже потом приступать к дипломатическим переговорам. «Государство без картинной галереи деревне подобно» – один из любимых афоризмов императрицы. Как же дальновидна она была! Ведь развитая культура является показателем процветания всего государства. Созвучно этому и высказывание Михаила Пиотровского: «Создать великий музей так же важно, как и иметь великую армию».

Самый первый каталог Эрмитажа, изданный в 1774 году, включал 2 080 экспонатов. В основу собрания положены частные коллекции европейских ценителей искусства, поэтому у каждого предмета есть

ЕДИНОЕ ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ

Гарофало (Бенvenuto Тизи). Несение креста. 1530-е гг. Холст, масло. Государственный Эрмитаж

Маратти Карло. Акид и Галатейя. 1713 г. Холст, масло. 182 x 232 см

Гарофало (Бенвенуто Тизи). Аллегория Ветхого и Нового Заветов. 1530-е гг. Холст, масло. Государственный Эрмитаж

Гарофало (Бенвенуто Тизи). Чудесное насыщение хлебами. 1531–1537 гг. Холст, масло. 308 x 254 см. ДВХМ

своя история – так же, как и у эрмитажных работ, попавших в фонды Дальневосточного художественного музея и Приморской картинной галереи. Одна из наиболее интересных – история, связанная с картиной выдающегося итальянского художника XVI века Бенвенуто Тизи да Гарофало «Чудесное насыщение хлебами», называвшаяся когда-то «Чудо с хлебами и рыба-

ми». Монументальное полотно размером 3 x 2,5 м написано мастером в 1530-е годы, когда его постигло несчастье – он ослеп на один глаз. Надеясь вернуть зрение, Гарофало дал обет безвозмездно создать серию картин для женского монастыря Сан-Бернардино. Эта обитель была основана в Ферраре в 1510 году Лукрецией Борджиа, супругой герцога Альфонсо I д'Эсте.

«Чудо с хлебами и рыбами» предназначалось для украшения трапезной. Насыщение голодных пятью хлебами и двумя рыбами благодаря приумножению их Христом символизировало благотворительную деятельность монастыря Сан-Бернардино. Не случайно мастер среди других действующих лиц изобразил настоятельницу и сестер.

Монастырь Сан-Бернардино просуществовал до 1798 года и был упразднен в результате наполеоновского нашествия. Но еще в 1792 году обедневшие затворницы продали восемь полотен Гарофало папе Пию VI. В 1840 году племянник папы граф Пию Браски, унаследовавший его коллекцию, решил расстаться с художественными ценностями, собранными его дядей, и объявил о продаже. Четыре полотна из этой коллекции приобрел для императора Николая I посол Кривцов (известно, что Гарофало был любимым художником русского императора). В Эрмитаже до 1931 года хранились четыре работы Гарофало, входившие в единый цикл: «Брак в Кане Галилейской», «Аллегория Ветхого и Нового Заветов», «Несение креста» и «Чудо с хлебами и рыбами». Потом работы разлучили и передали «Чудо с хлебами и рыбами» в Дальневосточный художественный музей.

В 2008 году в Эрмитаже, а также в филиале Эрмитажа в Италии в городе Феррара, проходила крупная выставка «Картины Гарофало из монастыря Сан-Бернардино». В Санкт-Петербурге и в Ферраре была представлена картина из Хабаровска. Сейчас это полотно зрители могут видеть в постоянной экспозиции западноевропейского искусства ДВХМ.

О чем думает зритель, глядя на полотно эпохи позднего Возрождения? Каждый о своем, разумеется... Но сама мысль о том, как пальцы, руки, кисти, мастихины старого мастера касались холста, поражает воображение. Тысячи глаз смотрели на эти образы, на людей, живших в разные эпохи. Полотна, написанные задолго до XXI века, переживают и нас.

Иной посетитель спросит: «В какое время сделаны все эти копии?» И стоит труда убедить его, что в экспозиции представлены исключительно подлинники начиная с 1500-х годов. «Но может ли краска так долго сохраняться?» – следует еще один вопрос. Безусловно, в музее трудятся профессиональные реставраторы, и от них можно узнать о том, что старинные полотна реставрируются только красками, сделанными по старинным рецептам в Голландии и Германии. Реставратор работает в технике пуантель (точечно) и никогда не пишет за мастера, бережно и кропотливо восстанавливая красочные слои.

Именно так отреставрирована картина «Акид и Галатя» кисти итальянского художника XVII века Карло Маратта (Маратти), жившего в Риме. Когда-то она принадлежала частному собранию сэра Роберта Уолпола, графа Орфорда. Он возглавлял правительство дольше, чем кто-либо в истории Великобритании, и потому считается первым британским премьер-министром. Свое огромное состояние граф тратил на приобретение произведений искусства. Его картинная галерея

Рембрандт Харменс ван Рейн. Автопортрет. Около 1631 г. Офорт. ДВХМ

в загородном поместье Хоутон-Холл слыла лучшей в стране и включала работы Рубенса, Рембрандта, Ван Дейка, Франса Хальса, Веласкеса, Веронезе. Несмотря на противодействие младшего сына Хораса, ставшего знаменитым писателем, художественное собрание Хоутон-холла после смерти графа Орфорда продано в 1778 году его внуком Екатерине II. По сей день Хоутонская коллекция считается крупнейшей культурной потерей Великобритании.

В 1931 году картина Карло Маратта поступила из эрмитажного собрания в Дальневосточный художественный музей. По одной из версий «Акид и Галатя» – последняя работа художника. Шедевр искусства эпохи барокко стал истинным украшением экспозиции западноевропейского искусства и выставки «Неизвестный Эрмитаж».

Есть такое изречение: «Пока люди рассматривают картины, картины рассматривают людей». Оно может показаться весьма правдоподобным: возможность видеть работы старых мастеров дает шанс прикоснуться к ожившей истории. Живописные холсты, гравюры, скульптуры... Многие из этих работ после выставки вернутся обратно в фондохранилище, в особенности наиболее хрупкие, как, например, миниатюрный офорт Рембрандта «Автопортрет в берете, надвинутом на лоб». Вернутся во Владивосток и произведения из собрания Приморской картинной галереи. Но у тех, кому посчастливилось побывать на этой выставке, надолго останутся впечатления от встречи с «Неизвестным Эрмитажем».

Фото предоставлены автором

Заповедная территория живописи

*Пытаясь понять и объяснить произведение
только из условий его эпохи,
только из условий ближайшего времени,
мы никогда не проникнем в его смысловые глубины.*
Михаил Бахтин

Ольга ПРИВАЛОВА

Скупые строки биографии не могут отразить во всей полноте жизнь этого удивительного человека, скромного в рассказе о себе. Но какой энергией и теплотой светятся глаза художника Александра Ивановича Абросимова, когда разговор заходит об искусстве, живописи, картинах.

Дальневосточная Мадонна

Он родился в 1930 году в деревне Макаровка Пензенской области. Отца, председателя колхоза, в 1934-м репрессировали и сослали на строительство нового города – Комсомольска-на-Амуре. Он оказался хорошим руководителем, и потому его сразу назначили прорабом. Через год к отцу перебралась семья – жена и семеро детей, среди которых был пятилетний Саша – будущий художник. Он вспоминает: «Поезд остановился в поле, подъехали телеги, нас укутали в тулупы и повезли. Ощущение было ужасное – зима, холод...»

Мотив зимы лейтмотивом звучит в творчестве Абросимова. Зима в его картинах снежная, с тропинками среди сугробов, этюдные портреты строителей тоже на фоне зимнего пейзажа. Но при взгляде на эти работы почему-то нет ощущения холода. В них строгость и красота бесконечного пространства с дальними планами, уходящими в небо кронами деревьев. Неказистые домики, храмы, отдыхающие в затоне паромы и баркасы органичны в

светоносном колорите серо-лиловых, голубых тонов с розовыми и охристыми нюансами. Это живописное пространство определено лирическим содержанием, а натурные реалии в сознании зрителя отражаются не социально-идеологической предметностью, а тонкими эмоциональными откликами...

...Окончив шесть классов, Александр Абросимов поехал поступать во Владивостокское мореходное училище – в определенное время и при определенных обстоятельствах человек взрослеет рано. В пятнадцать лет стал работать, с 1945 по 1949 год на морских судах торгового флота возил продовольствие в Корею, где в то время шла война. В одном из рейсов его ранили, операцию сделали здесь же, на корабле. В 1949-м он вернулся в Комсомольск-на-Амуре и поступил на работы в товариществе художников.

Возникает закономерный вопрос: а почему стал художником?

– Так я же постоянно рисовал, и на флоте тоже, – отвечает Александр Иванович. – Именно флот в 1953 году направил меня учиться в Иркутск, где в те годы было художественное училище, имевшее статус высшего учебного заведения. Красивый город, насыщенная событиями жизнь: общение с друзьями, учителями, которые имели академическое образование, были известными художниками. Там же состоялись первые выставки. Наш курс был сильным, после окончания почти все стали художниками, разъехались по России.

Александр Абросимов вернулся на Дальний Восток. Город, где он вырос, стал второй родиной. Кроме того, связывала дружба с первым профессиональным художником Комсомольска-на-Амуре и наставником Г.А. Цивилёвым. В то время здесь работали художественные мастерские, было много интересной работы по оформлению городского пространства, в которой участвовали и художники из Хабаровска. Проходили совместные выставки, всегда вызывавшие горячий отклик. Незабываема для Абросимова дружба с Г.С. Зориним, А.М. Федотовым.

Александр Иванович эмоционально рассказывает о друзьях-художниках, но вот о себе много говорить не склонен. В мастерской Абросимова огромное количество рисунков, этюдов, но это лишь то, что осталось после его собственной ревизии. Впрочем, требовательность в отношении своего творчества не удивляет. Его творческий путь соотносится с историей искусства советского периода, когда реалистический метод был наполнен идеологической основой. Но идейность становилась порой разнородной и противоречивой по определению. Напри-

Амур

Багульник цветет.
Этюд

мер, требование оптимистичного настроения в произведении приводило художника к поиску насыщенного колорита, ясная визуальность – к обобщению, правда жизни – к поиску метафоры и символа, а в совокупности с монументальностью образа к появлению «сурового» реализма. Именно так искренний и

Осень

ЕДИНОЕ ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ

В затоне

думающий мастер создавал личный творческий почерк.

В биографии художников старшего поколения часто встречается строка: в 1964 году принят кандидатом в члены Союза художников СССР, с 1984 года – член Союза художников СССР (из биографии А.И. Абросимова). Действительно, в те годы вступить в профессиональную организацию художников было непросто. Обязательным условием считалось

На Амуре

наличие в творчестве масштабной темы, в поисках глубины художественной образности приходилось создавать целые серии работ, а картины представляли собой многоплановую композицию. Но именно школа реализма научила аналитическому взгляду в отражении действительности.

Искусство не прощает суеты – таково личное кредо художника Александра Ивановича Абросимова. В каждой его станковой картине отчетливо видны масштабность личного видения, поиск собственного творческого пути. Работая над тем или иным произведением, Абросимов всегда писал большое количество этюдов, графических эскизов. Разные по формату, пластически емкие, они представляют собой живописную фактуру, богатую цветовыми сочетаниями и контрастами. Образы молодых людей – строителей новой жизни – психологически концентрированы, каждый мазок мастихина своей светоносностью передает движение этой созидающей энергии. Его персонажи вовсе не обобщенные образы эпохи, они красивы своей содержательностью, устремленностью. Но портреты, подчеркивая динамичность будней, наполняют их вневременным ощущением жизни: строители идут по дороге, а перед ними так великолепен закат; извозчик на зимней дороге, и все вокруг дышит морозной чистотой...

Детские портреты в работах художника волнуют непосредственностью переживаний. Вот он пишет смешливую школьницу: живописная палитра скромна, но подобранный сложный цветовой тон подкрепляет точное движение кисти в передаче характерных черт натуры. Так рождается увлекательный, визуально разнообразный мир портретной галереи художника. И это настоящее наследие реалистической школы. Конечно, портреты входили в общий строй монументальных картин, но из этих этюдов выростали и символично-лирические живописные полотна (тема музыки, материнства, портрет дочери и т. д.). В них огромная лирическая сила человеческого начала и потрясающее ощущение музыкальности. Эта музыка разливается повсюду, она звучит в повороте девичьей фигурки, в нежном, слегка печальном взгляде. Каждый живописный мазок в общем колорите напоминает музыкальную ноту со своим световым излучением, например в образе кормящей матери – дальневосточной мадонны. Время бессильно перед талантом живописца. Всякий раз от прикосновения к его наследию возникает ощущение, что черпаешь из родника пронзительную чистоту, вбираешь это удивительное сочетание цветовых перели-

На новостройку

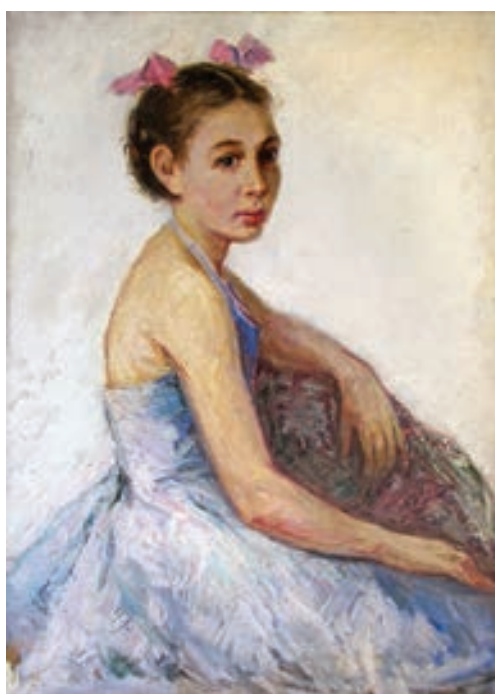
вов, что сродни состоянию особой тишины, не суетности. Это тот настоящий реализм, для которого характерна тонкость лирического ощущения земной жизни, ее природной красоты, где человек одухотворен идеей. Это тот реализм, развитие которого расширило гра-

Портрет девушки

ницы живописных индивидуальных стилей в пейзажном жанре с последней четверти XIX столетия. И Александр Иванович Абросимов органично воспринял традиции, которые заключаются в передаче светоцветового пластического пространства. Природа в его картинах, этюдах – единое целое, не разделяемое условными границами. Пространственный эффект возникает и благодаря наполнению цвета светоносностью: художник работает в градации насыщения – от белого к цветовому тону. Поэтому при описании произведений Абросимова постоянно употребляются слова «оттенок», «нюанс», «тоновой рефлекс». Природа в его работах изображена в самоизлучении. Все вокруг – краски солнечного мира в тональном перетекании. Характер мазка определяет импульс, эмоциональную характерность – и возникает прозрачность осеннего воздуха, музыкальность весны, отрешенная мощь амурских скал, текущие кроны-облака. В изысканной палитре сочетаются розовые, фиолетовые, синие, зеленые краски. Пейзажная живопись становится метафорой неисчерпаемости любования миром.

Время, обозначенное датами, может только обращать нас к понятию «музейности», определяемому как собрание культурно-художественных реалий. Но времени не подвластна любовь, которая рождает призвание. А это и есть культурное наследие. С 1957 года Александр Абросимов принимает участие в городских, краевых, областных, зональных, республиканских, всесоюзных, всероссийских выставках. Почти ежегодно проводит персональные. Это не только преданность изобразительному искусству, но и служение Родине. Каждый раз, когда встречаешься с Александром Ивановичем, с его творчеством, понимаешь, сколько еще несказанного остается внутри. Потому что нет таких слов, чтобы со всей полнотой выразить чувство признательности ему.

Портрет дочери

Образ города в старинном романсе

Светлана КОВАЛЬ

Музейный экспонат – это не просто предмет, символизирующий тот или иной отрезок времени. Оказываясь в центре внимания во время театрализованных экскурсий, которые сегодня так популярны в работе с посетителями, он становится своеобразным мостиком в прошлое.

Пианино из ТюЗа. 1870 г. Из коллекции Музея истории города Хабаровска

На фото:

1. «Коробейники», исп. Варя Панина. Москва (односторонняя), до 1903 г.
2. Нотное издательство 1911 г. из Хабаровского музыкального салона.
3. Ноты популярного ромansa Н.В. Плевацкой.
4. Граммофон конца XIX в. Из коллекции Музея истории города Хабаровска

Сотрудниками музея истории Хабаровска разработана вокально-художественная экскурсия, посвященная неповторимому образу дореволюционного города. Он складывается из виртуального путешествия по его улицам и визитов в тот или иной дом, из звуков старых романсов и уже почти забытых стихотворных строк. И, конечно же, из энергетики предметов давно минувшей эпохи.

Первые литературно-художественные городские экскурсии разработаны еще в 1920-х годах Н.П. Анциферовым – «Петербург Достоевского», «Петербург Пушкина» и другие. Автор основывался на поиске связи между городскими реалиями и литературно-художественным текстом, на выявлении источников формирования образа города и его мифологии в художественном и быденном сознании. Но музейная история города «разговаривает» с посетителем своими коллекциями, экспозицией и выставками, которые имеют социокультурную и историко-культурную ценность для будущих поколений.

Экспозиция музея истории Хабаровска достаточно отчетливо воссоздает панораму социальной структуры го-

рода конца XIX – начала XX века. Городское общество той поры распалось на отдельные, большие и малые, во многом обособленные, сословные, классовые и профессиональные группы. Дополняют экспозицию материалы монографии М.Ф. Буриловой «Общество старого Хабаровска», где собраны устные семейные предания, зафиксированные во время личных встреч, бесед, переписки с потомками горожан, проживавших в Хабаровске на рубеже XIX–XX веков.

Внутренний, эмоциональный мир жителя дореволюционного Хабаровска как нельзя лучше выражает вокальная музыка, которую привезли на дальнюю окраину России переселенцы. Не случайно определяющим фактором в «собрании» художественного образа мы выбрали вокальную лирику. В музейной коллекции «Музыкального салона Хабаровска» есть популярные издания песен и романсовой лирики дореволюционной России в исполнении А.Д. Вяльцевой, Н.В. Плевицкой, Н.В. Дулькевич и других. Граммофонные пластинки из семейных коллекций хабаровчан, музыкальные инструменты и коллекция патефонов и граммофон – все это оживляет собирательный художественный образ нашего города. Есть воспоминания о том, какая музыка звучала тогда в Хабаровске, что слушали, пели. Не случайно А.Ф. Лосев в научной работе «Основной вопрос философии музыки» приводит пример из известного рассказа И.С. Тургенева «Певцы» о влиянии поющего голоса на окружающих. Вот как Тургенев описывает голос певца из крестьянского сословия: «Я, признаюсь, редко слыхивал подобный голос, он был слегка разбит и звенел, как надтреснутый; он даже сначала отзывался чем-то болезненным; но в нем была и неподдельная глубокая страсть и молодость, и сила, и сладость, и какая-то увлекательно-беспечная, грустная скорбь. Русская, правдивая, горячая душа звучала и дышала в нем, и так и хватала нас за сердце, хватала прямо за его русские струны». Если во время театрализованной экскурсии мы предполагаем живое пение, то это, несомненно, камерная и романсовая лирика. Ведь именно романс «бытует» – живет повседневностью.

Но еще для созданий художественного образа важен монолог актера-экскурсовода, который исполняет роли социальных персонажей дореволюционного Хабаровска. Это могут быть княгиня В.Ф. Духовская, чиновница А.Б. Григорович, купчиха Е.С. Плюснина, казачка Д.А. Макарова... Уже опубликованы воспоминания Духовской и Григорович, семейные предания Плюснина и Макарова, и это ценнейшие исторические документы. Но в чистом виде они не предназначены для сценического воплощения в актерских монологах.

Портрет хабаровской певицы А.Н. Зданкевич (Решетовой), нач. XX в. Из коллекции Музея истории города Хабаровска

Фрагмент музыкально-костюмированной экскурсии. 2013

На наш взгляд, уместно обращение к классикам отечественной драматургии, среди которых А.Н. Островский, А.П. Чехов. Это дает бесценную возможность показать неразрывную связь музейной экспозиционной культуры и искусства.

В рамках культурологических музейных программ выделяются театрализованные экскурсии, освещающие духовно-ценностную составляющую истории города. В этом случае литературные источники не зачитываются, а исполняются автором-экскурсоводом на языке сценического искусства. Дополнительными темами театрализованных экскурсий в музее истории Хабаровска станет культурно-исторический экскурс, который расскажет о самых знаменитых отечественных вокалистах, приезжающих в Хабаровск или записывающих свои шедевры на студиях

грамзаписи Российской империи. Все эти пластинки, музыкальные инструменты, рекламные нотные издания составляют музыкальную коллекцию музея и раскрывают мир чувств и эмоций, которыми в конце XIX – начале XX столетия жили многие хабаровские семьи.

ИСТОЧНИКИ

1. Галкина, Т.В. Музейная педагогика: Коммуникативный феномен экскурсии как базовой музейно-педагогической формы // Вестник ТГПУ. 2010.
2. Бурилова М.Ф. Общество старого Хабаровска (в XIX – начале XX в.): по семейным фотоальбомам и прочим раритетам / М.Ф. Бурилова. – Хабаровск: Изд-во «РИО-ТИП» краевой типографии, 2007.
3. Кирнарская Д.К. Психология специальных способностей. Музыкальные способности / Д.К. Кирнарская. – М.: Таланты-XXI век, 2004.
4. Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. / А.Ф. Лосев. – М.: Политиздат, 1991.

Студия старинного исторического танца «Лангедок»

Встретимся вечером, в музее

Елена СОЛНЦЕВА

Фото Алексея МАРТЫНЦА

Искусство объединяет. Это бесспорное утверждение стало девизом «Ночи искусств», которая прошла в ноябре в Дальневосточном художественном музее, завершая серию «культурных ночей». Культурно-образовательная акция охватила многие российские города, и наряду с Хабаровском ее участниками стали Москва, Санкт-Петербург, Краснодар, Салехард, Самара, Тольятти, Пенза, Хабаровск, Владивосток.

Уроки пальчикового рисования

Когда-то самая первая «Ночь музеев» была проведена в Берлине, в 1997 году. Потребовалось почти девять лет, чтобы творческий эксперимент приобрел форму международной акции – в 2006-м ее участниками стали две тысячи музеев из тридцати восьми стран мира, а еще через год к ней присоединился Дальневосточный художественный музей. Сейчас уже трудно представить культурную жизнь дальневосточной столицы не только без «Ночи музеев», но и без таких ежегодных событий, как «Ночь в театре», «Библионочь». Теперь все они объединены в единое творческое пространство – «Ночь искусств».

Дальневосточный художественный музей предложил горожанам большую программу «Вечерний музей». Перемена времени с ночного на вечернее, отмечают организаторы, позволила привлечь к участию в акции не только взрослых, но и детей. Хотя, важен ли возраст, когда гость «Ночи искусств» попадал в планетарий Владимира Пака, где можно было совершить космические путешествия? Или становился свидетелем таинственной истории «Время сновидений» по пьесе Виктора Ераценко, рассказанной национальным театром «Бури».

Все грани искусства уникальны, и это в очередной раз подтвердили встречи на литературной площадке, где царствовала «Империя Фаберже». И буквально из глубины веков возникали хореографические картинки в исполнении участников студии старинного исторического танца «Лангедок». Звучала прекрасная музыка в исполнении студентов Хабаровского краевого колледжа искусств, пел саксофон известного дальневосточного музыканта и композитора Виктора Бондаренко. Играли и светились краски на полотнах живописца Ильи Лиханова, чья персональная выставка «Вдохновение» развернулась в музейных залах.

«Ночь искусств» вместила множество культурно-образовательных программ, в каждой из которых открывался отдельный мир. Например, тематический показ «Провенанс», рассказывающий о тайной жизни произведений искусства и знаменитых коллекционерах. Или история одной картины «Вальс «На сопках Маньчжурии», рассказанная самим автором – Владимиром Торгашиным. Практически полным погружением в произведения художников разных эпох стала программа «Тихая жизнь вещей». Анна Левченко и Александр Михалевич помогли всем заглянувшим в этот уголок музея почувствовать красоту обычных предметов, узнать законы постановки натюрморта и даже создать коллективную картину. Были и другие интересные уроки: мастер-классы «Панно из рыбьей кожи», «Национальная игрушка: куклолка аокан», «Праздничная открытка», а также занятие по лепке и пальчиковому рисованию. Искусство в тот вечер действительно объединяло.

Национальный театр «Бури»

Александр Михалевич о законах натюрморта

Музыкант и композитор Виктор Бондаренко

Куклолка аокан – мастер-класс

Комсомольск-на-Амуре в ритме танго

Тихон ГУРОВ

Желание. Страсть. Обожание. Поклонение. Подозрение. Ревность. Любовь. Мириады чувственных оттенков можно передать движениями этого танца. Недаром его называют «чувством, которое танцуют»

Кино и... танго

Вспомните танго Сальмы Хайек с Эшли Джадд во «Фриде», Анджелины Джоли с Брэдом Питом в «Мистер и миссис Смит», Антонио Бандераса и Кати Виршилас в «Держи ритм». А незабываемые танго в оscarоносных «Чикаго» и «Мулен Руж»? А бесподобные Ричард Гир с Дженнифер Лопес в «Давайте потанцуем»? Действительно, во множестве фильмов этот танец неслучайно становился ключевым моментом сюжета, его кульминацией, развязкой, кодой. Но если раньше мы могли видеть такой накал страстей, такую сумасшедшую, ни с чем не сравнимую пластику только в кино, то нынче в дальневосточном городе Комсомольске-на-Амуре это стало реальностью.

Буэнос-Айрес –

Токио – Комсомольск-на-Амуре

Живое аргентинское танго на Дальний Восток привез маэстро Эсекьель Гомес полтора года назад. Трижды участник знаменитого чемпионата по танго в Буэнос-Айресе, серебряный призер в международном чемпионате по танго в Азии, участник театра танго в Буэнос-Айресе, а также известного танго-шоу «Коллексион», участник Шанхайского танго-фестиваля, Эсекьель – талантливый хореограф и педагог, имеющий многолетний опыт преподавания танго в Аргентине, России, Японии.

По отзывам студийцев, стоит только Эсекьелю сомкнуть руки на вашей талии, как ваши ноги сами начинают движения в ритме танго, будто знали их последовательность всю жизнь... «Добиваться женщины, завоевывать женщину, обольщать женщину, защищать жен-

щину, нести за нее ответственность» – вот, по словам маэстро, в чем смысл этого великолепного танца.

В настоящее время маэстро Гомес живет и работает в Токио, прошедшим летом он приезжал в Комсомольск уже в пятый раз, проводя ежедневные мастер-классы в студии парного танца фитнес-клуба «Энерджи». Как же городу удалось заполучить такое сокровище?

Искусство коммуникации

Непредсказуемо, будто подчиняясь движению замысловатого танго, складываются иногда обстоятельства. Порой наши идеи и мечты кажутся совершенно нереальными. Но, как это обычно и бывает, когда идея овладевает разумом упорных людей, все получается! Надо лишь сказать себе, как Пикассо: «Все, что ты можешь представить, реально».

Рассказывает координатор проекта Татьяна Решетнева: «Все было неожиданно, одновременно банально и волшебно. В Токио вот уже пятнадцать лет живет моя лучшая школьная подруга, которая пригласила меня на свой юбилей. Друзей со всех концов мира собралось много, был среди них и знаменитый маэстро Эсекьель. В качестве подарка юбилярше он исполнил танго. Надо сказать, сюрприз удался, все были в восторге. Я впервые в жизни увидела танго вживую, так близко, и была не просто очарована, но буквально покорена этим самым романтичным в мире танцем. Сразу захотелось научиться так же непринужденно скользить по паркету, легко выгибаться в объятиях партнера. Мы тут же познакомились

с Эсекьелем, потом переписывались в инете, и вот получили согласие на проведение его мастер-классов в Комсомольске! Благодаря поддержке наших друзей из клуба «Энерджи» стало возможным продолжить работу по популяризации танго в нашем городе, сейчас в студии занимаются около двадцати человек. Образовался коллектив единомышленников, которые буквально живут теперь в ритме танго. Лучшие ученики Эсекьеля уже участвуют в международных турнирах, ведут студию в его отсутствие. В июле этого года за десять дней мы успели не только подготовить и показать комсомольчанам эффектное шоу, но и провести в городских кафе две милонги...»

Что такое милонга

Это танцевальный вечер, на котором всеми желаемыми исполняется танго. Здесь принято соблюдать особые правила поведения, так называемые кодигос (codigos). По своей сути милонга – это некая группа людей, собравшихся вместе, чтобы насладиться движением под музыку. Без кодигос не будет милонги, а без милонги не было бы танго. Во время танца партнеры никогда не смотрят себе под ноги, задача мужчины – боковым зрением контролировать ситуацию на танцполе, а вот партнерша, наоборот, не смотрит по сторонам, а почти закрыв глаза, полностью отдается на волю партнера. Мужчина несет ответственность за двоих, женщина покоряется его фантазии и движению.

На милонгах люди танцуют для собственного удовольствия. Особенно популярны сегодня милонги в Японии. Еще бы, ведь сам император Акихито танцует танго, а для каждого японца традиции императорского дома – пример для подражания. Это в Токио. А у нас, в Комсомольске, десять июльских дней завораживающей музыки, объятий и секретов танго с маэстро Эсекьелем Гомесом завершились двумя чудесными милонгами, на которых все желающие попробовали свои силы и возможности в приближении к этому культурному феномену.

Маэстро улетел, но... обещал вернуться. Теперь в планах клуба выход шоу уже не на танцпол ресторана или кафе, а на настоящую сцену, в сопровождении живого оркестра.

Есть контакт!

Установление тесной эмоциональной связи с партнером – требование техники танго. Чтобы сделать шаг, нужно очень точно настроиться друг на друга. Такую степень взаимопонимания можно сравнить с взаимопониманием влюбленных. В основе этого контакта эмпатия. Ты чувствуешь, что чувствует другой, и без этого взаимопонимания пара не сделает ни шага. Этот контакт оказывается глубже, сильнее и ярче, чем в других парных танцах, тоньше и интенсивнее, чем в любой другой совместной деятельности. Танго развивает, при всей своей пикантной неге, этот танец не дает застыть. В отличие от многих других социальных танцев в танго сильно ощущаются культурный бэкграунд, социальные и психологически смыслы. Чем дольше танцуешь, тем глубже познаешь самобытную культуру, в которой оно развивается.

Танго как культурное наследие

Танго как уникальный сплав традиций, фольклора, переживаний многих народов имеет более чем вековую историю, интригующую и сложную. Зародился танец изначально в Аргентине в среде моряков и их портовых подружек, развивался в бедных эмигрантских кварталах Буэнос-Айреса, куда съезжались со всего света люди в поисках счастья. Счастья на всех не хватало, его заменил танец, доступный всем. Исполнялся он сначала в кабаках, барах, игорных домах и борделях, и репутация у него была довольно непристойная. В этой музыке, в движениях слились воедино тоска по любовным утехам и по покинутой родине, страх одиночества, страсти несчастной любви, отчаянная попытка ее добиться и удержать. Там, в популярном кафе «Тортонни», где собиралась богема Буэнос-Айреса, у Хорхе Луиса Борхеса родилось самое, наверное, точное определение танго: «Вертикальное выражение горизонтального желания».

В начале XX века танго попало в европейский салон, где обрело шик, лоск, отточенность. Ни в одном другом танце невозможно рассказать столько о чувствах, сколько в этом. И сегодня легендарный танец вновь возвращается к нам в том стиле, как его танцевали и танцуют в Аргентине. Это новая волна тангомании, неоромантизма в движении, когда мужчина и женщина заново открывают удовольствие от танца вдвоем, очарование его двойственности – сочетание стремительного скольжения и замираний, замечательной торжественности и интимности, агрессивности и нежности, откровенной фривольности и величавости.

Именно по причине того, что этот уникальный музыкальный жанр объединяет людей независимо от менталитета и культуры, соединяя в себе танец, поэзию, музыку и пение, что он передается из поколения в поколение, развивает уважение к культурному разнообразию и творчеству, ЮНЕСКО внесло аргентинское танго в список нематериального культурного наследия человечества.

Танго меняет судьбы

Стоматолог и учитель, инженер-авиастроитель и полицейский, юрист и школьник – в студию парного танца клуба «Энерджи», в этот прекрасный «параллельный мир» разные люди приходят по-разному. Ограничений ни по возрасту, ни по весу нет. Кто-то сбежал сюда от обыденности и повседневности, просто не хватало в жизни движения и красоты. Кто-то погибал от скуки, а кто-то пережил развод, и танго оказалось самой результативной терапией. Люди на деле поняли и осознали, что танго не просто последовательность заученных па, но искусство общения, искусство обмена эмоциями. Совместное движение в такт прекрасной музыке, свобода импровизации – все это неизбежно приводит к удовольствию от танца вдвоем, к победе над стрессом, к избавлению от головной боли. Партнеры создают свой собственный, теплый и светлый мир и танцуют вместе исключительно для удовольствия.

«Фотопарад в Угличе» – встречи и впечатления

Игорь СИМОНОВ
Фото автора

Старинный город Углич, ведущий летопись с 963 года и сумевший сохранить уникальные памятники отечественной истории, сегодня один из самых известных туристических центров Золотого кольца России. И уже девять лет в августе он становится столицей фотографического искусства. Здесь проходит самый масштабный фестиваль фотографии «Фотопарад в Угличе». В этом году он объединил представителей пяти стран и более 70 городов – от Кельна до Петропавловска-Камчатского.

Здание бывшего Соборания

Кружева

В масштабном событии участвовали мастера с мировыми именами в области документальной и художественной фотографии – Владимир Вяткин, Игорь Гаврилов, Александр Тягни-Рядно, Георгий Пинхасов, Александр Джус и многие другие. На десяти различных площадках города развернулись 18 фотовыставок. Из самых сильных впечатлений – экспозиция Андрея Стенина, погибшего на территории Донбасса, и фотографии Игоря Костина, сделанные в первые часы чернобыльской катастрофы. Смотреть на эти снимки без слез невозможно. К сожалению, профессия фотожурналиста и тяжела, и опасна, она забрала жизни Андрея и Игоря. Остались бесценные документальные материалы, а их имена навечно вписаны в историю российской фотожурналистики.

В течение пяти фестивальных дней представители различных информационных агентств читали лекции, проводили мастер-классы по различным направлениям фотоискусства. Организовали выезды на природу,

Костюмы XVIII–XXI веков

*Парад участников. Ефим Борисович Вепринский –
председатель фотообщества ЕАО.*

Раритеты

Ткачиха

*Княжеские палаты, в которых жил царевич
Дмитрий*

«Бурлаки на Волге» по одноименной картине Ильи Репина

театрализованные представления «Бурлаки на Волге» и «Костюм XVIII века». В эти дни удалось познакомиться со многими известными фотографами России и Белоруссии. Однако всего ближе по духу и направлению в фотоискусстве фотожурналист, угличанин Виктор Бородулин, который несколько лет занимается проектом «Сельские храмы Верхневолжья», сегодня самым востребованным на углической земле. Фотограф сделал для себя важное открытие: оказалось, что признанные столичные архитекторы охотно строили в провинции. Карл Бланк, Осип Бове, Николай Ленгард – их работы совсем рядом, нужно только отъехать километров на двадцать от города, и в зарослях двухметрового борщевника обнаружатся разрушающиеся шедевры. Так Виктор Бородулин и стал «собирателем храмов». Сегодня его фотовыставку ждут не только ярославцы, но и жители Тверской области.

Многие участники фотопарада посетили удивительный городок Мышкин. В первом тысячелетии на мышкинских землях поселились угро-финские племена, в IX веке появились первые группы славян, которые мирно уживались с местным населением. В 1238 году поселение снесено Батыевым нашествием, и только четыре века спустя появились новые известия о Мышкине. Сегодня этот город называют российской столицей музеев, потому что здесь их насчитывается 27 – «Мышкины палаты», «Русские валенки», мельница купцов Чистовых, Дом-музей семейных традиций, клуб-музей ретротехники «Экипаж», музей крестьянской архитектуры и другие.

Закрытие фестиваля стало торжественным. В вечерней Волге отражались древние храмы. В небо устремились сотни белых воздушных шариков, приглашающих всех участников на десятый, юбилейный, «Фотопарад в Угличе».

Музей этнографии г. Мышкин

И целой жизни мало

Татьяна ЧАНОВА

5 июня 2015 года исполнилось 100 лет со дня рождения художника, оставившего ярчайший след в культурном пространстве города Комсомольска-на-Амуре – Вениамина Львовича Шкраба (1915–1987). В октябре в Музее изобразительных искусств открылась его персональная выставка. Посмертная, пятая по счету. При жизни ни одной персоналии у него так и не случилось...

В.Л. Шкраб в своей мастерской

...Небольшого роста человек, размахивая коротковатыми руками, чуть не подпрыгивал от возбуждения посреди плотной группы мужчин в хорошо пошитых костюмах. Они были спокойны. Ощущали свою власть. Партийным руководителям не полагалось горячиться. Пусть поволнуется художник, пусть попробует отстаить свою точку зрения. И он отстаивал, горячо и вдохновенно, был тверд в своем мнении, принципиален и непреклонен.

– Вы не по-ни-маете! – почти кричал он им в запальчивости. (И это была сущая правда. Понимали его во-

обще немногие. Разве что жена Сима, да несколько близких друзей, соратников-художников.) – Вы не понимаете, это мое решение вовсе не случайно. Почему я размещаю имена павших героев-заводчан с обратной стороны монумента? Потому что если их поместить на передней части стены, как вы хотите (он снова горестно вздохнул), то ежедневно мимо будет проноситься толпа спешащих на работу и с работы людей, которым некогда остановиться, прочесть, задуматься. Да это же просто-напросто неуважение к людям, отдавшим за нас свои жизни! За монументальной стеной надо оборудовать скамейками сквер с фонтаном, чтобы в тишине, не торопясь, можно было прочесть эти имена, вспомнить этих людей, подумать об их нерожденных детях, осознать боль утраты. К тому же с той стороны встает солнце, озаряя и согревая дорогие сердцу имена, я бы не хотел помещать их на теневой, холодной стороне...

Речь шла о памятнике павшим в Великой Отечественной войне героям-заводчанам в Комсомольске-на-Амуре на площади имени адмирала Макарова, что перед проходной судостроительного завода им. Ленинского комсомола. С 1963 по 1973 год Шкраб был начальником бюро эстетики, созданного по его инициативе, и главным художником завода. Сейчас каждый студент Комсомольского технического университета знает, что такое комплексное формирование производственной среды, – этот предмет преподается. А тогда, пятьдесят лет назад, Вениамин Львович был, полагаю, единственным, кто понимал, насколько это важно. С изумлением я обнаружила этот термин в его блокнотах того времени. Создание благоприятной обстановки в цехах и отделах завода, организация и благоустройство территории – за новое дело он взялся увлеченно и ответственно, как, впрочем, и за любое другое, которое ему приходилось на себя принимать. А дел на его долю выпало множество, хватило бы не на одну жизнь...

Тогда, в 1965-м, страна отмечала 20-летие Великой Победы. Снимались про войну фильмы, проходили различного масштаба праздничные мероприятия, повсю-

ду устанавливались монументы. Создание заводского памятника поручили Шкрабу. Проект поражал величием и, одновременно, душевной теплотой замысла, техникой исполнения, простотой и выразительностью созданного образа. Полный достоинства и сдержанной скорби монумент не устарел, он и сегодня смотрится актуально. Пробитый снарядом гранит, чуть поблескивает солдатская каска, поодаль горизонталь красной стены с георгиевской лентой. Да, в тот раз художника послушали, имена павших героев разместили с восточной стороны, но до сквера и фонтана дело так и не дошло. Как это у нас обычно и бывает, «любое позитивное предложение наталкивается на недостаток фондов». Вениамин Львович страшно переживал подобные недоделки, половинчатые решения, непонимание власти имущих.

Шкраб, прошедший всю войну с первого дня до последнего, пишет масштабное полотно «Непокоренные» длиной в шесть метров (позже переименовано в «Коммунисты») с изображением узников гитлеровского концлагеря, изможденных до состояния скелетов, но с выражением непоколебимого превосходства и железной стойкости на скуластых лицах. Картина-воплъ, картина-протест против ужасов войны, напоминание о перенесенных народом страданиях, картина-предостережение. На всесоюзную выставку в Москве полотно не попало, отвергнутое выставкомом как «возвеличивающее муки и страдания» и «не соответствующее общему направлению выставки». Всеобщее ликование, салюты и радостные лица победителей – вот что нужно было в то время изображать, чтобы отвлечь внимание от подсчета бесчисленных жертв войны, от непомерно высокой цены, которую заплатила страна за победу.

Он сражался за свое произведение, уверенный в своей правоте и в торжестве справедливости. Отправился сам в Москву, обивал пороги различных инстанций. Но ходульный пафос взял верх. «Все делается, чтобы искусство было формальным, поверхностным», – с горечью замечает Вениамин Львович в письме жене Ефросинье Антоновне. Очень живо представляю себе, как утешала его супруга по возвращении домой, что-то вроде: «Не печалься, Венечка. Переживем и это горе. Выжили под Кенигсбергом, выживем и теперь...» Выжить-то он выжил тогда, но больших тематических картин более не писал...

Жена Сима, верная спутница жизни, всегда могла найти и нужные, к месту, слова, и успокаивающие доводы, и просто посмеяться над бедами. Всю жизнь она восхищалась мужем, его талантом, его самоотверженностью и целеустремленностью. Вениамин Львович был для нее непререкаемым авторитетом. А познакомились они на войне, осенью 1944-го, когда в Восточной Пруссии шли тяжелые наступательные бои. В госпиталь Веню Шкраба с тяжелым ранением в голову, истекающего кровью, доставил однополчанин, разведчик Дюковский. Размахивая автоматом, он кричал на врачей: «Что случится с командиром – всех постреляю на месте!» Стрелять ему не пришлось, израненного Веню успешно

Супруги Шкраб. Весна 1958 года

1962

1980

залатали, а сдать для него кровь и выхаживать вызвалась всеобщая любимица – медсестра Симочка. Не красавица, но милая и такая улыбчивая да веселая, что весь госпиталь называл ее Солнышком. Простая девчонка из украинского села сумела разглядеть в неказистом лейтенанте любовь всей своей жизни, а в его бархатных карих глазах за толстенными стеклами очков – ответное чувство. Вскоре тут же, в госпитале, они и поженились, а

Портрет жены

В.Л. Шкраб. Автопортрет. Конец 1940-х

Женский портрет

на следующее утро разъехались в разные стороны. Передислокация...

Остановитесь сейчас. И представьте себе это расставание. Молодые, влюбленные, полные жизни, надежд и планов, они прощались, понимая, что могут никогда больше не увидеть друг друга. В воздухе уже носилось предчувствие победы, но рядом все еще гибли боевые товарищи. Им повезло тогда, все обошлось, и, встретившись через полгода, до самого конца войны они уже были неразлучны. Переживший ад обороны Москвы зимой сорок первого, бои на Южном фронте, наступление на Смоленск и Кенигсберг Шкраб закончил свою войну не 9 мая в Берлине, а 2 сентября 1945-го в Маньчжурии. Вениамин Львович был награжден орденом Отечественной войны II степени, медалями «За оборону Москвы» и «За взятие Кенигсберга».

В 1946 году, после демобилизации, Шкрабы остались на Дальнем Востоке, в Хабаровске. С каким же наслаждением, с каким азартом возвращается Вениамин Львович к своему призванию – живописи! Здесь, работая в Хабаровском товариществе художников, он проявляет себя как активный, талантливый мастер, культура цвета и манера письма которого полностью лежат в русле классической традиции московской живописной школы. Сказалось прекрасное образование, которое он получил в Одесском художественном институте и в Московском институте повышения квалификации художников-живописцев у профессоров С.В. Герасимова и Б.В. Иогансона. Довоенные работы художника не сохранились, но по

фронтным зарисовкам и по результатам первого же года работы, в 1947 году его принимают в члены Хабаровского отделения Союза художников России.

В 1955 году семья переехала в Комсомольск-на-Амуре, который отныне будет их родным городом. Здесь Вениамин Львович стал председателем городского художественного совета, руководил студией самодеятельных художников и бюро технической эстетики завода им. Ленинского комсомола, был депутатом городского совета, главным художником города. В 1960-е его стиль заметно меняется, классическая манера письма уступает место импрессионистической подаче цвета. Проникнувшись величественной красотой дальневосточной природы, он пишет пейзажи, увлеченно исследуя цветочные впечатления. Особое место теперь в его творчестве занимает портрет. Он изображает заводчан-строителей, асфальтоукладчиц и спортсменов, студентов и героев труда, сварщиков, такелажников и соратников по цеху – художников. Но никого Вениамин Львович так охотно и так часто не писал, как жену, а она смиренно позировала как угодно долго, порой до ломоты в спине.

Ефросинья Антоновна любила шумные компании друзей мужа, которые охотно заходили на огонек. Потчевать в те годы было особенно нечем, на ура шли драмики, да еще «потапцы» – нарезанный квадратиками черный хлеб с подсолнечным маслом и солью. Угощались художники этими нехитрыми «изысками» с большим удовольствием, нахваливая изобретательность Симочки. Подрастали дочери Виктория и Розалия, и, несмотря на то, что все домашние хлопоты лежали на ней, она никогда не устранилась от проблем мужа, разделяя все его чаяния и заботы. Лишь благодаря его поддержке нашла в себе силы принять предложение стать директором первого в городе кинотеатра для детей «Юность». Веня сказал тогда: «Помогу!», спроектировал вывеску и интерьер кинотеатра, поддерживал во всем, терпеливо ждал из командировок. Они росли рядом друг с другом, друг у друга учились, спорили порой так, что пыль до потолка, но быстро мирились, потому что понимали, что вдвоем всегда получается легче и лучше. Она была первым зрителем его работ, первой выслушавая и одобряя новые идеи и замыслы. Она была рядом и в тесном холодном вагончике на БАМе, куда он выезжал в творческие командировки, и в Ленинграде, куда ездил на встречу с однополчанами, и в утлой оморочке на Нижнем Амуре, где он с увлечением писал портреты нанайцев и ульчей.

Немногие знают сейчас, что Музей изобразительных искусств Комсомольска-на-Амуре самим фактом своего существования во многом обязан подвижнической деятельности Шкрабов. Именно Вениамин Львович, повстречав на творческой даче в Подмоскovie московских художников и подружившись с ними, после вдохновенного рассказа о Комсомольске – городе необычной судьбы, озвучил идею создания в нем художественного музея. В октябре 1964 года Х.М. Сандлер и С.С. Витухновская, новые друзья Шкраба, сами побывавшие в

Городе юности еще в 1937 году, через газету «Советская культура» обратились с открытым письмом к художникам Советского Союза: «Поможем созданию музея в Комсомольске-на-Амуре!».

В 1965 году после активных усилий неутомимой Ефросиньи Антоновны, которая в то время уже стала заведующей отделом культуры горисполкома, музей открыли. Сбылась заветная мечта супругов Шкраб, по их мнению, стимул для жизнеутверждающего сознания, ибо аккумулирует красоту, пронизывающую наш мир, воплощая идею созидания. Они оба искренне считали, что культура есть смысл и цель существования государства.

В этом году Музей изобразительных искусств Комсомольска-на-Амуре, фонды которого на сегодняшний день насчитывают уже более 15 тысяч экспонатов, отмечает свое 50-летие. В рамках празднования этого события организована большая выставка к 100-летию со дня рождения В.Л. Шкраба, которая имеет особое значение. «Два сердца – одна жизнь» – такое название дала выставке Виктория Вениаминовна Дружинина, старшая дочь В.Л. и Е.А. Шкраб, желая подчеркнуть значение их союза, длившегося более сорока лет. Виктория Вениаминовна привезла в дар музею более 100 произведений отца из личной семейной коллекции, отдавая дань памяти городу, в котором прошла большая часть жизни ее родителей, истинных русских интеллигентов.

Мне повезло, я была знакома с ними лично. Энергичный, доброжелательный Вениамин Львович всегда был душой компании, все рядом с ним становилось как будто умнее и лучше. А как он любил говорить комплименты! И не потому, что был дамским угодником. Просто умел видеть красоту и не мог об этом молчать. Я слушала лекции Вениамина Львовича о книжной иллюстрации и о цветовой системе Делакруа, пробовала волшебные пирожки Ефросиньи Антоновны, корзинка с которыми всегда была завернута в вышитый рушник. Она любила приходить в музей, как в гости к друзьям: расстилала рушники на столе, разливала душистый чай по тонким чашкам – и начинались всегда новые, всегда увлекательные рассказы...

Она пережила мужа на двадцать пять лет, в течение которых всеми силами продолжала пропагандировать его искусство, организовав посмертные выставки не только в Комсомольске, но и в Пензе, куда переехала с семьей старшей дочери Виктории, а также в картинной галерее Керчи, где проживает семья младшей дочери Розалии. Умерла Ефросинья Антоновна в 2012-м, завершив главное дело своей жизни – сохранив и систематизировав для нас творческое наследие мужа.

Они прожили эту жизнь рядом как большие, настоящие друзья, их любящие сердца бились в унисон. Оказывается, да, реально существуют на земле люди, которые всю жизнь любят и ценят друг друга. Пройдя тяжкими дорогами войны, тернистыми путями творческих сомнений и исканий мирных дней, переживая невзгоды и тяготы, они считали себя счастливыми, потому что слишком хорошо знали и помнили, что такое несчастье.

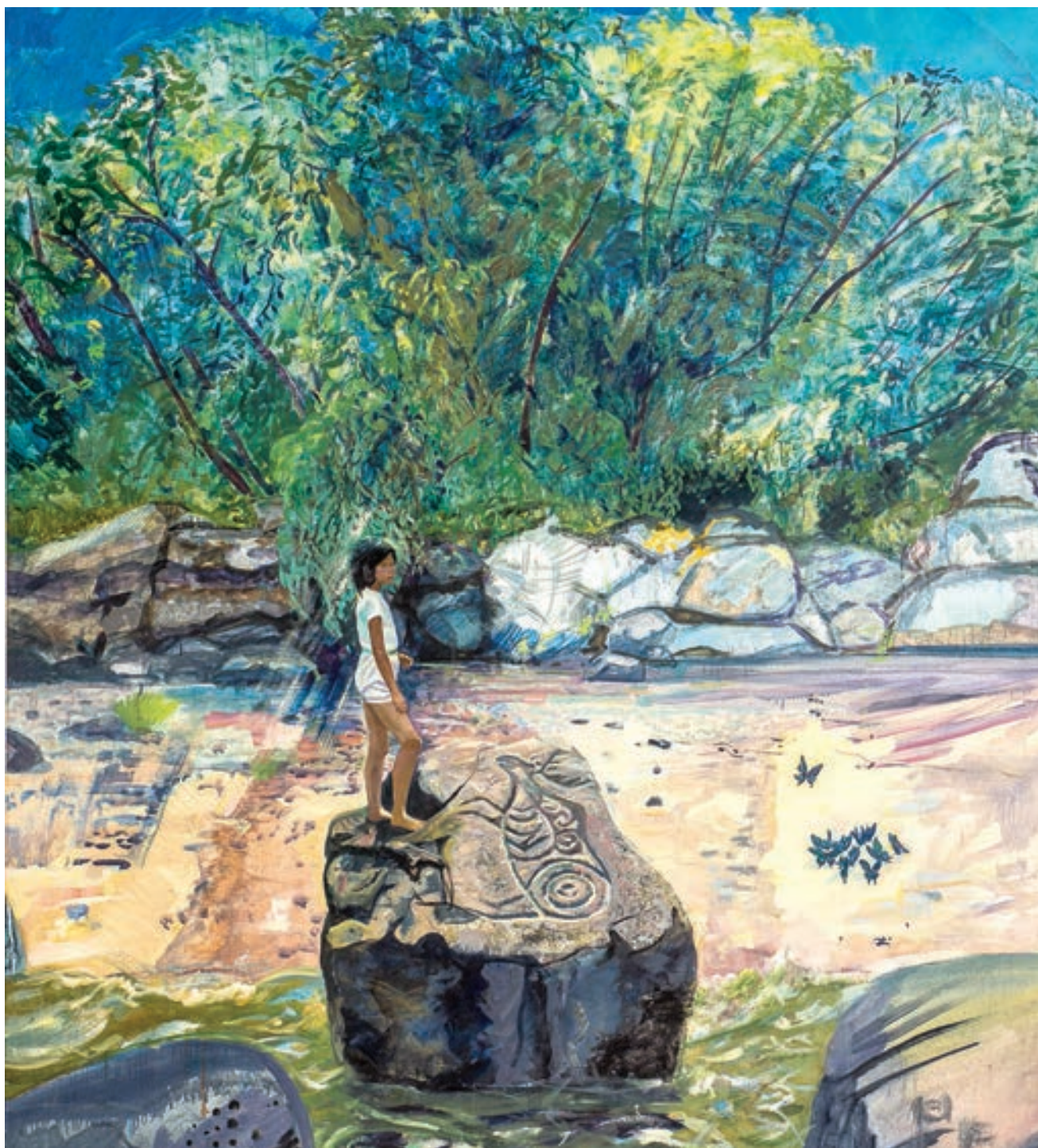

Непогрешимость таланта

Татьяна ДАВЫДОВА

Прилив любви к жизни часто сопутствует восприятию картин Сергея Петухова (1953–2007). Реальность не озлобила художника, зависть к чужим успехам не точила его душу. Отсюда такое свободное воплощение любимых сюжетов. Село Сикачи-Алян, расположенное в семидесяти километрах от Хабаровска, как источник энергии всегда притягивало не только ученых, но и просто любителей искусства. На картине Петухова «Ночь в Сикачи-Аляне» молодые люди в волшебном пространстве бездонной ночи. Костер, гитара, огромный темный купол неба и студенты. Они – мизерная частица огромного мироздания. Художник вспомнил, передал ощущения студенческой юности, и картина обрела особенное очарование.

Для творческого потенциала непременно нужен объект любви и вдохновения, и таким объектом для Сергея Петухова на всю жизнь стало древнейшее поселение Сикачи-Алян. Оно, как особое мироздание, заморозило художника, здесь он черпал свое вдохновение, бесконечные сюжеты и мотивы полотен. В селе работали археологи, историки, краеведы, отдыхали студенты, но самую яркую картину жизни Сикачи-Аляна искренне и уважительно создали именно художники. Благодаря их картинам, пейзажам, портретам открываются тонкости уклада жизни коренных жителей национального села. Не случайно здесь была построена дача Хабаровской организации Союза художников и несколько поколений художников черпали сюжеты для своих полотен, без преувеличения, становясь мастерами. Сама земля питала их творческой энергией. Дети Сикачи-Аляна, которые давно стали взрослыми, хорошо помнят Григория Зорина, Ивана Рыбачука, Гиви Манткаву, Ли Гирсу, Евгения Короленко, Ивана и Сергея Петуховых... В 1990-х хабаровскому Союзу художников содержать дачу стало не по силам, она обветшала и исчезла. Да и село так и не стало местом паломничества туристов, хотя его значение как археологического памятника никто не отрицает. Много еще таких же памятников культуры – «преданий старины глубокой» рушатся все на пространствах Российской Федерации.

Сикачи-альянский олень. Холст, масло. ДВХМ

Любовь Сергея Петухова к Сикачи-Аляну была возвышенной, благодаря ей он открыл для себя некую тайну сложного и одновременно простого устройства мира. В поддержку своим чувствам художник имел коллекцию кропотливо собранную из остатков предметов, свидетельствующих о древней истории нанайского села. Известна и его дружба с местными жителями – охотниками и рыбаками. Эти знакомства помогли ему привнести в произведения изобразительную искренность, без которой не может быть живописного откровения. В картинах художника о Сикачи-Аляне простая жизнь селян без описательности и сюжетной сухости. Напротив, простые сюжеты возносят нас к высоким поэтическим горизонтам. Как, например, его ра-

бота «Лето. Сикачи-Алян». Живописная трактовка, казалось бы, привычного пейзажа пропущена через чувства и эмоции художника. Солнцем пропитано все: река, нежная зелень, высокое лазурное небо с легкими облаками, жилища, даже ветхие, покосившиеся сараи. А как радужны эти картины! То же полотно «Сикачи-Алян», запечатлевшее, как сельские мастерицы вынесли ковры-одеяла на улицу и привычно демонстрируют свои таланты. Их произведения украшают искусные орнаменты, сотканные из солнца, легенд и мифов. «У колодца» – знакомый мотив деревенской жизни. Удивительно радужный летний день, молодая женщина с полными ведрами, дети, солнце. Если бы в картине главной была сюжетная линия, а детали следовали как тонкие под-

Сикачи-Алян. Холст, масло. ДВХМ

робности, мы бы усматривали традиции передвижников. Но в этом сюжете главным является пространство, наполненное цветом счастливого солнечного дня. Гимн лету! Пространство цветовой пленэра, в котором всю палитру трудно обозначить. Все цвета и оттенки зеленого, синего, желтого, красного... И при такой, казалось бы, красочной феерии нет сумбурности – все гармонично, художник создает фантастически красивую палитру. В его понимании это месса, именно так должен быть устроен мир. Он так ценил это мироустройство, где нет злых намерений, а мироощущение освобождено от земных серых будней – все это увлекало и, казалось, совершенно независимо от него водило кистью.

«Сикачи-Алянский олень». Сикачи-Алян – земля тысячелетней истории, и жители села являются ее носителями, хотя они того или нет, – об этом картина. На полотне берег Амура, прибрежный кустарник и знаменитые камни с древними изображениями, которые в научном мире называют петроглифами. Главный акцент – хрупкая фигурка девочки. Она стоит на камне, где чудом сохранилось изображение оленя, как послание тысячелетней давности. И эта девочка, и ее жизнь, точнее ее судьба, в неразрывной связи с предками, которые когда-то, давным-давно жили здесь, на этой полной легенд и мифов земле. Весь цикл картин Сергея Петухова о загадочном селе Сикачи-Алян создан его восхищенной душой, лишен лукавого умствования.

Судьбе было угодно, чтобы он родился в семье художника. Редкий случай, но отец Сергея, Иван Сергеевич Петухов, известный художник, совсем не хотел, чтобы сын продолжил династию. Не уведомив отца, Сергей поступил на художественно-графический факультет Хабаровского пединститута. На Дальнем Востоке нет большого выбора художественных вузов, но немало выпускников этого факультета стали профессионалами благодаря таланту и творческим дачам Союза художников СССР. Между старшим и младшим Петуховыми всегда чувствовалась дистанция. Иван Сергеевич никогда не хлопотал за сына. Тем не менее Сергей в творческую среду вошел легко и без надрыва. Ему еще не было тридцати, а его картины уже находились в экспозициях краевых и даже зональных выставок, что для 1970–80-х годов большая редкость.

Первым заметным произведением молодого художника Сергея Петухова стала картина «Семья». Она привлекла внимание довольно крупным форматом холста и открытым по тем временам сюжетом. В пространстве холста изображена спящая молодая семья с младенцем. По этой заявке можно было предположить, что художник выбрал правильный вектор в творчестве. На таком пути его не ждут потрясения, личные драмы, метания – спутники сомнений. Сергей благополучно влился в художественную среду. Прекрасное начало с участием на выставках всех уров-

ней, затем раннее вступление в Союз художников, поездки на творческие дачи Подмосковья, а также получение мастерской. Что еще нужно для полноценного, свободного созидания? Но, увы, он избрал иной путь, что не предполагает продуманности карьеры и осторожности в поступках. Этот путь не мешает творческой самостоятельности, но он намного беспокойней и драматичней официального, статусного – с наградами и званиями. Надо отдать должное, в эпоху социализма получение художником, например, звания «заслуженного», тем более «народного» было делом нелегким. Звания получали, создав полотна, признанные не только общественностью, но и коллегами-профессионалами. Эти полотна проходили проверку художественными выставками. На долю поколения Сергея Петухова выпали реформы, если, конечно, хаос 1990-х можно назвать реформами. В творчестве теперь уже свободных художников ожидалось много открытий, но чтобы создать направление в искусстве или хотя бы удивить ощущением свежести и новизны, недостаточно провозгласить себя свободным.

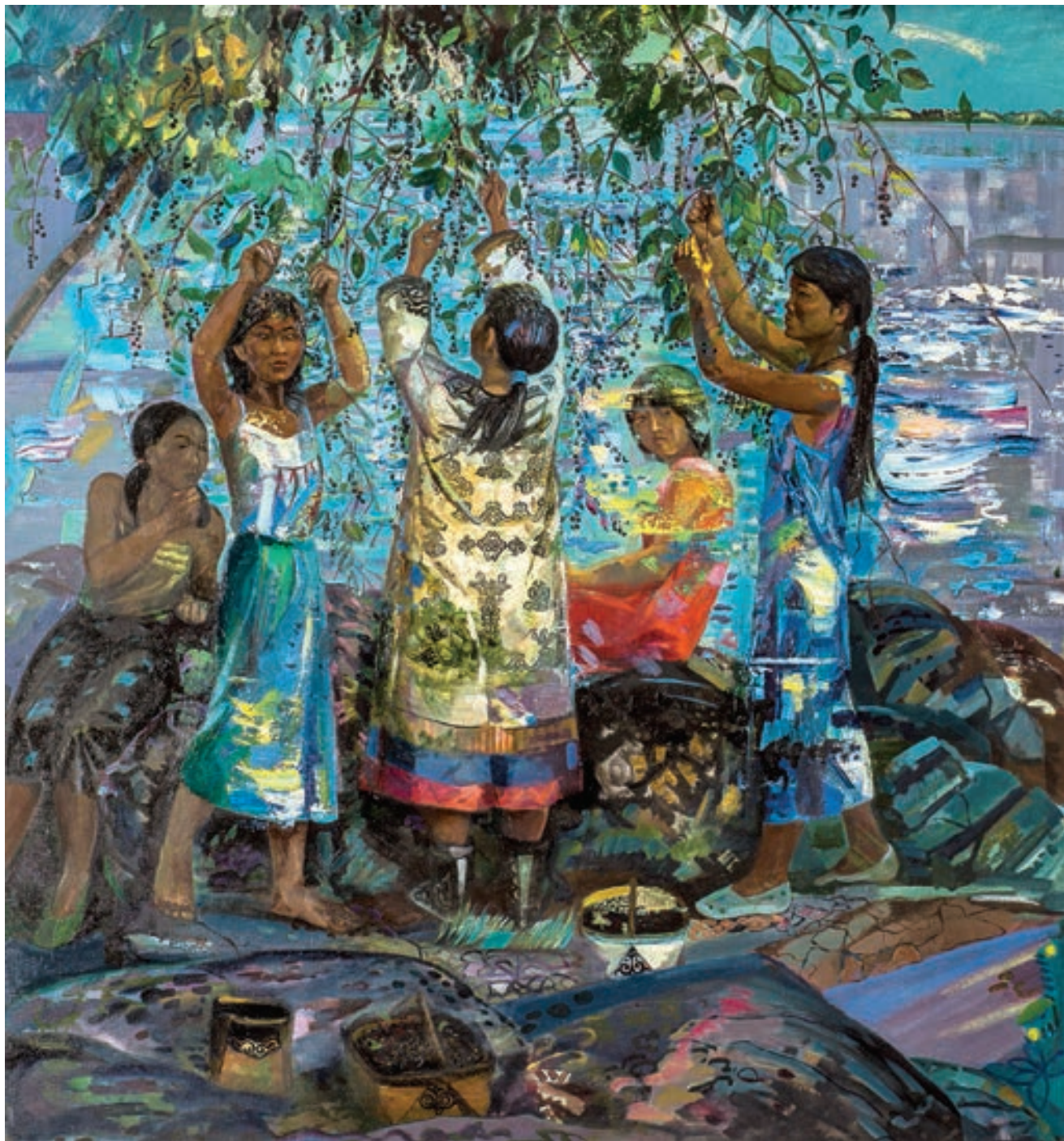
На каком гребне волны рождается гениальность? На этот счет пока нет даже предположений. Тема ледохода на Амуре стала главной темой девяностых в творчестве Сергея Петухова. На мой взгляд, лучшие состояния души художника именно в этих произведениях. Ледоход – явление постоянное, независимое от желаний человека. Ледоход на Амуре ждут, и это ожидание связано не только с наступлением тепла, в нем есть предчувствие перемен. И художник Сергей Петухов боялся пропустить это мощное событие, с каким-то упорством чувствуя, что в нем заключается не только стихия, но и определенный цикл в человеческой судьбе, и что это обновление дарует человеку шанс. Поэтому так разнообразны мотивы ледохода Сергея Петухова. Вот на холсте с темными рваными тучами на небе передано мощное движение глыб льда на огромном пространстве реки. На другом полотне спокойное, красивое движение оставшихся на реке льдин создает возвышенное чувство уgomонившейся стихии. Только большому мастеру удается заставить лед не просто двигаться по реке, но и создать образ – предчувствие новой жизни. Именно поэтому в девяностые художник написал много «ледоходов», как ожидание чего-то необыкновенно замечательного. Так в бессмертном фильме «Летят журавли» великий мастер Урусевский запечатлел, как вместе с мощным движением стихия уносит страшные события, связанные с войной, приходит новая жизнь.

Постепенно общественная организация Союз художников РСФСР потеряла прежнюю функцию, связанную с материальной поддержкой и стимулированием творческой деятельности художников. Индивидуализм, который всегда естественен для творчества, наконец-то возобладал во всем. Из творческой среды исчезли разговоры об искусстве, о предназначении. Над вопросом «Для кого же теперь ты пишешь, художник?» не размышляли, он стал понятием размытым. Да и выставочная деятельность для многих мастеров уже не была важной частью творческого процесса. Как говорится, дай бог выжить. Соседом Сергея по мастерской в эту пору был умный и талантливый Александр Викторович Гуриков, долгое время успешно возглавлявший Хабаровскую организацию Союза художников. В свое время он пользовался непререкаемым авторитетом в профессиональной среде.

Гурикова, как и многих творцов девяностых, постигла печальная участь: депрессию лечили известным способом. Дружеское понимание Петухова и Гурикова крепло в этом направлении. Но если Гуриков растерялся и потерял смысл творчества, создающего духовные ценности, то Сергея Петухова вклад в мировое искусство никогда не томил, также он не представлял, какой эквивалент в денежном исчислении имеют его картины. Он умудрялся по дороге в мастерскую продать за ничтожную цену картину музейного уровня случайному прохожему – картину, которую только забрал с краевой выставки. О благах земных речи никогда не велось, для него они были болезненно обременительными. Увы, попытки изменить своим пристрастиям не увенчались успехом. Тем не менее его воспитание, его нравственные критерии оставались прежними, и более соответствуют понятию русского интеллигента, нежели у тех, кого исключительно благодаря внешним признакам мы считаем таковыми. Словесно он не громил прежнюю власть, как и не искал взаимности у новой, поскольку не был тщеславным. Официального признания не добивался, не состоял ни в каких партиях, не искал нувориша в качестве спонсора. Восхищение и стремление к жизни отразились в его пейзажах: феерических красках цветущей весны, красоте прозрачного утра, и в бесконечно любимых сюжетах о Сикачи-Аляне.

Трудно представить Союз художников России без таких, как Сергей Петухов, поскольку в их судьбе присутствует некая предопределенность. Любимыми поэтами Сергея Петухова были Сергей Есенин и Николай Рубцов. Синие глаза, светлые волнистые волосы молодого художника напоминали всем его любимого поэта. Успешное начало талантливого молодого человека с поздравлениями публики и одобрением коллег, с особым вниманием женщин постепенно сменилось печальным узким кругом постоянных собутыльников, не всегда доброжелательных и всегда равнодушных друг к другу. Сергей мне напоминал некоторых героев пьес Вампилова. Есть в них и талант, и доброта, и бескорыстность, но по причине полного отсутствия тщеславия их считают неудачниками, они не имеют того признания, которое заслуживают. Но время показывает, что чаще именно из такой россыпи талантов плетется ковер культуры и искусства.

Для кого-то Сергей Иванович Петухов был шумным и некомфортным, когда выпьет, молчаливым и закрытым в редкие дни трезвой жизни. Как часто в искусстве бывает, что образ жизни художника или поэта совсем не соотносится с его творчеством. Поэтому вполне логично, что только творчество может нам открыть истинное мироздание, которое несет автор. Порой оно ошеломляет своей откровенностью. Поддерживать в себе ощущение мира совершенного, гармоничного в последние годы Сергею становилось трудно. Сюжеты художника писались в Хабаровске, и часто надрыв души выплескивался в фиолетовом цвете, агрессивно-малиновом: либо это горящий куст, ярким торжествующим костром вспыхнувший в цветущее время года, либо фиолетовые тени вечернего солнца. Глядя на его последние работы, часто наталкиваешься на отчаянную мысль: «Не дай вам бог захватить времена реформ». Жизнь нищего художника, а главное, не нужного ни государству, ни семье, сгубила не только Сергея Петухова. Появилась новая «элита». Изменились отношения между людьми, нравственные критерии, вместе с ними

Сбор черемухи. Холст, масло

исчезли понятия о необходимости пищи духовной. Ушли в тень люди, которые воистину являлись цветом нации, ее духовными ориентирами. Вершителями умов стали иные.

Великие вехи в истории своего народа всегда тревожат чувства большого художника. Создано немало произведений в изобразительном искусстве на тему Великой Отечественной войны, где камертоном является подвиг советского народа. Сергей Петухов родился в 1953 году, он так же, как и автор картины «Шинель отца» Виктор Попков, считал себя в большой ответственности перед теми, кто завоевал ему право жить на своей земле без разрешительных санкций. В его картине «Опаленные весны» драма заключена не только в конкретной человеческой потере, жестокой и нелепой. Но когда гибнут

молодые люди, вместе с ними рушится разумное мироустройство. С живописной убедительностью и тонкостью художник создает образ весны, которую никак невозможно сочетать со смертью.

Есть некая закономерность в жизни произведений. Одни из них поначалу воспринимаются не всеми одинаково, но, видимо, должно пройти время, чтобы их осознали и прочувствовали. Другие картины будто уходят навсегда, стираются из памяти. Третьи, напротив, обретают неожиданное звучание, открываются с новой стороны, воспринимаются неожиданно свежо и начинают воздействовать остро, как «Опаленные весны» Сергея Петухова. Например, на моей памяти произведения Евгения Короленко воспринимались его братьями по кисти, мягко говоря, не-

У колодца. Холст, масло. ДВХМ

доброжелательно. Сегодня его картины не кажутся придуманной легендой, как часто отзывались о них прежде. Это высокохудожественные работы, в которых символы времени художника, его современников, в них манера думать, заблуждаться и даже мечтать.

Слишком мало времени прошло, чтобы искренне и без предвзятости оценивать творчество Сергея Петухова, его нужно понять и взять в свою душу с благодарностью. Его

талант никто не отрицал. Быть может, расточительное отношение к собственной жизни мешало воспринимать Сергея с должным уважением. Но как бы художник к себе ни относился, как бы ни распорядился своей жизнью, судить о нем в конечном итоге будут по его произведениям. «У колодца», «Опаленные весны», «Сикачи-алянский олень», «Сбор черемухи», «Ледоход на Амуре»... Именно в этих картинах и смысл его жизни, и непогрешимость его таланта.

За облаками, на вершине

Янина КУЗИНА

Эти синие горы издалека видны всем хабаровчанам, но подняться на самую высокую из них может далеко не каждый. Во-первых, нужно получить разрешение в дирекции Большехехцирского заповедника. Во-вторых, такое восхождение на 950 метров над уровнем моря по силам лишь здоровому и выносливому человеку.

Вот уже более двадцати лет весной и осенью небольшая группа людей во главе с почетным членом Приамурского географического общества писателем Юрием Васильевичем Ефименко отправляется на вершину Большой Хехцир.

Почему среди ровной земной поверхности появилась эта небольшая горная гряда длиной всего 35 и шириной 10 километров? Не вдаваясь в тектогенез и другие геологические особенности, вспомним народную молву. Говорят, здесь когда-то действовал вулкан. По другой версии, из образовавшейся в каменных недрах пустоты начали бить два родника – Золотой и Соснинский (прежнее название Гольдиха). Почему более тысячи видов растений – представителей южной, северной, дальневосточной и типичной для запада флоры существуют здесь практически бок о бок? Вопросы Хехцир задавал и задает столько, что, как считает доктор географических наук Алексей Николаевич Махинов, который поднимался сюда вместе с нами, еще не одному поколению ученых предстоит искать на них ответы.

Уникальность хребта люди использовали во все времена. В начале Великой Отечественной войны на верхней точке Хехцира действовал постоянный наблюдательный пункт Красной армии. Вначале службу там несли мужчины. А когда в 1942 году они ушли на фронт, их заменили молодые женщины. Отделение численностью менее десятка бойцов по важности выполняемых задач равнялось целому батальону: с высшей точки горы на 150–200 километров просматривалась Маньчжурия, оккупированная в то вре-

мя японской Квантунской армией. Любое передвижение вражеских войск, угрожавших всему советскому Дальнему Востоку, было оттуда заметно. Так что с точки зрения военной стратегии внезапное наступление японских сухопутных войск или военно-воздушных сил на Хабаровск исключалось благодаря наблюдателям Хехцира. По сути, эти женщины в красноармейской форме служили ангелами-хранителями города.

Хабаровчанку Жанну Иосифовну Разумихину призвали в армию в апреле 1942 года, сразу после досроч-

Колодец на вершине

Крест, которого сейчас уже нет

Зимовье на кордоне заповедника

ной сдачи школьных выпускных экзаменов. Направили во 2-ю роту 20-го отдельного батальона ВНОС (воздушное наблюдение, оповещение, связь). Помимо вершины Большой Хехцир точки ВНОС находились в селах Казакевичево, Новотроицком, Чирки, на Тарабаровом острове и на левом берегу Амура. Командирами наблюдательных постов были мужчины, и в их подчинении – до десятка девчат.

– Я была комсоргом роты, – рассказывала Жанна Иосифовна, – поэтому на каждой из этих точек мне пришлось побывать не менее двух раз. Наблюдение за небом и сопредельными территориями велось круглогодично и круглосуточно, в любую погоду. У тех, кто стоял на посту, были бинокль, винтовка, телефон. Там постоянно шла политическая подготовка, техническая и боевая, в полном смысле этого слова. Даже штыковому бою учили. Трое заступали на сутки вести наблюдение, с остальными проходили занятия. Учили шумы самолетов различать. Инспекторские проверки были все время. Как определить, чей самолет: наш, японский, немецкий, – это все должны были знать девчата. Вот закроют рисунок, хвост покажут или крылья – отвечай. А кроме учебы всякие хозяйственные заботы – и дрова заготовить, и натопить, и обед сварить, тем, кто на боевом дежурстве, отнести. Кстати, они меня там даже угостили котлетами. Я еще удивилась: «Откуда у вас мясо?» Мяса-то не было у нас. Оказалось, из медвежатины...

Хехцир сыграл свою роль в обороноспособности страны и позже, в 1944 году. Именно сюда упал американский стратегический бомбардировщик Б-29, атаковавший Японию и искавший затем аэродром для посадки на территории Китая. Ничего подобного этому уникальному самолету в СССР тогда не существовало, специалисты получили возможность досконально изучить его конструкцию и создать на его основе собственный стратегический бомбардировщик Ту-4, ставший важным фактором послевоенной геополитики.

Мы поднимались на вершину Большой Хехцир в общей сложности почти шесть часов, если не учитывать ночевку в зимовье на кордоне Соснинский. И то пришлось попытеть. А те женщины из «заоблачного гарнизона»

в свободное от боевой вахты время ухитрялись сбегать вечером на танцы в Казакевичево и ночью вернуться обратно на свою вершину.

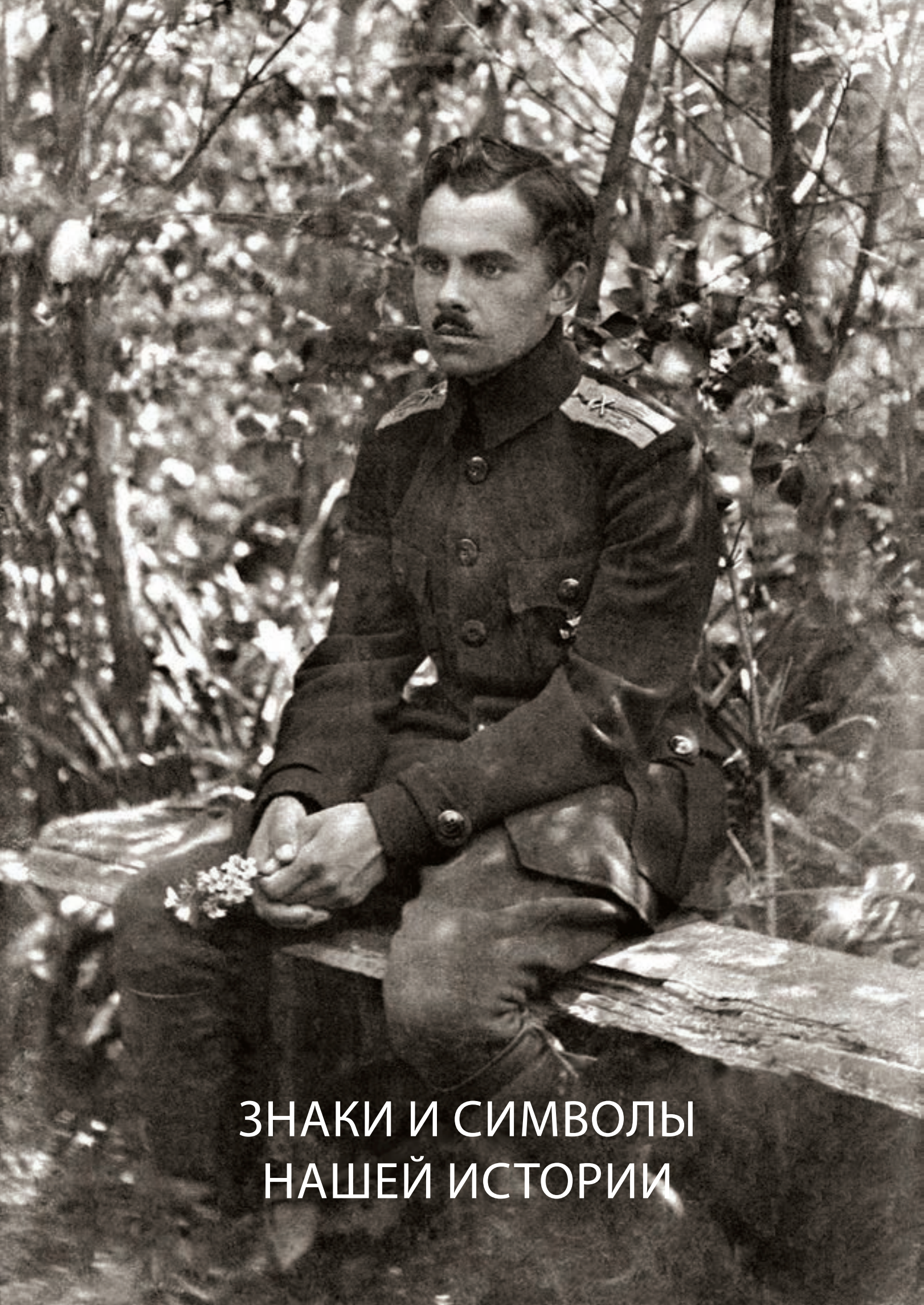
Архитектор Виктор Иванович Стадник, который поднимался на Большой Хехцир лет двадцать назад, еще застал там казарму с нарами и печуркой, полуразвалившееся помещение склада, спортивный городок с турником, остатки бани и наблюдательной вышки, прикрытой со стороны реки скальником. Сейчас об этих сооружениях напоминают лишь едва заметные замшелые бревна и куски изъеденного ржавчиной металла. А самый удивительный из виденных мной колодцев, на высоте 950 метров над уровнем моря, выкопанный в далекие 1940-е годы, существует и поныне.

Эта вершина, заросшая стелющимся багульником и карликовыми березками со скрюченными ветрами, обладает удивительной энергетикой. Когда, изрядно попотев на подъеме, выходишь сюда и смотришь на скрывающийся в дымке Хабаровск, заречные дали, золотую лужку островной часовни, ощущаешь величие и умиротворение природы. Кстати, и здесь, наверху, небольшой православный крестик поставила художница, преподаватель детского эстетического центра «Хехцирские узоры», что в селе Бычиха, Наталья Николаевна Михеева. Да только недолго он простоял. Кому-то не понравился – взбравшись на Большой Хехцир следующей осенью, мы этого деревянного креста с иконкой уже не увидели.

Обратно, до кордона, не идем, а почти летим: под горку – не в гору. Быстренько пообедаем – и назад, в Хабаровск. К своим делам, семьям, к обычной городской суете...

У одного из африканских народов есть пословица: «Ближайшие окрестности беспокоят только ноги, а дальние – сердце». Раньше она мне нравилась. Сейчас я с ней не согласна. Стоит мне взглянуть на вершины Хехцира, эту зеленую корону Хабаровска, и сердце отзывается. Но не беспокойством, а радостным предвкушением новых открытий и впечатлений.

**Фото Натальи Колыбельниковой,
Максима Хавылова и автора**

ЗНАКИ И СИМВОЛЫ
НАШЕЙ ИСТОРИИ

Под парусом надежды

Страницы жизни Николаевска-на-Амуре

Лариса САЛЕЕВА

В августе 2015 года исполнилось 165 лет, с тех пор как Геннадий Иванович Невельской при салюте из однофунтового фальконета и шести ружей водрузил русский военный флаг на берегу Амура. В 25 верстах от его устья положено основание города Николаевска-на-Амуре и открыт свободный доступ к Тихому океану боевым, торговым и промышленным силам России. По Амуру и Уссури, где веками «скользила лишь оморочка гольда да гиялка, засвистели пароходы, то начались знаменитые переселения Муравьевым забайкальских казаков и их водворение», – писали современники.

Геннадий Иванович Невельской

Для истории России возникновение нового поселения не рядовой факт, а событие большого международного значения, которое в середине XIX столетия навечно закрепило Приамурье и Приморье за Россией. На пустынных берегах Амура, Уссури и Великого океана возникли не только селения, но и целые города. Из всего этого созвездия наиболее удивительна судьба Николаевска-на-Амуре – легендарной частицы исторического прошлого Хабаровского края, с которой связаны имена В.С. Завойко, П.В. Казакевича Д.И. Орлова, Е.В. Путятин.

История Николаевска-на-Амуре, рассказанная на страницах книг, в журнальных и газетных публикациях, нашла отражение и в многочисленных архивных документах, сосредоточенных в различных центральных и местных архивах. Тщательно подобранные архивистами Государственного архива Хабаровского края (в общей сложности 411 документов), они создали объемную картину жизни города с 1850 года до сегодняшнего дня и вошли в сборник «Николаевск-на-Амуре. Страницы истории».

В первой, исторической части сборника «Где раз поднят русский флаг, там он спускаться не должен...» отражена история становления города как военно-

го, портового и административного центра России на Дальнем Востоке. Документы Госархива Хабаровского края, Российского государственного исторического архива Дальнего Востока повествуют об открытии государственных учреждений в городе, о деятельности Николаевского морского порта, о развитии рыбных промыслов, о пребывании японских рыбаков и коммерсантов в городе и др.

Открывается издание очень важным документом – «Донесением начальника Амурской экспедиции Г.И. Невельского об основании в заливе Счастья Петровского поста», датированным 7 июля 1850 года. Как известно, долгие годы Амур считался недоступным для морских судов, но вековое заблуждение рассеяли исследования адмирала Г.И. Невельского. Вопреки приказу Николая I не заниматься Амуром как рекой несудоходной Г.И. Невельской, командуя транспортом «Байкал», исследовал Сахалин, лиман и устье Амура, доказав островное положение Сахалина и доступность этой реки для морских судов с севера и юга. В устье Амура, на мысе Куегда, «вследствие Высочайшей Его Императорского Величества воли, – говорилось в донесении, – заложили основание первому русскому в преддверии, можно сказать,

лимана р. Амур заселение, которое во имя угодника того дня и в ознаменование незабываемой памяти императора Петра Великого, названо зимовье Петровское. Гиляки не то чтобы оказывали какое-либо неудовольствие что мы строимся, но, напротив, толпами приходили помогать нам, и просили, чтобы мы их защитили от своеволия команд китобойных судов, берега Охотского моря часто посещающих, и от чужих маньчжуров».

Первоначально Николаевский военный пост оставался только торговой станцией Российско-Американской компании, но постепенно лавки с разными товарами все больше и больше привлекали туземцев. Вверх по Амуру до Тыра и по Амгуни между местными инородцами и маньчжурскими купцами развивалась меновая торговля, и Николаевский пост становится центром торговли с туземцами.

Следующий этап освоения Дальнего Востока – образование 31 октября 1856 года в составе Восточно-Сибирского генерал-губернаторства Приморской области со столицей в Николаевске. Капитан Петр Васильевич Казакевич стал первым военным губернатором Приморской области и в то же время командиром Сибирской флотилии и портов Восточного океана. Он мобилизовал всю рабочую силу, создавая порт-базу для Тихоокеанского флота, строил укрепления для защиты порта с моря. Уже осенью 1856 года в Николаевске открыли первое штурманское училище, в котором окончил курс доблестный адмирал С.О. Макаров. Вслед за этим открывались и другие школы, повсюду кипела работа, Николаевск преображался. В 1860-м, на десятом году основания, он уже имел вид русского города. Шестидесятые годы XIX века стали временем наиболее бурного развития Николаевска, сюда потянулись купцы и предприимчивые люди. Город разрастался вширь и вглубь, о чем свидетельствуют статистические све-

Гиляцкое семейство

дения о Николаевске-на-Амуре за 1873 год, представленные николаевским полицеймейстером А.Д. Раткевичем при подготовке отчета военному губернатору. По сведениям Николаевского городского полицейского управления, число жителей немногим превышало 2 200 человек обоего пола (1 446 мужского и 574 женского, считая и детей). Лиц военного звания, состоящих на службе, их жен и детей – 515 человек, посе-

ЗНАКИ И СИМВОЛЫ НАШЕЙ ИСТОРИИ

Доставка почты и пассажиров на лошадях

Промышленный лов белухи

ленцев – 507 человек (в том числе арестанты и ссыльнокаторжные); иностранных подданных, европейцев, американцев – до 187 человек, китайцев и корейцев – до 150 человек. В числе постоянных жителей было несколько семей якутов – до 85 человек и гиляков – до 5 человек. Иностранцы имели в городе недвижимую собственность, занимались охотой и рыболовством, сбытая добычу городским жителям.

В 1880 году административный центр области перенесли в Хабаровск, и город в устье Амура, лишившись всех казенных субсидий и государственной поддержки, за несколько лет превратился в провинцию. Ему уготовили участь перегрузочного порта, но Николаевск и «без казенного пайка» выживал и крепнул. Во многом это было связано с развитием транзитной торговли, рыбного промысла и золотопромышленности. С 1877 года здесь работала Николаевская городская дума. О ее деятельности рассказывают опубликованные в сборнике постановления об открытии в городском училище ремесленного отделения, о выделении земельного участка под строительство электростанции, об учреждении Николаевской богадельни, благотворительно-го общества и др.

Первые признаки экономического подъема на Нижнем Амуре наблюдаются уже в 1895 году, когда в низовьях быстрыми темпами стала развиваться рыбная промышленность. О расцвете города рассказывает блок документов об участии Николаевска в выставке Приамурского края к 300-летию царствования дома Романовых. В журнале заседаний главного комитета выставки Приамурского края в сентябре 1913 года опубликован подробный список о награждении экспонентов выставки. Свидетельства на золотые медали получили Н.Л. Лавров и И.И. Свешников за организацию сбыта дальневосточных рыбных продуктов на русские рынки и за устройство на Амуре первого рыбоперерабатывающего завода. За хорошую постановку промыслового рыбного дела и наглядное представление его на выставке Большой серебряной медали удостоены М.И. Штыхман, братья Люри. Ш.Х. Вайнерман получил награды Императорского Российского общества рыбоводства и рыболовства за вывоз рыбы в мороженом виде на заграничные рынки, И.Н. Галичанин – за хорошее качество рыбных продуктов, Николаевский рыбопромышленный союз и Николаевская городская управа – за выставленные модели промыслового оборудования. Награды Императорского общества судоходства получили Николаевские каботажные классы, Большой серебряной медали Императорского технического общества удостоен И.Р. Рубинштейн за производство бочек и т. д.

На подъеме Николаевска сказались также и изменение его статуса. С 1914 года он стал не просто центром Удского уезда, каким был до этого, а центром Сахалинской области, войдя в ранг губернского города. В архивных фондах сохранился публичный доклад инженера П.П. Крынина «Будущность города Николаевска», зачитанный в Николаевском общественном собрании 4 мая 1914 года. О большой значимости этого документа говорят многочисленные пометы, сделанные собственноручно приамурским генерал-губернатором

Н.Л. Гондатти. Доклад почетного члена общества николаевских каботажников, построенный на исторических и статистических фактах, содержал предложения о перспективах развития города, которые, конечно же, не могли не заинтересовать не только городского обывателя, но и важное государственное лицо. В перспективе город должен был стать административным центром области, главным портом для транзитных грузов в крае, гаванью для экспорта лесных материалов из Приамурского края, отправки рыбных грузов Охотско-Камчатского района и маньчжурских бобов с берегов Сунгари за границу, угольной станцией для Амурского речного флота, базой каботажного флота Охотского моря. «Эти перспективы будущего Николаевска не проблематичны, они должны реально создаваться всеми, кто верит истории, кто знает современное положение Николаевска, кто убеждается в его предстоящем значении, изучая цифры, определяющие богатства Охотско-Камчатского района, центром которого является Николаевск. Вопрос только во времени!» – убеждал оратор.

Но это время николаевцам пришлось ждать очень долго. Революционные события и Гражданская война отразились на судьбе всего Дальнего Востока. В силу своего геополитического и военно-стратегического положения регион привлекал постоянное внимание ряда иностранных государств, которые воспользовались крайне сложной и нестабильной внутривосточной обстановкой в России и начали открытую интервенцию. Событиям периода Гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке посвящена вторая часть сборника «В огне борьбы». Несмотря на многочисленные публикации о Гражданской войне на Дальнем Востоке, недостаток источниковой базы ощутим. Все, что произошло на Нижнем Амуре, получило различную интерпретацию ученых-краеведов, историков. Амурская трагедия, тряпицына, междоусобица – каких только эпитетов не было дано тем трагическим дням. В 1918 году Николаевск сначала был оккупирован японскими войсками, а в 1920 году сожжен отрядом партизан под командованием Я.И. Тряпицына. Долгое время Николаевск был практически отрезан от остального мира.

На суд современного читателя представлены беспристрастные документы – телеграфные распоряжения командующего Красной армией Николаевского округа Я.И. Тряпицына и начальника штаба Н. Лебедевой об уничтожении всех жилых помещений и маяков по побережью, о чистке партизанских отрядов от белогвардейцев, об уходе армии из Николаевска. Часть этих документов чудом сохранилась в Госархиве Хабаровского края, так как в 1920-е годы они переданы в центральные архивы страны. Импульсивная хроника, представленная в сборнике в виде телеграфных сообщений, а также статьи из сохранившихся газет различной политической ориентации «Красный Усть-Амурец», «Низовье Амура», «Голос Родины», «Единение» заинтересуют и помогут самостоятельно переосмыслить и оценить драматические события тех огненных лет и, возможно, подвигнут читателя на дальнейшие исторические исследования.

ЗНАКИ И СИМВОЛЫ НАШЕЙ ИСТОРИИ

Командный состав Красной армии Николаевского округа во время посещения командующего армией Я.И. Тряпицына. 1920

Делегаты второго Николаевского уездного съезда Советов. 1924

23 апреля 1920 г.

Лазарево, Шимонову

Немедленно приступите к уничтожению всех жилых помещений по побережью, все нужно сжечь как-то рыбалка и бараки и проч.

Лазарево, Славину.

Сожгите все маяки и берзилы (створы), а также все до одной рыбалки и вообще жилые помещения. Чтобы в случае высадки японцев, негде было им жить.

Тряпицын. Нина Лебедева.

Май 1920 г.

Благовещенск. Военревштабу. Шифрованная депеша.

Копия. Исполком Жуковскому

Товарищи, мы давали вам три шифрованные депеши и ни на одну не получили ответа, не знаем, чем это объяснить. Мы сообщали вам, что японцы предприняли наступление на Николаевск, двигаются от Хабаровска, с Де-Кастри и с моря. Мы просили, чтобы вы сделали зажим на Хабаровск и тем отвлекли силы японцев от Николаевска. Мы делаем все, что можно и оказываем сопротивление, но если вы не придете на помощь, то мы не сумеем удержать города. Почему вы не отвечаете, скажите, что думаете предпринимать, что за переговоры вы ведете с японцами и чем они кончились.

Начштаба Лебедева

1 июня 1920 г.

Из штаба Николаевского округа

Всем. Москва. Ленину. Благовещенск. Охотск. Наяхан Петропавловским. Анадырским.

Товарищи, последний раз говорим с вами; оставляем город, взрываем городскую станцию и уходим в тайгу, все население с города эвакуировано, деревни по всему побережью моря и низовью Амура сожжены, город и крепость разрушены до основания, крупные здания взорваны, все, что нельзя было эвакуировать и что могло быть использовано японцами, нами уничтожено и сожжено, на месте города и крепости остались одни дымящиеся развалины; враг наш придя сюда найдет только груды пепла. Мы уходим, уходим, но не с унынием и отчаянием, а с прежней надеждой и верой в скорое торжество и победу трудящихся над последними остатками реакции и капитала. Еще с большим ожесточением и ненавистью мы будем бороться с паразитами трудящихся Сибири, желтолицыми японцами, жандармами и предателями рабоче-крестьянской революции, правыми социалистами, земцами, которые еще раз продали и погубили дело трудового народа здесь на Дальнем Востоке.

Мы были далеко от вас, но все же сносились с вами и чувствовали эту связь, как большое ценное завоевание и теперь глубоко переживаем эту потерю, мы сделали все, что только было можно, но и держались до последней возможности. Японцы подошли к городу сверху Амура и с моря целой флотилией канонерок и крейсеров, дальше держаться не можем, не знаем кого винить во всем случившемся, но знаем только одно, что если бы не была передана власть в руки земства, если бы не

было сделано этой глубокой ошибки, то дело освобождения Дальнего Востока <...> увенчалось бы успехом; образование земского буфера совершенно не вызывалось жизнью и было навязано нам начисто искусственно вопреки воли и единодушного протеста трудящихся Дальнего Востока...

Командующий Красной армией Тряпицын
Нач. штаба Н. Лебедева¹

Через несколько дней в уже сгоревший город прибыли японские оккупанты и хозяйничали два с лишним года. Но 3 октября 1922 года оперативная сводка Дальневосточного телеграфного агентства известила население о том, что Николаевск занят частями Народно-революционной армии. Измученные люди с восторгом приняли это известие.

Предстояло начинать жизнь заново. Для восстановления города требовалось построить 1 500 зданий – общественных и частных домов с устройством водоснабжения, канализации, электрического освещения, восстановить планировку улиц и мостовые. Проверяющий инспектор рыболовства по Николаевскому району писал в своем отчете за 1922 год, что после тряпицынских событий на протяжении 100 верст до основания оказались уничтожены все промышленные рыбалки. Эту важнейшую отрасль нужно было приводить в порядок в первую очередь.

Благодаря ежедневному труду нижеамурцев город возродился из пепла. Начали работать Николаевский-на-Амуре морской порт, вошли в строй судостроительная верфь, электростанция, открыты школы, больницы. Декретом ВЦИК от 15 марта 1926 года был утвержден список городов Приморской губернии Дальневосточного края, и город наконец-то получил официальное название – Николаевск-на-Амуре (до этого в документах встречалось разное написание: Николаевск, Николаевск на Амуре, Николаевск-на-Амуре).

В третью часть сборника «Город большой страны» вошли документы Госархива Хабаровского края и муниципального архива Николаевского района. Они рассказывают о социально-экономической жизни города с 1925 по 2015 год. Здесь представлены решения центральных и местных органов партийной и государственной власти, направленные на реализацию планов по улучшению жизни жителей города, документы о строительстве социально-культурных объектов и др. В самых разнообразных документах – организационно-распорядительных, отчетно-аналитических, статистических – особые знаки того или иного времени. В конце сентября 1937 года в Николаевске-на-Амуре начало действовать самостоятельное управление строительства № 201 НКВД. Обслуживалось оно специально созданным Николаевским исправительно-трудовым лагерем, в котором содержалось в разные периоды от 3 136 до 5 605 человек. С участием спецконтингента велось строительство судоремонтного завода с 1937 по 1942 год, Николаевского порта, преобразованного в морской порт,

¹ В источниках частично сохраняется орфография и пунктуация оригинала.

ЗНАКИ И СИМВОЛЫ НАШЕЙ ИСТОРИИ

Николаевск-на-Амуре

других объектов гражданского и промышленного производства. Документы из архивного фонда «Политотдел лагеря и строительства 201 НКВД СССР» также представлены в сборнике.

Незабываемым событием для жителей города стал сверхдальний беспосадочный перелет самолета Ант-25 по маршруту Москва – Северный Ледовитый океан – Камчатка – Николаевск-на-Амуре. При полете экипажу самолета пришлось преодолевать исключительные трудности. В районе Северной Земли Ант-25 попал в сильный арктический циклон многоярусной облачности. В течение пяти с лишним часов экипаж пробивался на высоте более 4 000 м слепым полетом при лобовом ветре, временами достигающем до 70 км в час. При обледенении са-

молета героический экипаж Ант-25 преодолел все трудности перелета через Становой хребет и успешно достиг Петропавловска-на-Камчатке. Самолет сбросил над городом вымпел и взял курс на Николаевск-на-Амуре. В Охотском море, на пути из Петропавловска в Николаевск, самолет попал в исключительно сильный южный циклон с густым туманом и сильной облачностью, что привело к его сильному обледенению. Как только Наркомтяжпром получил сообщение о тяжелых метеорологических условиях полета, народный комиссар тяжелой промышленности С. Орджоникидзе, считая задание уже выполненным, отдал командиру экипажа В. Чкалову по радио приказ прекратить дальнейший полет. В 13 часов 45 минут при сплошном густом тумане была совершена посадка

самолета западнее Николаевска-на-Амуре, на маленьком прибрежном острове Удд.

В сборнике опубликовано постановление Центрального исполнительного комитета СССР от 24 июля 1936 г. «О награждении экипажа самолета Ант-25», формулировка которого гласит именно так: «За осуществление героического беспосадочного дальнего перелета по маршруту Москва – Северный Ледовитый океан – Камчатка – Николаевск-на-Амуре в исключительно трудных условиях Арктики и неизученных районов дальнего Севера, за проявленное при этом выдающееся мужество и мастерство – Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР постановляет: 1. Присвоить звание Героев Советского Союза и вручить орден Ленина, согласно Положению о звании Героя Советского Союза: Чкалову В.П. – командиру экипажа Ант-25, Байдукову Г.Ф. – второму пилоту; Белякову А.В. – штурману». В память об этом событии в городе установлена мемориальная доска. Блок документов дополняют и опубликованные газетные статьи, освещающие эти события.

Город жил наполненной жизнью. Открыли библиотеку, кинотеатр, книготорговую точку, формировались первые экспозиции будущего краеведческого музея. К сожалению, осуществлению многих планов помешала Великая Отечественная война. С этого момента главный лозунг для николаевцев – «Все для фронта, все для победы». Такое же название в сборнике получил раздел о том, как жители Николаевска-на-Амуре помогали фронту, укрепляли оборону, оказывали помощь и поддержку раненым, инвалидам и семьям погибших. К 15 ноября 1941 года в сборе теплых вещей приняли участие 3 905 человек. Население города собрало 14 тысяч теплых вещей: полушубков – 330 штук, валенок – 217 пар, более 1 500 пар теплого белья и т.д. Собрали 2 152 метра разной мануфактуры, из которой сшили тысячи разных теплых вещей. Молодежь города на строительство танковой колонны имени ВЛКСМ собрано 50 000 рублей, на строительство авиаэскадрильи «Хабаровский комсомол» – 283 000 рублей. Ведущие предприятия города: морпорт, морпароходство, судоремонтные мастерские, судовой верфь, выполняли и перевыполняли планы, артель «Интернационал» освоила выпуск мыла из жиров морского зверя, выработку кож, изготовление детских и женских лыж.

В полную боевую готовность привели все силы и средства противовоздушной обороны города. Совместно с оборонными организациями комсомол подготовил 155 медсестер, 130 сандружинниц, 6 связистов, 101 истребителя танков, 50 инструкторов ПВХО, 1 173 бойца-лыжника. Школьники города собирали и сдавали плоды дикоросов, шиповника и рябины. Люди понимали, что залог общей победы и в их самоотверженном труде. Недаром же в трудные военные годы тыл называли вторым фронтом.

Первые сейнеры-траулеры, построенные на Николаевском-на-Амуре судостроительном заводе. Фото А. Галушко

Но и это тяжелое время нижеамурцы перенесли достойно. Настала мирная жизнь, полная надежд. Архивные документы свидетельствуют о том, что в 1950–1980-х годах Николаевск-на-Амуре – административный, экономический и культурный центр Нижнего Амура. В решениях органов власти об увековечивании памяти адмирала Г.И. Невельского, о праздновании 50-летия газеты «Ленинское знамя», об учреждении звания «Почетный гражданин города Николаевска-на-Амуре» отчетливо видна активная гражданская позиция горожан.

Политические, экономические и социальные перемены, произошедшие в России в 1990-х годах, коренным образом повлияли на развитие города. Прекращение полномочий Николаевского-на-Амуре горисполкома, приватизация Николаевского-на-Амуре судостроительного завода, прекращение строительства жилищных и объектов социально-культурного значения – все это не могло не сказаться на жизни николаевцев. Тем не менее люди находили пути, которые помогали выживать и двигаться дальше. Происходили и другие, не менее значимые события. 15 мая 1995 года состоялась учредительная конференция районной ассоциации народов Севера и Приамурья, открыт центр национальной культуры, все больше заявляла о себе городская организация ветеранов войны и труда.

Завершает сборник социально-экономический паспорт городского поселения «Город Николаевск-на-Амуре». Этот документ отражает сегодняшний день города непростой судьбы, который сохраняет свою историю и развивается. Основанный 165 лет назад адмиралом Невельским Николаевск-на-Амуре, как и в прежние времена, живет под парусом надежды.

Фото из Государственного архива Хабаровского края, муниципального архива г. Николаевска-на-Амуре, Николаевского городского краеведческого музея

Феномен Харбинского политеха

*Малоизвестные страницы жизни
Николая Львовича Гондатти*

Николай Львович Гондатти. Конец XIX в.

Нина ДУБИНИНА

Николай Львович Гондатти, последний приамурский генерал-губернатор – знаковая фигура не только для российского Дальнего Востока. Оказавшись в эмиграции в Харбине, он сумел сделать очень многое и для этого города. Но, пожалуй, одна из главных заслуг Гондатти заключается в том, что он стал одним из основателей Харбинского политехнического института.

Несколько лет назад в составе небольшой группы преподавателей вузов российского Дальнего Востока мне удалось побывать в Харбинском технологическом институте – прямом преемнике знаменитого Харбинского политеха, созданного в 1920-е годы русскими учеными и инженерами. На встрече с его руководством секретарь парткома протокольно охарактеризовал высшее учебное заведение: обучается около 40 тысяч студентов и аспирантов, входит в девятку ключевых высших учебных заведений КНР, имеет большие перспективы развития. На прямой вопрос о том, кто являлся основателем всемирно известного Харбинского политехнического института, оратор не ответил и продолжил рассказ о научных достижениях ученых технологического института.

В культурном слое, созданном россиянами в Маньчжурии в первой половине XX века, безусловно, первое

место занимал Харбинский политехнический институт. Во многом благодаря Николаю Львовичу Гондатти – выпускнику Московского университета, ученому, талантливому администратору, видному деятелю российского Дальнего Востока – в основание института положены гуманистические традиции и передовые принципы русской высшей школы.

Несмотря на то, что о генерал-губернаторе Приамурского края Н.Л. Гондатти написана книга¹ в Большой Российской энциклопедии есть статья² за пределами Сибири и Дальнего Востока о нем известно не так много. Поэтому вполне уместно сделать несколько крупных

¹ Дубинина Н.И. Приамурский генерал-губернатор – Хабаровск. 1997.

² Большая Российская энциклопедия. – М.: РОССПЭН. 2007. Т. VII. С. 395.

штрихов к портрету этого выдающегося государственного и общественного деятеля и особо остановиться на его роли в создании Харбинского политехнического института – сравнительно малоизвестной странице его жизни.

Николай Львович Гондатти родился в Москве в 1860 году за три месяца до отмены крепостного права в России, умер в 1946 году в Харбине, освобожденном Советской армией от японцев. Его отец был итальянцем, мать русская, воспитавшая сына в православных традициях. Успешно окончив естественно-историческое отделение физико-математического факультета Московского университета, Николай Львович вел педагогическую и научную работу, готовился к профессорской деятельности по кафедре антропологии. К этому времени по заданию научных обществ он посетил многие страны Европы и Азии. Неожиданно прервав свою работу в университете, он согласился на предложение стать начальником Анадырской округи на Чукотке.

Чукотская одиссея Гондатти, длившаяся вместо двух по его желанию три года, стала важным этапом в его жизни. Она оказала серьезное влияние на формирование его личности и на положение в обществе. Несмотря на чудовищные условия, начальнику Чукотки удалось «подчинить власти Белого русского царя» независимый народ чукчей. За это он был награжден орденом Святого Владимира IV степени, что обусловило переход из мещанского сословия в дворянство. Перед Гондатти открылись возможности делать карьеру в административной сфере. Исследования Гондатти малоизученного народа чукчей и собранные им антропологические и этнографические коллекции, обогатившие местные и центральные музеи, заслужили высокую оценку ученых.

Служба Н.Л. Гондатти в Сибири, в основном на Дальнем Востоке, складывалась успешно. Он заведовал переселенческим управлением в Приамурском крае, служил тобольским и томским губернатором. Ему доверили возглавить командированную по высочайшему повелению Амурскую экспедицию для исследования возможности колонизации земель вокруг строящейся Амурской железной дороги. Он выдвинул идею о разработке колонизационного плана Дальнего Востока и составления программы обеспечения его безопасности. В 1910 году Н.Л. Гондатти пожаловано придворное звание «шталмейстер его Величества», а в следующем году он получил назначение главным начальником геополитически ответственного и самого удаленного от центра Приамурского генерал-губернаторства с административным центром в Хабаровске. Главной своей задачей генерал-губернатор считал укоренение славянского населения (утверждение «русского влияния» в регионе). Он содействовал завершению строительства Амурской железной дороги, много сделал для сооружения первого железнодорожного моста через реку Амур (1913–1916). В ноябре 1916 года из Петрограда во Владивосток проследовал первый курьерский поезд по сплошному, без разрыва рельсовому пути и всецело по русской территории, что знаменовало собой окон-

чательную готовность Великой Сибирской магистрали, впервые пересекающей азиатскую часть материка.

Н.Л. Гондатти стал основателем города Алексеевска (ныне Свободный Амурской области). Своим именем в честь царского наследника Алексея город был обязан генерал-губернатору, которого весьма почитали в городе до 1917 года. Здесь его имя носили школа, улица и железнодорожная станция. В Приморской области Гондатти основал первые на Дальнем Востоке дачный поселок Сад-город и заповедник Кедровая Падь, которые существуют и поныне. Большим событием стала Приамурская выставка в Хабаровске, приуроченная к 300-летию дома Романовых, а ее участниками стали все территории края, а также представители соседних стран и ряда стран Западной Европы.

Плодотворных 16 лет жизни Н.Л. Гондатти посвятил обустройству дальневосточной окраины России, пройдя путь от начальника приполярной округи на Чукотке до генерал-губернатора – высшей ступени в региональной административной лестнице Российской империи. Но в марте 1917 года Гондатти арестовали, его деятельность подверглась беспощадной революционной ревизии. И все же новая власть, так и не сумев предъявить Николаю Львовичу обвинений в коррупции, злоупотреблениях полномочиями и положением, отпустила его. Около года Н.Л. Гондатти с семьей жил в Иркутске, пользуясь гостеприимством своего тестя М.С. Стравинского – родственника будущего русского композитора и дирижера И.Ф. Стравинского. Но вскоре стало понятно, что бывшему царскому сановнику опасно находиться и здесь, поэтому Николай Львович принял решение перебраться в Харбин. Как и тысячи россиян, пересекавших в то время границу, он не предполагал, что покидает Россию навсегда.

Осенью 1918 года бывший приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти вместе с женой Маргаритой Мечиславовной, дочерьми Ольгой и Татьяной и уже ставшей членом семьи бывшей гувернанткой мисс Анитой, прибыл в Харбин. Прежде он неоднократно бывал в этом «скороспелом городе», выросшем благодаря строительству Россией Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), знал многих из числа ее администраторов, а также коммерсантов и просвещенцев. При многонациональном характере городского населения половину его составляли выходцы из России: инженерно-технические работники, предприниматели, квалифицированные рабочие, обслуживавшие железную дорогу, и другие. Для них Харбин стал «островком былой России в чуждеальной стороне».

Более 15 лет управлявший КВЖД и пользовавшийся большим авторитетом среди русских харбинцев и китайских властей, генерал Д.Л. Хорват³ назначил Н.Л. Гондатти на престижную должность – начальником

³ Хорват Дмитрий Леонидович (1858–1937) – генерал-лейтенант, в 1902–1918 годах управляющий КВЖД. С 1924 года председатель отдели Русского общевойскаского союза на Дальнем Востоке.

ЗНАКИ И СИМВОЛЫ НАШЕЙ ИСТОРИИ

Маргарита Мечиславовна, жена Н.Л. Гондатти

Ольга и Татьяна, дочери Н.Л. Гондатти. 2-я половина 1920-х гг.

земельного отдела КВЖД. У Николая Львовича появилась возможность воплотить давнюю мечту и заняться сельским хозяйством. Чтобы улучшить агротехнику выращивания сельскохозяйственных культур и в итоге получать высокие урожаи, он взялся за организацию так называемых «опытных полей» в Аньда, Эхо и под Харбином. Опытными полями заведовал В.К. Рерих – брат академика Н.К.Рериха, с которым Николай Львович в эти годы сблизился.

С каждым годом у начальника земельного отдела увеличивался объем работы, связанной с выделением

земельных участков. В Харбин прибывало все больше русских, стремившихся спастись от Гражданской войны и военной интервенции. Те новоселы, которые не имели средств на приобретение быстро дорожавшего земельного участка, явочным порядком захватывали неудобные земли на болоте, и со временем здесь возник поселок, названный Нахаловкой. Жизнь семьи Гондатти складывалась весьма благополучно: они жили в большом добротном доме с роскошным садом на одной из центральных харбинских улиц.

Для вождей Белого движения на Дальнем Востоке бывший генерал-губернатор, царский сановник являлся приоритетной фигурой при формировании своих правительств. В 1921–1922 годах Гондатти получил несколько настойчивых предложений возглавить правительство во Владивостоке. Однако начальник земельного отдела КВЖД, не давая объяснений, решительно отказывался играть первые роли в Белом движении. Он дистанцировался от политики и партий, появлявшихся словно грибы после теплого дождя. Позже, в начале 1930-х годов, Гондатти отклонил предложение возглавить Бюро по делам русских эмигрантов, сулившее большие преференции. Такое поведение бывшего царского сановника вызывало осуждение и даже гнев, особенно у военной части эмиграции, что выплескивалось на страницы газет.

В начале 1920-х годов Николай Львович с головой окунулся в решении насущной проблемы Китайско-Восточной железной дороги, связанной с обеспечением ее специалистами. До революции инженерно-технические кадры дороги систематически пополнялись выпускниками технических вузов России, которых привлекали на магистраль выгодные условия службы. В связи с революцией и Гражданской войной, которая на Дальнем Востоке носила затяжной характер, потерявшая связь с Россией КВЖД стала испытывать острую нехватку дипломированных специалистов. Администрация дороги решение проблемы видела в создании собственной базы для подготовки инженеров и техников железнодорожных путей сообщения. Так возникла идея

Дочери Н.Л. Гондатти Ольга и Татьяна. Хабаровск. Начало XX в.

Харбинский русско-китайский техникум – родоначальник Харбинского политехнического института. 1920

Харбинский политехнический институт. 1926

открыть в Харбине политехнический техникум. Для организации учебного заведения и управления его делами создали правление в числе 14 членов под председательством Н.Л. Гондатти, пользовавшегося уважением и авторитетом среди железнодорожников. Успешное начало работы политехнического техникума в 1920/21 учебном году убедило его организаторов в необходимости поднять статус учебного заведения до уровня института. В апреле 1922 года техникум преобразовали в политехнический институт, а учащиеся техникума автоматически стали студентами института. Такие изменения прошли безболезненно, что впоследствии дало основание отсчитывать историю политехнического института с 1920 года.

Феномен созданного вуза состоял в том, что он не являлся ни государственным, ни частным учебным заведением. Учрежденный КВЖД институт находился и на ее финансовом обеспечении. Управляющий КВЖД, которым в это время был инженер путей сообщения Б.В. Остроумов, ежегодно предоставлял институту значительную денежную субсидию. Коммерческие структуры и отдельные предприниматели тоже вносили свою лепту в его финансовое благополучие. К тому же обучение являлось платным. Для детей служащих и пенсионеров железной дороги, а также работников института

Николай Львович Гондатти

плата за обучение была на треть снижена (вместо 300 золотых рублей – 200). Первым директором института стал известный в городе инженер путей сообщения Л.А. Щелков.

Нормальная жизнь института во многом обеспечивалась широким участием общественности. В первые годы он возглавлялся правлением общества по заведованию политехническим институтом, которое ежегодно избиралось из числа русских и китайских представителей. Председателем правления в течение нескольких лет

являлся Н.Л. Гондатти, компетентность которого в сфере образования и управленческий талант, а также личный авторитет и влияние сыграли большую роль в становлении и развитии института. Николай Львович являлся главным посредником между управлением КВЖД и политехом, интересы которого он всегда убедительно отстаивал. Он содействовал выделению институту большого земельного участка в лучшей части Харбина, размещению лабораторий, столярных и слесарных мастерских в добротных зданиях. На весь Харбин славились громадный читальный зал и прекрасная техническая библиотека института, которую возглавил Н.В. Устрялов. Институт превратился в один из культурных центров города. Особым вниманием Н.Л. Гондатти пользовались студенты. Целый район, где жили студенты, в честь него стал называться Гондательевкой. Зачастую Николай Львович приходил на занятия, участвовал в студенческих собраниях и праздниках, а поступление в институт младшей дочери Татьяны⁴ еще более сблизило его со студентами.

Политех с самого начала был нацелен на подготовку специалистов не только из числа русских, но и ки-

⁴ Барбелюк (Гондатти) Татьяна Николаевна родилась в 1909 году в Иркутске. Умерла в 1976 году в Австралии (Сидней).

тайцев, и в этом состояла еще одна особенность вуза. Первоначально это декларировалось и в его названии – Русско-китайский политехнический институт (РКПИ) с трехлетними подготовительными курсами и пятилетним сроком обучения. С 1928 года он стал называться Харбинским политехническим, при этом полностью сохраняя подготовку китайских специалистов.

Учебный план предусматривал ежегодную летнюю 2,5–3-месячную практику на железной дороге со сдачей экзамена по специальности. Практиканты получали от администрации КВЖД месячное жалование, размер которого определялся курсом обучения студента. Руководство института было убеждено, что благоприятные условия для проведения студенческой практики положительно отражались на подготовке специалистов.

Институт успешно развивался, увеличивался приток русских и китайских студентов со всей Маньчжурии. К началу 1930 года их насчитывалось уже более тысячи. При институте работали техническое училище, Маньчжурские курсы техников путей сообщения, Горные курсы и Китайские подготовительные курсы с трехлетним обучением. В 1924–1925 годах правительство Советского Союза подписало договоры с китайской администрацией о переходе КВЖД в руки обоих государств на паритетных началах. В соответствии с этим советская сторона администрации дороги была представлена гражданами СССР, как прибывшими из Советского Союза, так и получившими гражданство в Маньчжурии. Одновременно советское правительство официально заявило о лишении выходцев из России, проживавших в Маньчжурии, прав своих граждан и отказалось от какой-либо защиты и представительства их интересов. Утверждение на КВЖД советско-китайской администрации для начальника земельного отдела дороги Н.Л. Гондатти обернулось увольнением и арестом. Вместе с инженером Б.В. Остроумовым он оказался в местной тюрьме. К счастью, ненадолго.

Обе возможности – советское или китайское гражданство – для Гондатти и для многих российских эмигрантов были неприемлемы. Они предпочли оставаться бесправными эмигрантами, выкупающими временный китайский паспорт. Новые порядки коснулись и политехнического института: сменилось руководство, уволили часть преподавательского состава, изменились правила приема для поступления в вуз и так далее. Но по-прежнему пользовавшийся огромным авторитетом среди студенческой молодежи Николай Львович являлся желанным почетным гостем институтских конференций и праздников. Так, русское студенческое общество пригласило его как почетного гостя на проводимый летом 1929 года День русской культуры.

Из почти тридцатилетней жизни Н.Л. Гондатти в Харбине, в эмиграции самыми плодотворными и благополучными оказались первые шесть лет (1918–1924). Одним из главных своих дел он считал участие в создании и развитии Харбинского политехнического института, который дал выходцам из России и китайцам редкую возможность получить высшее образование.

Последующие годы жизни Гондатти наполнены душевными страданиями, заботой о куске хлеба для семьи, унижением и преследованиями, которые он переносил с достоинством человека высокого духа. Архиепископ Нестор, духовный отец Гондатти, в своем сильном и теплом слове на панихиде сказал о нем: «Родине своей он отдал все свои годы жизни и ум, и энергию, и знания, и любовь...» Благодаря таким личностям, как Николай Львович Гондатти, российская эмиграция в первой половине XX века жила напряженной интеллектуальной жизнью, сохранила и обогатила русскую культуру за рубежом, познакомила с ней миллионы людей в Европе и Азии.

Выпестованный русскими учеными и инженерами Харбинский политехнический институт в 1930–1940-е годы подвергся нескольким реорганизациям. Японская оккупация Маньчжурии, создание марионеточного государства Маньчжоу-Го, Вторая мировая война резко отразились на социально-экономической, политической и культурной ситуации в Северо-Восточном Китае, менялись и условия существования Харбинского политеха. Но профессиональным кадрам преподавателей института удалось сохранить и развить гуманистические принципы русской высшей школы, с достоинством держать марку выпускника института. В разные годы здесь работали выдающиеся ученые, талантливые преподаватели П.Ф. Козловский, Н.К. Пафнютев, П.С. Свиридов, Ф.Ф. Ильин, П.Ф. Федоровский, П.Н. Радищев, С.А. Савин, Л.А. Устюгов, Л.А. Щелков, С.П. Тимошенко, А.К. Попов, С.Н. Петров, В.Н. Жернаков, В.Г. Мелихов, В.А. Белобородский и другие. Именно ими поддерживались высокие стандарты образования, что способствовало признанию диплома Харбинского политехнического института во всем мире.

Рассеянные по странам и континентам выпускники Харбинского института проявили себя квалифицированными инженерами, преподавателями, учеными. Последние русские преподаватели покинули институт в самом конце 1950-х годов и тем самым завершили почти 30-летний период существования института, история которого еще ждет своих исследователей.

Среди харбинской молодежи, приехавшей в СССР в 1950-е годы, были и выпускники политеха. Один из них – Сергей Иванович Елисафенко⁵, чьим крестным отцом был Н.Л. Гондатти. С.И. Елисафенко стал активным участником создания в Красноярске политехнического института. Заслуженный строитель РСФСР, он многие годы являлся проректором этого крупного сибирского вуза. Бывшие харбинские эмигранты, в особенности из числа молодежи, оказавшиеся в СССР, смогли с успехом применить здесь инженерные знания, полученные в свое время в Харбинском политехническом институте.

⁵ Елисафенко С.И. Родился в Харбине в 1930 году. Умер в 2007 году в Красноярске.

Акробатический этюд

Приметы времени

Физ-гармония

Спортивная жизнь на Дальнем Востоке в 1920–1930-е годы

Любовь КРИВЧЕНКО

История зарождения массовых явлений в физкультуре и спорте на Дальнем Востоке всегда вызывала интерес. В документах фондов спортивных организаций, печатных изданиях и газетах, которые хранятся в Госархиве Хабаровского края, отражена картина того, как претворялась в жизнь государственная политика в этой сфере. Все было направлено на формирование гармонически развитого человека, способного преодолеть трудности жизни, воспитать волю, силу и выдержку, дальневосточный характер.

Спортивные организации, созданные в 1920–1930-е годы, прошли нелегкий путь от мелких кружков и ячеек до массового физкультурного движения. С момента создания советского государства была поставлена задача развития физической культуры граждан. Правительство декретом «Об обязательном обучении военному искусству» образовало Главное управление всеобщего военного обучения и формирования резервных частей Красной Армии при Реввоенсовете – всеобуча, занимавшееся также физической подготовкой населения. После окончания Гражданской войны эта задача стала еще актуальнее: для восстановления разрушенного войной хозяйст-

Участники спартакиады 1924 года

Дети и спорт

Массовые занятия физкультурой

Дети в парке

Состязание в беге. Старт

Горнист трубит общий сбор

ва стране требовались грамотные и физически развитые граждане. В 1923 году с помощью всеобщих занятий по допризывной подготовке, соревнования по баскетболу, французской борьбе и бегу. В 1923 году для руководства физическим развитием трудящихся создали советы физической культуры. Губернский совет физической культуры, образованный в октябре 1923 года, возглавил председатель Приморского губисполкома Ян Борисович Гамарник. Именно Гамарнику дальневосточники обязаны положительным решением многих важнейших вопросов по строительству спортивных сооружений, подготовке физкультурных кадров, отправке сборных спортивных команд на всесоюзные спартакиады.

В июне 1924 года в Хабаровске прошла первая дальневосточная спартакиада, положившая начало спортивному движению в крае. Соревнования начались 3 июля в

военных лагерях неподалеку от города, в них одновременно участвовало 120 человек. В июле 1925 года в Хабаровске появилась городская организация по легкой атлетике, которая также проводила футбольные матчи, а в августе и областную спартакиаду. Физическая культура завоевала прочное место в городах, рабочая молодежь понимала всю важность оздоровления. Только крестьянство смотрело на это как на забаву, так что для него требовалось разъяснение целей и задач политики партии.

Власти уделяли пристальное внимание развитию физкультуры и спорта повсеместно. Президиум Далькрайисполкома 6 января 1928 года решил провести первый зимний праздник в крае. Всем ведомствам и организациям предложили активно поучаствовать в проведении мероприятия и отправить туда свои команды. Участников освободили от работы с сохранением зарплаты.

Для поощрения победителей установили переходящий приз имени Далькрайисполкома за командное первенство по лыжам, конькам и хоккею, для чего из сметы краевого совета физкультуры выделили 200 рублей.

Повышение роли физкультуры и спорта в подготовке народа к защите Отечества в 1930-е годы проявилось и в культивировании военно-прикладных видов. Большое значение имело введение комплекса ГТО – «Готов к труду и обороне» (I ступень – 1931 год, II ступень – 1932-й, БГТО – 1934-й), который лег в основу программ всех учебных заведений. Широкую популярность приобрели рукопашный бой, преодоление полосы препятствий, плавание и переправы вплавь с использованием подручных средств, приемы и действия на лыжах с оружием. Повсеместно стали проводиться соревнования по многоборью ГТО. С введением Всесоюзного комплекса ГТО физкультурная работа значительно оживилась, повысились спортивно-технические результаты дальневосточников. Инициаторами подготовки и сдачи норм ГТО в крае стали подразделения Красной армии и динамовские коллективы. Уже через год после учреждения комплекса «Готов к труду и обороне в СССР» в Хабаровске знак ГТО заслужили более 5 000 человек.

Вопросы гармоничного развития граждан решались на уровне правительства и прорабатывались на местах. Считалось необходимым при постройке и планировке городов предусматривать в проекте дом физкультуры, парк культуры и отдыха, детские и школьные оздоровительные площадки, городской стадион, водные и лыжные станции и тир. При фабриках, заводах, в рабочих поселках, крупных совхозах и колхозах создавались физкультурные площадки. Всем государственным, кооперативным и общественным учреждениям и предприятиям надлежало включать в проекты вновь строящихся зданий специальные помещения под физкультурные залы. Постановлением Президиума Далькрайисполкома «О физкультурном строительстве» 28 февраля 1930 года создана комиссия из представителей крайсовета физкультуры, крайздрава, крайоно и других организаций для рассмотрения и детальной проработки вопросов физкультурного строительства. Однако серьезным препятствием была неуккомплектованность кадрами, а по сути, их отсутствие и слабая материальная база. Массовая физкультурная и спортивная работа находилась в зачаточном состоянии. Поэтому постановлением Президиума Далькрайисполкома «О состоянии физкультурного движения в крае» от 15 сентября 1931 года было решено *«пересмотреть весь личный состав руководящих и инструкторских работников физкультуры в крае в сторону решительного обновления и укомплектования кадров выдвинутыми: рабочими и колхозниками. Включить в штаты должности инструкторов по физкультуре, принять меры к должному руководству и организации физкультурной работы среди колхозников школьного и дошкольного возрастов. Развернуть работу по строительству спортивных сооружений. Немедленно отпустить материальные средства на обеспечение приема и развертывания кабинетов теории методики физкультуры, врачебного, педагогического и педологического. Для обеспечения специалистами кра-*

евому комитету по физкультуре и спорту необходимо было организовать курсы по подготовке 90 инструкторов и курсы по подготовке в физкультурный техникум, укомплектовав их на 30% нацменами». Летом 1932 года состоялась новая краевая спартакиада.

В 1930-е годы лозунг «Выше, дальше, быстрее!» звал покорять пространства и устанавливать новые рекорды, поэтому самыми популярными видами спорта стали эстафетные переходы: лыжные зимой, конные, вело-, авто- и шлюпочные летом. В эстафетах изучалась адаптация человека к условиям дальневосточного климата, возможности и скрытые резервы организма, выживаемость в суровом краю и его жизнедеятельность. Физкультурные организации развернули борьбу за массовость, вовлечение в движение новых групп советской молодежи. Проведение соревнований с сотнями тысяч и миллионами участников стало системой. В массовых забегах и заездах женщины-спортсменки принимали самое активное участие наравне с мужчинами, имеющими физическое преимущество. Газеты тех лет повсеместно освещали каждый день спортивных побед. Власти призывали жителей Дальнего Востока участвовать повсеместно в этих спортивно-массовых мероприятиях: *«Предложено всем учреждениям, предприятиям и организациям Дальневосточного края освободить от работы без удержания из зарплаты участников команд, а ко всем госорганам Дальневосточного края было обращение с просьбой поддержать и оказать организаторам эстафеты содействие».*

Зимой 1932 года Дальсосоавиахим впервые в крае провел военизированные лыжные соревнования. 14 февраля из Александровска-на-Сахалине по маршруту Хоз – Погиби – Богородское – Елабуга – Хабаровск вышла команда лыжников-динамовцев в полном походном снаряжении с целью установить кратчайшие пути между населенными пунктами, определить выносливость пограничника и умение сохранить силы на дальних дистанциях. Лыжники финишировали 16 марта 1932 года на Комсомольской площади Хабаровска. 12 пограничников во главе с начальником команды Коломенским прошли за 30 дней свыше 1 300 км.

Другой переход с участием 12 бойцов-лыжников по маршруту Нагаево – Хабаровск стартовал 7 ноября 1934 года. Преодолев 4 000 км, воины-пограничники Охотско-Колымского погранотряда ОКДВА показали отличную физическую подготовку. Газета «Тихоокеанская звезда» за 23 февраля 1935 года писала об этом событии: *«Они вышли из Нагаево 7 ноября и на другой же день попали в пургу... шли, делая по 25 км в день, таянув за собой две упряжки волкоподобных камчатских псов, которые любят в пургу ложиться калачиком спиной к ветру и спокойно спать под снегом. Они шли где можно, мрачным берегом Охотского моря, трижды пересекая горы Станового хребта, неделями не встречая ни души. Их обжигал 58-градусный мороз, но они, будто бы выполняя боевой приказ, посылали о себе лишь короткие весточки... В Хабаровск герои прибыли 22 февраля 1935 года, потратив на поход 66 ходовых дня, в среднем проходя 60 км за сутки... Имена участников замечательного похода: Пастернак М.Ф., командир отделения Киселев Г.В., посто-*

ЗНАКИ И СИМВОЛЫ НАШЕЙ ИСТОРИИ

Лыжный спорт. Кроссы и пробег

янный каюр Остапов М.Т., бойцы: Семенов В.А., Косвенцов А.С., Пресняков К.З., Плужников М.И., Пьянов П.М., Глазков Р.А., Пононов П.И., Давыдов Ф.В., Потапов Т.М.».

Командир Михаил Пастернак в беседе с журналистами сообщил: «Лыжи у нас на Севере – любимый спорт и первая принадлежность пограничника после винтовки. А народ – весь молодой, крепкий и выносливый, достойный пограничной службы. Уредкого бойца нет значка ГТО, многие уже и на вторую ступень сдали. А наш переход – конечно не пустяк. Но у нас на такое дело все готовы».

Выносливости этих бойцов удивлялись даже опытные охотники. Колхозник-эвенк, кочующий по реке Лантаре, написал в газету «Тихоокеанская звезда»: «Я, эвенк Савельев, жил долго. Первый раз вижу таких людей. Они далеко оставляют позади оленей, целый день идущих. С такими пограничниками я не боюсь за колхозные стада. Эти люди сумеют защитить себя и нас – эвенков реки Лантаре».

В отчетной телеграмме в Москву наркому внутренних дел СССР Ягоде начальник УНКВД на Дальнем Востоке и Особого отдела ОКДВА Терентий Дмитриевич Дерибас рапортовал: «Лыжники прошли полтора месяца, не давая о себе знать, по совершенно неизведанному маршруту, при отсутствии жилищ на расстоянии сотен километров, часто непроходимой тайгой, в сильные бураны и морозы, при полном отсутствии не только дорог, но и тропинок. К финишу пришли абсолютно здоровыми. В условиях тайги двигались со скоростью 50,5 км в сутки, а в условиях более легких – 85 км в сутки. Всего находились в пути свыше 3 месяцев, имея за это время всего лишь 7 дней».

В своем отчетном докладе начальник лыжного перехода командир лыжников Михаил Пастернак обобщил опыт лыжного перехода: «План перехода предусматривал проведение политико-воспитательной работы среди местного населения, было проведено 25 политбесед во всех населенных пунктах по маршруту, ежедневно разбирались пройденный маршрут и доводился до каждого бойца маршрут следующих суток». Несмотря на трудности, участники лыжного перехода, показав хорошее владение техникой лыжного спорта, оказали практическую помощь населению в налаживании на местах оборонной работы...».

Опыт перехода позволил командиру Пастернаку сделать следующие выводы: «...в длительный переход брать свой «транспорт» не следует. Нанимая «транспорт» от населенного пункта до населенного пункта команда получает возможность пользоваться все время свежей, не уставшей тягловой силой. Собачий «транспорт» выгоднее оленьего, т. к. передвижение возможно в любых направлениях, независимо от рельефа местности и с большей суточной скоростью. В тайге возможно размещение на ночлег в обычной палатке, стенки которой завалить снегом и ветками снаружи, печку ставить в середине, при температуре в 50 градусов, температура палатки будет не ниже 18 градусов. При такой температуре можно в палатке просушить одежду, спать рекомендуется в спальнях оленьих мешках, длина которых должна на 15–20 см превышать рост человека. Необ-

ходимый хозинвентарь – ведра, топоры, пилы, котелки, ложки и кружки, вещмешки – на каждого. Ассортимент продуктов: мясные и молочные консервы, сливочное масло, сахар, пельмени, мороженный хлеб, рис, макароны или лапша, соль. Лыжи военного образца, находящиеся на вооружении в воинских частях, пригодны для передвижения в условиях тайги и пересеченной местности. Хватает лыж на 500 км, после чего их надо заменить. Лыжное крепление пригодно мягкое, из свиной кожи. Палки непременно бамбуковые, как наиболее прочные. Лыж необходимо иметь две пары – обычные и местного типа – широкие, обшитые камусом (шкура ног оленя), они позволяют с наименьшей затратой энергии прокладывать лыжню и преодолевать возвышенности. В составе команды необходим радист с легкой рацией с радиусом действия до 100 км и «питанием» для нее, не боящимся мороза».

Всех лыжников наградили часами с надписью: «Участнику лыжного перехода Нагаево – Хабаровск от Дальневосточного краевого совета спортобщества «Динамо» и грамотами. Отчетные материалы направили в Центральный совет «Динамо» и ГУПВО НКВД СССР.

Переход получил продолжение в виде товарищеского письма от членов спортивного общества «Динамо» Северо-Восточных исправительных лагерей НКВД наркому внутренних дел Г.Г. Ягоде, наркому обороны К.Е. Ворошилову, в совет физкультуры при ЦИК СССР и редакцию журнала «Физкультура и спорт» с обязательством «начать пеше-лыжный переход протяженностью 13.500 км с преодолением горных хребтов, перевалов, сопков и тайги по маршруту бухта Нагаево – Балаганное – Охотск – Якутск – Томмот – Нижнеудинск – Новосибирск – Свердловск – Казань – Москва. Участок Нагаево – Томмот». Спортсмены намеревались пройти пешим строем в 55–60 дней, чтобы выход – старт на Москву взять не позднее 1 августа 1935 года. Команда участников состояла из лыжников, которые перекрыли уже расстояния в 2 000 км. Всего предполагалось включить в команду шесть человек в возрасте от 23 до 35 лет. Это товарищеское письмо отправлено напрямую в центр по «причине малой развернутости работы по физкультуре на Колыме» (будущие участники сомневались в получении разрешения на пробег и подали заявку минуя руководство). Команда подписала: «...мы всегда готовы оторваться от социалистического строительства и доказать международным акулам капитала наше бесстрашие в выполнении любого трудного задания по обороне колыбели мирового октября – Союза ССР, пусть они смотрят, как мы готовы к труду и обороне».

Как сообщал в телеграмме в Нагаево председатель дальневосточного краевого совета «Динамо» Т.Д. Дерибас: «...инициатива организации принадлежала группе командиров и стрелков ВОХР Севвостлага, поставивших этот вопрос в письме на имя наркома внутренних дел Ягоды и Всесоюзного комитета физкультуры СССР напрямую». Председатель Всесоюзного комитета физкультуры (ВСФК) СССР Василий Николаевич Манцев подписал постановление о разрешении перехода, однако указал, что «ответственность за материальную обеспеченность этого перехода возложить на ЦС «Дина-

ЗНАКИ И СИМВОЛЫ НАШЕЙ ИСТОРИИ

Велопробеги

КОМСОМОЛЬСК—МОСКВА
 Сегодня—старт велопробега в честь пятилетия

12 июня в 3 часа дня на площади перед зданием Комсомольского университета в Комсомольске на Амуре стартует велопробег. Это первая велопробега в нашей истории. Велопробег посвящен пятилетию строительства Комсомольска на Амуре. Велопробег будет проходить по маршруту Комсомольск—Москва. Велопробег будет проходить по маршруту Комсомольск—Москва. Велопробег будет проходить по маршруту Комсомольск—Москва.

Велопробег будет проходить по маршруту Комсомольск—Москва. Велопробег будет проходить по маршруту Комсомольск—Москва. Велопробег будет проходить по маршруту Комсомольск—Москва.

12 июня 1937 года был дан старт большому велопробегу по маршруту Комсомольск-на-Амуре — Москва. Велопробег был посвящен пятилетию строительства Комсомольска, Международному юношескому дню и призыву девушек и юношей приезжать на Дальний Восток.

- Состав команды:
1. Тимохин Антон — инженер-конструктор, чл. ВКП (б) с 1925 г.
 2. Бычков Николай — токарь, член ВКП (б) с 1932 г.
 3. Гаврилов Александр — контрольный мастер, чл. ВЛКСМ с 1932 г.
 4. Сырнев Сергей — модельщик, чл. ВЛКСМ с 1930 г.
 5. Книжковский Александр — работник крайкома по делам физры и спорта, чл. ВЛКСМ с 1931 г.

Пройдено всего — 9500 км, из них пешком — 2658 км.

«По срокам, данным крайкомкомитетом по делам физкультуры и спорта, должны были быть в Москве 15 сентября. Команда прибыла 6 сентября, в Международный юношеский день».

А.Е. Тимохин,
 командир велопробега
 Комсомольск-на-Амуре — Москва

мо», то есть обеспечить себя своими средствами. Газета «Красный спорт» в августе 1935 года сообщала о решении спортивного общества «Динамо» провести первый в мире переход шести динамовцев из бухты Нагаево, с берега Охотского моря в Москву с расстоянием в 15 000 км президиума всесоюзного физкультурного комитета. В команду по переходу Нагаево – Москва обратился также с просьбой корреспондент газеты «Тихоокеанская звезда» Анатолий Белоглазов, подготовивший репортаж о первом лыжном переходе Нагаево – Хабаровск 1934 года. Он просил взять его, чтобы описать весь пройденный маршрут и отправлять репортажи с места событий. Подготовительные работы провели, даже Т.Д. Дерibas телеграфировал в Центральный совет «Динамо» в Москве о подготовке перехода Нагаево – Москва. И хотя этот переход не состоялся из-за больших затрат (на его осуществление требовалось 100 000 рублей), остановить поступательное спортивное движение было уже невозможно: маховик переходов, пробегов и эстафетных соревнований был запущен.

В августе 1935 года состоялся шлюпочный поход по маршруту Сретенск – Николаевск-на-Амуре. На его проведение краевому совету Осоавиахима из фондов непредвиденных расходов выделили 4 000 рублей. В 1936 году Президиум Далькрайисполкома отметил отважных участниц лыжного перехода Сахалин –Хабаровск. Н.Т. Щепотьева, Е.Е. Назарова, О.П. Хмарская, М.Ф. Новосельцева прошли 1400 км по Сахалинскому побережью через Татарский пролив и были первой женской командой. Самоотверженно преодолевая в условиях снежной пурги и низких температур ледяные торосы, проходя в день по 50 км, спортсменки досрочно прибыли к финишу без ущерба для здоровья. Всех их наградили отрезами на костюмы и ходатайствовали перед Президиумом ЦИК СССР о награждении орденами «Знак почета». Вторая команда в составе Р.Н. Смирновой, П.Г. Баторкиной, П.Н. Бельды, А.П. Панчук, совершившая переход за северными собаками на лыжах от Николаевска-на-Амуре до Хабаровска и покрывшая расстояние в 1 064 км за 82 ходовых часа в условиях снежной пурги и заносов, проходившая 102 км в сутки, также была отмечена подарками – отрезами на костюмы. Решено было ходатайствовать перед Президиумом ЦИК СССР о награждении путешественниц грамотами.

12 июня 1937 года начался большой велопробег по маршруту Комсомольск-на-Амуре – Москва протяженностью 9 500 км. Команда состояла из пяти человек, выделенных низовыми физкультурными и комсомольскими организациями. В отчетном докладе Сталину – Молотову – Ворошилову участники рапортовали: «85 дней длился автопробег: 2 658 км пришлось пройти пешком по таежному бездорожью – тайге, болотам в 40-градусную жару и под проливным дождем. Ехали на велосипедах со скоростью 6,8 км/час 44,5 дня, пешком шли 37,5 дней. В пути команда отдыхала по дню в крупных городах. По срокам команда должна была прибыть в Москву 15 сентября, прибыла на 9 дней раньше срока – 6 сентября 1937 года. Все трудности преодолены. Финишировали в международный юношеский день на 9,5 суток рань-

ше намеченного срока, лишней раз доказав, на что способна советская молодежь. Велопробег был посвящен пятилетию строительства Комсомольска, международному юношескому дню и призыву девушек и юношей приезжать на Дальний Восток». Постановлением Всесоюзного комитета по делам физкультуры и спорта при СНК СССР все участники велопробега Комсомольск – Москва награждены грамотами, значками и гоночными велосипедами. Команда включена в число участников советского велотура 1938 года, членам команды выданы первые номера. Тренер команды Княжевский, выпускник Ленинградского института физкультуры им. Лесгафта, был командирован для распространения опыта и обучения методике тренировки участников пробега в альма матер.

В борьбе за рекорды и всеобщее признание спортсмены устраивали не только командные, но и одиночные пробеги и заплывы. Вот акт, составленный представителями Хабаровского областного комитета и спортивного общества «Динамо» в 1937 году: «7 июля 1937 года в 8 часов 35 минут при температуре воздуха 23 градуса и температуре воды 22 градуса у села Нижне-Спасское (Еврейская автономная область) по реке Амуру был дан старт пловцу 1-го Хабаровского райсовета Доценко П.В., 1911 года рождения, для совершения заплыва на дальность вниз по течению Амура. Перед стартом пловец был смазан особым составом для предохранения от холода. В пути Доценко, не выходя из воды, принимал пищу, состоящую из сухого шоколада, горячего чая с вином и разведенного горячего шоколада. В 17 часов 16 минут вечера того же дня Доценко финишировал на водной станции «Динамо», пробыв в воде 8 часов 41 минуту и проплыв 46 км 360 м. Средняя скорость течения Амура на указанном участке на 7–8 июля по сведениям Управления речных путей составляла 3,5-4 км/час». Вся дистанция была пройдена стилем треджен – одним из видов вольного стиля – пловцу разрешалось плыть любыми способами, произвольно меняя их на дистанции. На 27 км наступила мертвая точка¹. Акт медицинского обследования с данными медосмотра указывали на общее утомление без резких отклонений со стороны сердечной деятельности. Постановлениями Хабаровского областного и Дальневосточного краевого комитетов по делам физкультуры и спорта технический результат заплыва утвержден как краевое достижение по плаванию.

¹ У опытных спортсменов через некоторое время после старта возникает своеобразное состояние, получившее название «мертвой точки». Чаще это наблюдается при спортивных упражнениях циклического типа, например, при плавании. Она проявляется в чувстве некоторой скованности в мышцах, в ощущении удушья, одышки, стеснения в груди. Возникает стремление снизить интенсивность движения или скорость плавания. Если «мертвая точка» выражена очень сильно, неопытный спортсмен может сойти с дистанции. Если преодолеть состояние мертвой точки, невзирая на неприятные ощущения и снижение скорости, собрав свою волю, продолжать упражнение, как обычно и поступают опытные спортсмены, то через некоторое время наступает облегчение. Движение становится более свободным, чувство усталости проходит, дыхание выравнивается. Такое состояние, приходящее на смену «мертвой точке», получило название «второе дыхание», потому что наиболее ярким из субъективных ощущений является чувство облегчения дыхания.

ЗНАКИ И СИМВОЛЫ НАШЕЙ ИСТОРИИ

Участники краевых соревнований по плаванию

В декабре 1938 года вновь прошел лыжный маршбросок в экстремальных условиях. Отправившись 31 декабря 1938 года из стойбища Эконь, лыжники через семь дней уже финишировали напротив водной станции в Хабаровске – 6 января 1939-го. По пути следования спортсмены занимались политико-воспитательной работой среди населения сел. В 1939 году в краевой комитет по делам физкультуры и спорта от Хабаровской школы военных техников железнодорожного транспорта поступила заявка на совершение очередного перехода по маршруту Хабаровск – Ружино за 9 суток для внедрения физкультуры в массы. Старт наметили на 18 января 1939 года. Материальное обеспечение взяло на себя руководство школы. Команда состояла из 13 лыжников во главе с командиром Верховским и комиссаром Варламовым. Хабаровский краевой комитет по делам физкультуры и спорта разрешил поход, известив начальников станций железной дороги об ока-

зании практической помощи команде и о моральной поддержке.

Велопробег Комсомольск – Москва 1938 года только придал уверенности в своих силах новым рекордсменам, поэтому имевший за плечами огромный опыт велосипедной гонки спортсмен А. Тимохов, решил осуществить велотур с востока на запад. К этому времени он уже возглавлял Хабаровский краевой комитет по делам физкультуры и спорта. Постановление крайкома по делам физкультуры и спорта от 20 декабря 1938 года гласило: «В ознаменование X годовщины Первой отдельной Краснознаменной Красной Армии провести скоростной агитационный велопробег от восточной до западной границы по маршруту: озеро Хасан – Хабаровск – Иркутск – Новосибирск – Москва – Минская застава. Протяженность маршрута 11 200 км. Старт – 30 мая 1939 года у сопки Заозерной, финиш – август 1939 года». Основную команду в количестве 5 человек выделил центральный совет «Дальневосточный строитель». Команда под руководством командира и политрука, председателя краевого комитета по делам физкультуры и спорта А. Тимохова состояла из активных и физически крепких физкультурников, командиров запаса РККА, орденосцев, участников боев у озера Хасан.

Участники, средний возраст которых составлял 25 лет, прошли специальную тренировку по велоспорту с 26 апреля 1939 года. Смету на велопробег утвердили в сумме 48 тысяч рублей от краевого комитета физкультуры и центрального совета «Дальневосточного строителя». Перед командой стояли политические задачи. В пути продвижения на митингах они должны были рассказывать о героических подвигах бойцов при разгроме японских самураев около о. Хасан, провести работу по улуч-

Летние соревнования по конному спорту. 1926 (1927) год

шению военно-физкультурных мероприятий, созданию команд военных самокатчиков, гранатометчиков, «Ворошиловских всадников» и т. д. Для организации велопробега озеро Хасан – Западная граница выделялось 7 дорожных веломашин, 6 пар ботинок, 6 пар хромовых сапог, 6 пар свитеров, 6 прорезиненных плащей, 40 пар носков, 18 шерстяных трусов, 25 пар носовых платков, 45 метров полушерсти для пошивки спортивных костюмов, ящик апельсинов или мандаринов, двое ручных часов, 0,5 кв. м подошвы для починки обуви, 18 футболок. Хабаровский краевой комитет по делам физкультуры и спорта направил начальнику УНКВД по Хабаровскому краю И.Ф. Никишову просьбу дать разрешение на выдачу пяти пистолетов системы «Коровин» команде велопробега сопка Заозерная – Западная граница СССР, с возвратом таковых после пробега, то есть в октябре.

Газета «Тихоокеанская звезда» писала: *«30 мая 1939 года дается старт большому велопробегу по маршруту Дальний Восток – Западная граница. Руководитель велопробега Тимохов рассказал, что стартовать будут у сопки Заозерной 30 мая и 6 июня прибудут в Хабаровск. Средняя ходовая скорость в день - 100 км. Тренировки показали, что при благоприятных условиях возможно давать до 160 и более км в день. Наиболее трудные участки пути – район Байкала – барабинские степи. Пробег совершается на обычных серийных машинах московского велозавода. Весь путь будет пройден за 92–95 ходовых дней. Финиш заезда на одной из застав Западной границы в Белоруссии». Газета «Тихоокеанский комсомолец» от 30 мая 1939 года разместила на своей странице короткие рассказы участников велопробега о себе и их фотографии. В них каждый участник описал свою жизнь до велопробега.*

Велопробег наращивал темпы. Все его события подробно освещались в прессе: *«В 17.30 на шоссе близ Хабаровска 5 июня 1939 года отважную пятерку: А. Тимохова, П. Федосеева, Т. Гоголева, А. Кошелева и А. Баканова встречали представители Оргкомитета Президиума Верховного Совета РСФСР по Хабаровскому краю, секретари крайкома ВЛКСМ и начальник штаба автопробега Бубнов. Первый этап отважных велосипедистов был пройден по графику. Здоровье и настроение у всех превосходное. Пройдено 1030 км. 6 июня участники выехали из Хабаровска. Телеграммы прослеживали весь путь велосипедистов: Биробиджан, Архара, Могочи, Чита, Иркутск, Красноярск, Новосибирск, Свердловск, Казань, Горький. Наконец, 26 августа в 7 часов вечера отважных дальневосточников встречали трудящиеся Минска. Велопробег завершен на пограничной станции Негорелое 27 августа. Пройдено 11 300 км за 88 суток. Велопробег был завершен досрочно на 24 дня».*

Для встречи команды велопробега сопка Заозерная – Западная граница в Москве Оргкомитет Президиума Верховного Совета РСФСР по Хабаровскому краю выделил 10 000 рублей. В Москве 17 августа 1939 года участников велопробега встретило представительство Дальневосточного края. Оргкомитет Президиума ВС РСФСР по Хабаровскому краю в телеграмме, подписанной его председателем С.И. Гусевым, телеграфировал:

«Шлем горячий привет отважной пятерке советских физкультурников. Своим пробегом вы продемонстрировали непреклонную волю молодых советских патриотов, направленную на прославление нашей замечательной социалистической родины. Желаем успехов. Предоржкомитет Гусев».

Все спортивные мероприятия, будь то заплывы, авто- и велотуры, лыжные и пешие переходы, посвящались празднованию открытий съездов компартии, комсомола, выборов, 8 марта, РККА и т.д. Высокие результаты достигались в борьбе со стихией, изучался человеческий организм и воздействие на него экстремальных температур и природных катаклизмов. Конечно, не все шло гладко. Так, несмотря на растущую популярность эстафетных пробегов, даже организацию велотуров по всей территории СССР, велосипедистам Хабаровска негде было заниматься любимым видом спорта. Как писал один из жителей города в газете «Тихоокеанская звезда» в 1938 году: *«Ни физкультурные, ни Осоавиахимовские организации ничего не предприняли, чтобы предоставить площадь велосипедистам для тренировок. На городских площадях, где раньше ежегодно собирались десятки веловодителей, катание сейчас не разрешается. Краевой комитет по делам физкультуры и спорта должен позаботиться об организации этого увлекательного здорового вида спорта».*

В довоенный период проходило становление и развитие физической культуры и спорта на Дальнем Востоке СССР. В период 1930-х годов закладывалась и совершенствовалась техническая подготовка, росло мастерство спортсменов, устанавливались рекорды. Спорт основывался на научных исследованиях возможностей человеческого организма, появились новые методики тренировок и подготовки спортивных мастеров. Несмотря на трудности, физкультура и спорт стали играть важную роль в жизни молодежи Дальнего Востока, возникли добровольные спортивные общества, совершенствовалась их структура, развивалась материальная база. Важными направлениями считались общефизическая и военно-физическая подготовка, физкультурно-массовая работа, военно-прикладной спорт.

Основными тенденциями в деятельности общественных спортивных организаций стало последовательное углубление и расширение уровня и масштабов оборонно-массовой работы, планомерное ведение военно-патриотического воспитания молодых дальневосточников, а также его возрастающая роль в период вооруженных конфликтов на КВЖД, у озера Хасан, на реке Халхин-Гол. Тем не менее физкультура и спорт так и не стали массовым явлением в эти годы, несмотря на огромные усилия, не стали и стилем жизни, так как не подкреплялись достойной материальной базой, не ориентировались на все население, которое предполагалось воспитать гармонично развитым как в умственном, так и в физическом отношении. Спортивные общества городов работали на рекорды, а не на массовое вовлечение граждан Дальнего Востока в занятия физкультурой и спортом.

Фото из Государственного архива Хабаровского края

Исследование

К.Е. Маковский. Портрет графа Н.Н. Муравьева-Амурского.
Холст, масло. 177 x 137. Иркутский художественный музей им. В.П. Сукачева

История графского портрета

Татьяна АНАНЬИНА

С портретами исторических деятелей нередко связаны интересные истории. Не стало исключением и живописное изображение приамурского генерал-губернатора Н.Н. Муравьева-Амурского кисти К.Е. Маковского.

После отъезда генерал-губернатора Муравьева-Амурского из Сибири иркутяне решили заказать портрет «любимого начальника». Жители обратились к своему земляку М.И. Пескову, который учился в Петербургской Императорской академии художеств, что стало возможным благодаря вмешательству Муравьева-Амурского. В Иркутске Михаил Песков служил в канцелярии губернского управления, но это рутинное дело было не для него. Ведь он, как говорится, был поцелован Богом – одарен талантом живописца. В 1854 году Песков сделал серию удачных портретов иркутских купцов и чиновников. Незаурядные способности художника-самородка заметил Муравьев-Амурский. Он ходатайствовал о поступлении Пескова на учебу в Академию художеств. При этом генерал-губернатор и материально поддерживал талантливого студента.

Заказ земляков М.И. Песков передал сокурснику Константину Маковскому, с которым его объединял еще и дух бунтарства. В 1863 году они отказались от участия в выпускном конкурсе на Большую медаль, став позднее членами знаменитой Артели свободных художников. Маковский написал портрет Н.Н. Муравьева-Амурского маслом в полный рост на холсте размером 177 x 137 см. Работа экспонировалась на годичной выставке в Академии художеств и была принята столичными критиками довольно благосклонно, о чем свидетельствует отзыв К. Варнека в журнале «Северное сияние»: «Ловкая и смелая постановка, решительность работы, блестящий колорит – все это обратило внимание публики». Портрет Муравьева-Амурского вошел в фундаментальное издание Ф.И. Булгакова «Наши художники», где было отмечено, что «На академической выставке 1862 года посетители любовались, кроме женской головы, портретом г. Ушакова и особенно портретом графа Муравьева-Амурского, исполненным по заказу жителей Иркутска и находящимся по сие время в иркутском Общественном собрании. С этого портрета, отличающегося смелостью и ловкой постановкой позы, начинается целый ряд портретов К.Е. Маковского».

Эта работа принесла К.Е. Маковскому славу «первоклассного портретиста». Не зря А.Н. Бенуа говорил, что произведения Маковского «не лишены поэзии». Картина была благополучно доставлена в Иркутск, где и обосновалась на долгие годы. К.Е. Маковский получил звание академика. В «Календаре-справочнике за 1914 год по Иркутску» портрет Муравьева-Амурского значится в списке главных достопримечательностей города. Можно предположить, что иркутский заказ стоил немалых денег: цены на подобные работы находились в диапазоне от 300 до 1 000 рублей. В отдельных случаях парадный портрет мог стоить существенно дороже.

В 1864 году Маковский написал еще один портрет Муравьева-Амурского. Его судьба оказалась тесно связана с сибиряками. В своих воспоминаниях В.В. Муравьев-Амурский упоминает Н.П. Аносова и В.И. Базилевского. Николай Павлович Аносов служил при Муравьеве-Амурском горным инженером. Он участвовал в Амурской экспедиции 1854 года, открывал золотые месторождения на Амуре. В 1864 году Аносов заказал Маковскому портрет генерал-губернатора для себя. Второй портрет Муравьева-Амурского 1864 года по условию частного заказа создан в уменьшенном виде и представлял собой поясной вариант портрета 1863 года (холст, масло, 105,2 x 84,5 см). При этом Маковский изменил композиционное решение, уделил больше внимания психологической составляющей личности. После смерти Аносова портрет купил В.И. Базилевский – сын сибирского золотопромышленника, действительного статского советника, филантропа Ивана Федоровича Базилевского. Он преподнес второй портрет Муравьева-Амурского племяннику графа Валериану Валериановичу Муравьеву-Амурскому в качестве свадебного подарка.

Первый портрет Муравьева-Амурского находился на обозрении общественности в присутственных местах Иркутска. Впоследствии он стал образцом для создания памятника Н.Н. Муравьеву-Амурскому. Второй экспонировался на выставке 1905 года. Журнальная пресса сообщала, что «<...> Выставка устраива-

ется под Высочайшим Его Величества Государя Императора покровительством. <...> Председателем организационного комитета выставки состоит Его Императорское Высочество Великий Князь Николай Михайлович».

Выставка была связана и с Дальним Востоком и устроена в пользу вдов и сирот воинов, павших в Русской-японской войне 1905 года. Пресса отмечала, что она проходит «в годину тяжелых для русского чувства событий, совершающихся на Дальнем Востоке». В петербургских газетах напечатали полемику художника К.Е. Маковского с организатором выставки С.П. Дягилевым. Маковский был недоволен тем, что Дягилев выставил второй портрет Муравьева-Амурского, который художник называл «копией», «уменьшенным повторением». Он негодовал: «Не лучше ли было вовсе не выставлять мои произведения, чем позорить меня такой мелочью». Маковский ожидал, что будет представлен первый портрет из Иркутска.

До 1917 года владельцем второго портрета 1864 года был граф В.В. Муравьев-Амурский. Затем он доверил семейную реликвию на хранение бывшему камергеру высочайшего двора, действительному статскому советнику, члену Попечительского комитета о сестрах милосердия Красного Креста, художнику-любителю Дмитрию Владимировичу Юферову. 25 сентября 1918 года Юферов передал портрет в Русский музей на временное хранение, сроки которого неоднократно продле-

К.Е. Маковский. Портрет графа Муравьева-Амурского. Холст, масло. 105,2 x 84,5. Государственный Русский музей

вались, но в 1925 году он перешел на постоянное хранение. Впервые изображение Н.Н. Муравьева-Амурского представлено на временной выставке «Художники Маковские» с декабря 2008 по март 2009 года.

Портреты графа Муравьева-Амурского работы К.Е. Маковского стали предметом исследования искусствоведов Иркутского областного художественного музея им. В.П. Сукачева, старшего научного сотрудника Государственного Русского музея Н.В. Большаковой. В настоящее время тот, что относится к 1863 году и выполнен в полный рост, находится в фондах Иркутского областного художественного музея им. В.П. Сукачева, куда в 1920-х годах он поступил из Иркутского общественного собрания. Поясной портрет графа, датируемый 1864 годом, находится в фондах Государственного Русского музея.

ИСТОЧНИКИ

Барсуков И. П. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский. Биографические материалы по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам // И.П. Барсуков. Репринтное издание по изданию Синодальной типографии Москва. 1891. Приамурское Географическое общество. Хабаровск: изд-во «Риотип». Кн.1, 2008.

Большакова Н.В. Губернатор в смелой постановке // Вечерний Петербург № 93 (20283), 28 апреля 1994 г.

Большакова Н.В. Константин Маковский на «Историко-художественной выставке русских портретов 1905 года в Таврическом дворце». Таврические чтения, 2009.

Муравьев-Амурский В. В. [Воспоминания] Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский. 1809–1909.

Окурenkova Н.В. К открытию «Историко-художественной выставки русских портретов» в Таврическом дворце в 1905 году». Таврические чтения, 2009.

Откуда у Камчатки имя?

О Камчатской земле издавна были известия, однако по большей части такие, по которым одно то знать можно было, что сия земля есть в свете; а какое её положение, какое состояние, какие жители и прочая, о том ничего подлинного нигде не находилось.

С.П. Крашенинников «Описание земли Камчатки»

Михаил ЖИЛИН

Топоним «Камчатка» с момента своего появления таит загадку. Пожалуй, ни одно географическое название на северо-востоке России не вызывало столько любопытства, не привлекало столько исследователей, как это. О его происхождении выдвинуто десяток гипотез, а споры о первенстве продолжаются более двух с половиной веков. Впервые оно появилось на «Общем чертеже Сибири» в 1667 году, в левом углу карты стоит надпись – Камчатка. А на «Чертеже всех сибирских городов и земель» 1698 года изображены река и большой «Остров Камчатой». После похода Владимира Атласова, собравшего многочисленные сведения о новой земле на северо-востоке, известный сибирский картограф С.У. Ремезов создал «Чертеж вновь Камчадальския земли и моря» (1700 г.). На нем Камчатка приобрела вид полуострова. В описях к другим картам говорилось, что живут на реке «неясашные камчадалы».

Во время Второй Камчатской экспедиции известный историк Сибири академик Герард Миллер, прибывший в Якутск в 1736 году, запросил у властей различные документы, «особливо о Камчатской земле, о тамошнем народе, кем и в котором годе та земля найдена...» Анализируя «письменные и устные сообщения», он пришел к выводу: «Хотя о происхождении названия Камчатка некоторые склонны говорить, что во времена занятия русскими земли среди камчадалов жил один видный человек, которого называли Кончат, однако, это недостаточно достоверно...» Более вероятно, что топоним пришел от коряков, которые жили на реке Олюторе и называли ее «Кончалю». Можно предположить, что «Камчатка» – это и есть искаженное в устах казаков «Кончалю».

Копию своей рукописи Миллер послал молодому исследователю С. Крашенинникову, который на боте «Фортуна» отправился из Охотска на полуостров, куда прибыл 28 октября 1737. В сопроводительном письме к рукописи о Камчатке Миллер предписывал Крашенинникову «освидетельствовать оное описание», и если в чем-либо явится «несходно и недостаточно, то оное исправить и пополнить».

Четыре года странствовал Крашенинников по неисследованному суровому краю, собирал сведения о географии, местных народах, вулканах и горячих источниках, животном мире и растительности. Невероятная по объему и материалам для одного человека научная работа – книга «Описание земли Камчатки» стала подлинной энциклопедией полуострова. Естественно, исследователь живо интересовался этимологией термина.

С некоторыми выводами Миллера Крашенинников согласился, многое пополнил в беседах с аборигенами, записал ряд версий и высказал свои суждения. В частности, он отмечал: «Некоторые пишут, аки был помянутой народ камчадалами от россиян прозван по реке Камчатке, которая до их еще приходу называлась Камчаткою, по имени славного воина Кончата, и аки бы россияне от тамошних язычников через знаки приметя, что великая оная река Коншатка по их именуется, всех тамошних жителей прозвали камчадалами. Но сие есть искусный вымысел и предрассуждение: 1) для того, что россиянам с камчадалами через знаки говорить не было нужды: ибо при них довольно было толмачей из сидячих коряк, которые камчатский язык совершенно знают; 2) что имя Хончат камчадалам неведомо; 3) а хотя бы того имени и был у них человек, то река не могла прозваться его именем: ибо камчадалы ни рек, ни озер, ни гор, ни островов именем людей не называют, но дают им имена по неким свойственным им качествам или по сходству с другими вещами; 4) что Камчатка река не Коншаткою, но Уйкуал, то есть большую рекою называется, как уже выше объявлено. А с чего коряки камчадалов зовут хончалю, о том хотя заподлинно объявить и нельзя, для того, что коряки и сами причины тому не ведают, однако не без основания думать можно, что хончалю есть испорченное слово из коочь-ай, что значит житель по реке Еловке, которая течет в Камчатку и Коочь называется».

Споры о происхождении названия продолжались

и в следующем веке. Исследователь В.П. Маргаритов в 1899 году предположил, что в основе его старинное казачье слово «камчатое» – прилагательное, характеризующее неровную, извилистую поверхность. Академик Л.С. Берг поддерживал версию о корякском слове, а позже согласился с этнографом Е.П. Орловой в том, что термин происходит от одного из самоназваний ительменов – «кчамзалх» (человек) и сходного с ним слова «ушкамжа» у Крашенинникова.

Японские ученые предложили свою версию, отталкиваясь от айских слов «каму» (рыба) и «сяцука» (сушить). Но вряд ли это утверждение состоятельно, поскольку айны (курилы) жили на самом юге полуострова и никогда не доходили в долину реки Камчатки. А в самой Японии, как известно, о Камчатке узнали лишь после открытия ее русскими.

Краевед В.И. Воскобойников в книге «Слово на карте» (1962 г.) приводит легенды коренных жителей полуострова. В одной из них фигурирует корякский богатырь Кончат, победивший в поединке врага и спасший свое племя. В другом сказании молодая пара Кам и Чатка бросились в реку из-за препятствий их любви.

«Являясь вершиной устного поэтического творчества, народные легенды показывают смелость, решительность, любовь к свободе народов Крайнего Севера, черты, унаследованные от предков. Но тайны происхождения слова «Камчатка» они, к сожалению, не раскрывают, – отмечает Воскобойников. – Ведь события в легендах о богатыре относятся к концу XVII века, т. е. к тому времени, когда наш северный край уже фигурировал на чертежах русских картографов как Камчатка или Камчадальская земля».

Поиски исследователей не ограничивались ительменским, корякским и русским языками. Педагог Н.А. Бондарева высказала оригинальное мнение, что название родом из якутского языка. В героическом эпосе «Олонхо» говорится о стране Камчааккытан, где обитают отменно красивые соболи. Но позже выяснилось, что якуты узнали о ней от русских.

Но вот в начале 1960-х годов привлекательную гипотезу предложил известный историк Борис Петрович Полевой: полуостров назван по имени казака Ивана Камчатого, получившего свое прозвище «по кафтанишку из камчатой ткани (камки)». Эта версия не подверглась серьезному критическому осмыслению, от автора ждали подкрепления фактами. Некоторые краеведы сразу приняли предположение за истину. Например, В.П. Кусков в «Кратком топонимическом словаре Камчатской области» (1967 г.) уже без всяких оговорок утверждает: «Камчатка – река, названа по фамилии русского казака И.И. Камчатого».

Прошло много лет, в 1997 году издана книга Полевого «Новое об открытии Камчатки», в которой повторяется «казачья» версия. К сожалению, весомых фактов читатели не дождалась, выводы по-прежнему базируются на предположениях. В списках казаков середины XVII века в районе Индигирки и Колымы исследователь обнаружил имя Ивашка Камчатый, и это стало основой его версии. Полевой оперировал тремя исходными данными

Маки. Фото Юрия Калинина. Фотоклуб «Камчатка»

Березовая дискотека. Фото Вячеслава Першина. Фотоклуб «Камчатка»

ми: сходство фамилии казака и топонима, предполагаемых маршрутах Камчатого на полуострове и идентичности названий полуострова и притока реки в системе Индигирки.

У каждого исходника зыбкий фундамент. Само по себе сходство в звучании слов не может служить доказательством их взаимосвязи. В истории множество случаев, когда фонетика вводила в заблуждение ученых. Например, река Лена получила свое имя не от Елены, как русскоязычному человеку проще всего подумать, а от эвенкского слова «елюенэ» (Большая река). А река с эвенским названием Охат (Окат) стала в русских устах Охотой, а от нее получило название и море.

Рассуждения Полевого о маршрутах Камчатого со товарищи не содержат фактов, доказывающих, что он побывал на реке в центре полуострова, а попытки логически обосновать вероятность этого неубедительны. Он пишет, что Камчатой «пытался проникнуть в район, где имелась моржовая кость, нет сомнений в том, что он ходил к Берингову морю...». А также: «Если мы вспомним, что еще М.В. Стадухин, проплыв от устья Пенжины до устья Охоты, указывал, что на Охотском море «кости рыба зуба нет», то станет очевидным, что казаки с Чендонского зимовья действительно прошли через Парень и низовья Пенжины и оттуда к северной части полуострова Камчатка и там по традиционному пути, с реки Лесной перешли на Карагу и далее на берег Берингова моря».

Допустим, что Камчатой все же достиг побережья. Дальнейший маршрут автор конструирует совершенно произвольно: «Не сумев найти моржовую кость, он (Камчатой) отправился искать новых «неясашных» мужиков. Вероятно, именно тогда он и узнал о существовании большой реки, которая в дальнейшем стала называться русскими по его прозвищу рекой Камчаткой». То есть от тезиса, что маршрут Камчатого неизвестен, автор строит гипотезу, из которой делает однозначный вывод.

Подобных умозрительных конструкций в книге немало. Цитата: «После успешных походов Камчатого этими районами очень заинтересовался его начальник Федор Чюкичев». Как должен поступить заинтересованный начальник? Пойти и проверить, то есть повторить путь на побережье Берингова моря и к Большой реке (Камчатке). Но: «Весной 1660 г. он (Чюкичев) уговорил колымское начальство вновь послать его и Ивана Камчатого на Омолон, Чендон и другие соседние реки...», то есть в местность в 2 тысячах километров от реки Камчатки, туда, где уже собирали ясак. Летом 1660 года, пишет Полевой, Чюкичева с отрядом видели на реке Пенжине, а затем, согласно донесению колымского приказного в Якутск: «...з Блудной реки Федька в 1661 году не выплыл. Посланные на поиски юкагиры сообщили: «... были де на верх Блудной реки у ясашного зимовья, где были служилые люди убиты все, зимовье стоит пусто, а тела мертвы лежат на улице...».

Блудной называли за меняющееся русло реку Омолон. Из приведенных примеров ясно видно, где собирали ясак Чюкичев и Камчатой. Но Полевой не обращает внимания на совокупность приводимых в его же статье фактов, а делает вывод, что зиму 1660/61 года группа Чюкичева – Камчатого могла провести на реке Никул,

притоке Камчатки. Чтобы добраться с Колымы и Омолона до реки Камчатки, нужны лодки для сплава и вьючные животные. К тому же путь проходит через земли юкагиров и коряков, с которыми у казаков порой возникали стычки. А если все же допустить, что группа Чюкичева все равно побывала на реке Камчатке, то нет ответа на простой вопрос: кто и как узнал об этом, если вся группа была перебита на Омолоне?

Третий аргумент Полевого – о том, что в середине XVII века по фамилии Камчатого названы маленькая речка в бассейне Индигирки (Якутия), а затем Большая река и полуостров, тоже слабый. Ведь этот казак ничем не отличился. Да, реки иногда называли в честь конкретных людей – Зырянка, Ожогина, Падериха (Бодяриха, правым притоком которой и является маленькая Камчатка), но неизвестно, при жизни ли. Во всяком случае, в донесениях Чюкичева их нет. На картах оставались имена тех казаков, которые подолгу промышляли пушных зверей или погибли там, а вот упоминаний Дежнева, Стадухина, Атласова и других известных землепроходцев нет. Чем же заслужил Ивашка Камчатый такую славу?

Скорее всего, корни топонима – в первых контактах русских землепроходцев с коренными жителями северо-восточной Азии. За несколько лет до исторического плавания Семена Дежнева – Федота Попова (1648 г.) казаки слышали о богатом пушным зверем крае. «О камчатской земле издавна были известия, однако по большей части такие, по которым одно то знать можно было, что сия земля есть в свете», – писал Степан Крашенинников.

О степени тогдашнего представления о полуострове красноречиво свидетельствуют первые карты. На одной из них название Камчатка помечено на материке рядом с Амуром и впадает в Восточное море. На другом листе у берегов изображен остров Камчатой. На третьем – полуостров, но в искаженном виде. Все говорит за то, что составлялись эти карты скорее всего не по рассказам очевидцев, а на основании сведений из вторых-третьих уст.

Любопытные слова находим в пояснительных записках к картам, на которых изображены реки: «...а против той Камчатки столп каменный высок гораздо». Не вулкан ли? Наверняка. Только он мог потрясти воображение путников и в памяти отложился «столп каменный». Действительно, из устья реки видна возвышающаяся каменная громада Ключевского вулкана. Правда, в других описаниях «чертежа» Сибири говорится о «высоком без меры» «каменном столпе», что он «вышел из моря». Но никаких других подобных «столпов» возле устья реки нет. Не исключено, что и здесь сведения получены из вторых-третьих уст.

До похода Владимира Атласова представление о полуострове было неопределенным. Его называли то «Носом на полдень», то «Носом в теплое море», то «Ламским носом». И только в конце XVII века его стали именовать «Камчатский нос», а позже и Камчатка.

Крашенинников замечает: «Ни на каком тамошнем языке никакого нет ему общего названия, но где какой народ живет, или где какое знатнейшее урочище,

Ключевской. Фото Юрия Калинина. Фотоклуб «Камчатка»

по тому та часть земли и называется. Самые камчатские казаки под именем Камчатки разумеют токмо реку с окрестными местами. Впрочем, поступая по примеру тамошних народов, южную часть камчатского мыса называют курильской землицею, по живущему там курильскому народу».

Отметим: на огромной северо-восточной территории Азии нет ни единого примера, чтобы река дала название обширному краю. А вот способ образования географических имен от названий народностей был распространенным. Река Индигирка, например, получила

название от племени, которое там жило – индигир или индагир. По имени якутов названа Якутия, по названию чукчей – Чукотка.

Проникая в неизвестные места на северо-восток, русские «служилые и промышленные люди» узнавали названия новых племен от их ближайших соседей. На основе их сведений складывались первоначальные географические представления о районах, в которых те жили.

Обратимся снова к наблюдениям Крашенинникова: «Впрочем, довольно видеть можно всякому, что мы ни

одного народа собственным его именем не называем, но по большей части таким, каким они назывались от соседей, которые прежде от России завоеваны были, придав имени их свое окончание и несколько испортив. Таким образом камчадалов называем мы по коряцки, ибо камчадал от коряцкого хончала происходит, курильцев по камчатски...»

Действительно, северные народности получали свои названия от ближайших соседей. Якуты, например, от эвенков, которые именовали их экэ. К этому слову добавился суффикс «т», означающий множественное число («екэ» плюс «т» образовало «якуты»). Юкагиры называли своих соседей не их собственными названиями – лоураветланы и нымыланы, а чукчи и коряки. При этом в названии запечатлевалась какая-либо характерная особенность то ли внешнего вида, то ли быта, то ли местности. Так эвено-эвенкийские племена называли юкагиров, которые ездили на собаках, индигир (индагир), что означало собачий род.

В долине реки Уйкоаль (Камчатки) жили ительмены. Их северными соседями были коряки и чукчи. Какую же характерную черту, бросающуюся в глаза, выделяли они у ительменов?

Магаданский этнограф Владилен Леонтьев пишет: «В прошлом у ительменских женщин был обычай носить большие парики, и чем парик был массивнее и солиднее, тем больше почиталась женщина». Эта особенность не ускользнула от внимания Крашенинникова: «А у которых волосы малы, те парики объявленным образом зделанные носят, которые весом бывают до десяти фунтов, и голову сенною копною представляют...»

Вот за этот обычай и могли чукчи и коряки назвать ительменов «камчалавтылгыт» (чукот.) и «камчалавтылгу» (коряк.), что значит лохматоголовые, кудрявые, косматые. Но не только этим обращали на себя внимание ительмены. Их традиционная одежда, сшитая из «собачьих кож, из соболей, лисиц, евражек и из каменных баранов» с пушистыми опушками по вороту, капюшону, рукавам, подолу и разнообразными кисточками казалась пушистой, лохматой. Отсюда могло возникнуть и более сокращенное название «камчалгыт» (чукот.), «камчалгу» (коряк.) и в единственном числе «камчалгын» и «камчалъо», что значит лохматый, косматый. Вспомним, что на одном из листов «Чертежной книги» С. Ремезова рядом с изображением реки Камчатки – еще до Атласова – была надпись: «А живут по ней не яшашные камчадалы, платье на них собачье, и соболе, и лисье...» Очевидно, до составителей чертежей все же доходило по рассказам отдельные признаки народности, живущей там. Вполне возможно, что русские и услышали вначале от коряков и чукчей название «хончало», «камчалъо», «камчалгын» и от этих этнонимов образовались слова «камчадалы» и «Камчатка».

Научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Н. Старкова, ительменка, исследовавшая материальную культуру своего народа, в статье в сборнике «История, социология и филология Дальнего Востока» (1971 г.) поддерживает толкование топонима Миллером и Крашенинниковым: «Весьма вероятно, что в образовании слов «Кам-

чатка, камчадал» участвовало не одно лишь корякское название кончало, кончаток, а еще какие-либо созвучные с Камчаткой термины, которые могли как-то подчеркивать характерные черты страны или ее народа. Так, например, нам известно ительменское слово кымчал – вид юколы».

Такое же слово «кымчал» сообщил автору научный сотрудник Камчатского отделения ТИПРО А. Остроумов. Оно бытовало в 50–60-е годы XX века у камчадалов в долине реки Камчатки и обозначало «жир, капающий с лосося».

Учеными обнаружены в ительменском языке слова, созвучные исследуемому топониму. И.И. Огрызко приводит слова «камчачу», что значит «мыс». Это же слово имеется в рукописи С.П. Крашенинникова с пометкой, что ительмены называли мыс Лопатку «комчачу», то есть продолжение. Этнограф Е.П. Орлова приводит слово «кчамзалх» (человек) и множественное число – «кчамзален».

Новый взгляд на происхождение названия полуострова представил научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН доктор филологических наук А.А. Бурыкин из Санкт-Петербурга. До сих пор топоним рассматривался в основном с исторической точки зрения. Бурыкин впервые провел лингвистические исследования в комплексе с историческими, географическими и этнографическими источниками.

Исходными точками стали выделенные автором несколько бесспорных лингвистических фактов, связанных с происхождением топонима. Цитата:

«1. Сообщения С.П. Крашенинникова о том, что оленные коряки называли ительменов хончала, хончало, хотя «и сами причины тому не ведают»; таким образом, камчадалов называем мы по-коряцки, ибо камчадал от коряцкого хончала происходит». Данный этноним – название ительменов, бытующее у оленных коряков, существует как факт и требует к себе внимания, при этом его связь с происхождением топонима Камчатка фактически неоспорима – кроме прямых свидетельств XVIII века на нее указывает очевидное сходство слов.

2. Очевидный факт, что название ительменов «камчадалы» явно не русского происхождения, так как в русском языке суффикс названий народов -дал отсутствует. Компонент -дал вычленяется в слове «камчадал» только по аналогии с названием Камчатка. В статье Б.П. Полевого сказано, что не вполне ясно, каким образом из названия Камчатка могли возникнуть слова «камчадал» и «камчадалка», однако в примечаниях оговорено, что эта фраза вставлена в текст статьи вопреки желанию автора, и разъяснение происхождения этнонима «камчадал» будет дано автором в XXIV выпуске сборника «Страны и народы Востока». К удивлению заинтересованных и заинтригованных читателей, в названном выпуске сборника «Страны и народы Востока» такой статьи Б.П. Полевого нет. Сказать, что этноним «камчадалы» связан с названием местности Камчатка, значит ничего не сказать: от названия местностей на северо-востоке Азии образовано множество этнонимов-названий территориальных групп, причем такая закономерность характерна для многих языков, не состоящих в родстве друг с другом.

3. Сообщение Я. Линденау о том, что коряжки камчадалов называют кончалал [Kontshalal], то есть люди, которые живут на конце, а саму Камчатку называют Кончанут [Kontschanut]. Судя по конечному «л» этноним «кончалал» мог быть записан Я.И. Линденау от эвенов. Форма «кончанут» достаточно прозрачна и понятна – компонент «нут» отождествляется с чукотско-корякским словом нутэ-нут «тундра», «земля», «край», следовательно, первая часть такого названия – Конча – соотносится либо с названием местности, либо с какой-то ее характеристикой...».

Автор проанализировал повторяемость топонимов, соотносимых с географическими названиями, и пришел к выводу: «Среди географических названий на северо-востоке наиболее сходным с названием Камчатка оказывается название Канчалан, которое носят несколько объектов – река, лиман, залив и поселок на Чукотке поблизости от устья реки Анадырь. Названия Камчатка и Канчалан настолько сходны друг с другом, что при явном тождестве языковой основы – чукотский и корякский языки принадлежат к одной группе – общность языкового источника и общность происхождения названия Камчатка и названий реки, лимана, поселка Канчалан практически неоспорима. Следовательно, название Камчатка определено имеет чукотско-корякское происхождение».

Далее Бурыкин пишет: «Название Канчалан объясняется самими чукчами – жителями города Анадыря – из чукотского к'онтылян или к'унчычен, «один переход, одна кочёвка». Скорее всего, форма хончало, приводимая Крашенинниковым, воспроизводит корякское слово к'ончалг'о – живущие на расстоянии одного перехода. По-чукотски то же самое слово должно выглядеть как к'ончалыт, и оно, как указано выше, реально существует – это название территориальной группы канчаланских чукчей, бытующее у их соседей. Таким образом, название ительменов «камчадалы» выводится из корякского к'унчычелг'о, к'онтылялг'о (по-чукотски те же формы должны выглядеть как к'унчычельыт, к'онтылялыт) – живущие на расстоянии одного перехода, одной кочевки. А название Камчатка – из корякской формы направительного падежа к'ончайтын' и соответствующей чукотской формы – к'ончагты' (на одну кочёвку, на расстояние одного перехода). Здесь же можно добавить что «патронимия Ханчалан существует среди эвенов, живущих в пос. Гижига Северо-Эвенского района Магаданской области и в наши дни, причем эта семья имеет корякское происхождение».

Бурыкин проанализировал «Общий чертеж Сибири» 1667 года и обратил внимание на существенную деталь. На пространстве между Амуром и устьем Лены помечено название «Качатка» (при том, что непонятно значение буквы «м» сверху слова – то ли это пропущенная буква в слове «камчатка», то ли обозначение какого-либо географического объекта). Однако перед названием отсутствует буква р – «река», которая сопровождает все другие гидронимы. Возможно, считает исследователь, что это название наносилось на карту без твердой уверенности, что оно связано с рекой. Уж во всяком случае, можно смело утверждать, что тот, кто обозначил

эту реку на карте, понятия не имел, где она находится – ориентиры для более точного определения месторасположения реки Камчатки на названной карте отсутствуют. На карте 1701 года название Камчатка и Камчатой Нос встречаются в нескольких местах. «Что это за странное наименование, встречающееся в самых разных местах и привязываемое к конкретной реке или полуострову лишь в сознании современных ученых?» – спрашивает автор и поясняет: на момент появления русских землепроходцев между ними и местным населением существовал языковой барьер. В таких условиях за название реки, мыса, горы, поселения можно было принять что угодно, в том числе и название ближайших соседей, и расстояние до соседней реки или поселения. Именно поэтому корякское слово хончало и не было растолковано.

Предметом поисков историков и географов был этноним – название какого-нибудь народа, а вместо него оказалось обнаруженным заместительное наименование – «ближайшие соседи, до которых один переход».

Ещё сложнее было с языком ительменов-камчадалов. Владимир Атласов сообщает в «Скаске»: «И с теми камчадалыцы всякую речь, о чем русским людям доведется говорить, говорят коряцким языком ясыри, которые живут у русских людей. А он, Володимер, по коряцкому и камчадалскому языку говорить ничего не знает». Бурыкин обращает внимание, что С.П. Крашенинников зафиксировал еще одно название, которое, судя по всему, является общим по значению с названием Камчатка. Он писал о коряках, живущих на острове Карагинском: «На помянутом острове живут коряки, которых, однако, прочие за свой род не признают, но называют их Хамшарен, то есть собачьим отродьем...». Сходство этого слова с корякскими словами к'ончалг'ын (живущий на расстоянии одной кочевки) и к'онча-ран (жилище, находящееся на удалении в одну кочевку) очевидно. Этот остров действительно расположен достаточно близко от полуострова.

Автор приводит документы 1668–1670 годов, где фигурируют написания Кончатка и Комчатка, и заключает: «Форма Кончатка наиболее близка к ее возможному произношению в языке-источнике». Добавим: в русском языке были слова, созвучные с употреблявшимися северными народами. В Толковом словаре Даля есть слова камчатка, камчатник. Так называлась полотняная узорчатая ткань, идущая на скатерти и полотенца.

Получая сведения от коренных северных жителей – юкагиров, чукчей, коряков, казаки воспринимали незнакомые термины и слова на свой лад. Они произносили их так, как было привычно и удобно им. Трансформируясь, слова приобретали порой новые понятия. Так слова «канчалан» (живущие на расстоянии одного перехода, одной кочевки), в восприятии казаков стали обозначать народ, живущий по соседству с коряками. Его стали звать камчадалами. Позже выяснилось: эти жители называли себя ительменами. Большую реку казаки стали называть Камчаткой, а местность, где жили ительмены, Камчадалской землей. Южную же часть полуострова, где жили курилы (айны), они называли «Курильская земля».

История семьи Огарковых

Дмитрий КАРЧЕВСКИЙ,

правнук Федора Васильевича Огаркова
(Комсомольск-на-Амуре)

В XIX веке российское купечество в России в основном торговало продукцией собственного производства, чем выгодно отличалось от большинства современных предпринимателей. Купцы активно участвовали в общественной жизни, становились меценатами и попечителями сиротских приютов, учебных заведений, всевозможных обществ. Впрочем, в России купечеству благотворительность была присуща испокон веков. Деловые люди строили церкви, школы, больницы, библиотеки, делали пожертвования в городскую казну на развитие и обустройство своих городов. А нередко коммерческая деятельность совмещалась с выборными должностями на государственной службе. Все это напрямую относится к купеческому роду Огарковых. Речь пойдет о наиболее ярком его представителе – Федоре Васильевиче Огаркове, который занимал должность городского головы в Усмани Тамбовской губернии, а также о его семье, ближайших друзьях и знакомых.

Ф.В. Огарков, городской голова г. Усмани
с 1899 по 1918.
Усмани Тамбовской губернии. 1912–1915

Судьба Федора Васильевича, его семьи схожа с судьбами многих из тех, кому выпало прожить на рубеже веков, когда рушилась старая власть и надвигались серьезные перемены, – так же счастлива и трагична. В сохранившихся дневниках Федора Васильевича подробные сведения о его жизни, и сегодня этот исторический документ бесценен. Вот как он описывает своего деда: «Наш дед, Федор Михайлович, был оригинальный человек. Энергичный, с американской складкой. Затеивал широкие коммерческие предприятия, часто прогорал, вновь воскресал... Брал много казенных подрядов... В заключение в коммерческих целях выстроил тюрьму!.. И сдавал ее правительству в аренду...»

В семье кроме Федора Васильевича были еще три брата – Василий, Павел, Александр и три сестры – Мария, Наталия, Клавдия. От отца Федору Васильевичу перешел кожевенный завод, но сам он всегда мечтал об общественной деятельности, поэтому первым крупным вкладом на благо своего города стало его участие в

Федор Васильевич Огарков с первым внуком Андреем Карчевским. Мытищи Московской обл. 29.06.1930

ЗНАКИ И СИМВОЛЫ НАШЕЙ ИСТОРИИ

Купеческое чаепитие на природе.

Слева на переднем плане Павел Васильевич Огарков, за ним на заднем плане писатель Александр Иванович Эртель, его зять. Усмань, 1903 (1904)

Игра в преферанс.

Слева направо: секретарь уездного присутствия Иван Алексеевич Прозоровский, врач Филарет Иванович Хрущев, врач Григорий Акимович Гончаров, купец 2-й гильдии Василий Федорович Огарков (отец Ф.В.Огаркова). Дом Ф.В.Огаркова. Усмань Тамбовской губ. 1902 (1903)

устройстве городской библиотеки. И сейчас на родине Федора Васильевича есть люди, которые чтут память о нем, с уважением относятся к этой странице истории города. Воспоминания самого Федора Васильевича Огаркова можно прочитать в его дневниках «Детство», «Служба в 112 Тамбовском полку», «Из давно минувшего» и «Мелочи жизни», которые размещены на авторском историко-биографическом сайте Андрея Ивановича Шингарева (<http://ibyu.narod.ru>).

Воспитанный на доброте и уважении к людям, Федор Васильевич уже в юности был нетерпим к несправедливости и унижению в какой-либо форме. Ему претило подавление личности грубой силой. Учась в реальном училище, он был вхож в молодежный нелегальный кружок политического направления и, не имея достаточного опыта, слепо верил в непогрешимость его лидеров. В его представлении именно так должны были выглядеть бесстрашные борцы за справедливость и права угнетенного народа. Эти взгляды и убеждения окрепли в годы студенчества. Во время учебы в Горном институте Санкт-Петербурга Федор Огарков без колебаний участвовал во всех акциях студентов, митингах, шествиях, собраниях, посвященных различным значимым событиям и людям. В итоге он попал под полицейский надзор. Все это еще не раз отразится на его дальнейшей общественной карьере – и в утверждении на должность городского головы, и в запрете различных общественных мероприятий, предлагаемых по его инициативе, и на многом другом...

Большое влияние на формирование взглядов и жизненную позицию Федора Васильевича еще в детские годы оказал старший брат, тоже студент Горного института, Василий Васильевич Огарков. Впоследствии горный инженер, дослужившийся до действительного статского советника в земельно-заводском отделе Кабинета Его Императорского Величества, Василий Васильевич Огарков стал писателем, автором биографических повестей в серии Флорентия Павленкова ЖЗЛ и

Семья писателя.

Слева направо на переднем плане: сестра жены В.В.Огаркова, купец 2-й гильдии Василий Федорович Огарков (отец Ф.В. и В.В. Огарковых), Василий Васильевич Огарков (писатель, старший брат Ф.В.Огаркова). За ними дочери В.В. Огаркова – баронесса Екатерина Васильевна Остен-Сакен и Наталия Васильевна Огаркова. Село Плавица Усманского уезда. 15 июля 1907 г.

Основатели народного театра в с. Никольском врач Константин Константинович Соколов и его жена Зинаида Сергеевна, урожденная Алексеева (сестра К.С.Станиславского). 1899 (?).

ряда произведений для детей. Студенческие друзья, а позже знакомства и общество с именитыми писателями открыли Федору Васильевичу более широкое толкование некоторых жизненных принципов, помогли расставить приоритеты как в нравственном, так и в культурном аспекте.

Благодаря брату он познакомился с художником Николаем Ге, литературным критиком Николаем Константиновичем Михайловским, публицистом С.Н. Южаковым, писателями Д.Н. Мамин-Сибиряком, Г.А. Мачтетом, П.В. Засодимским, философом В.В. Лисевичем, драматургом И.Г. Потапенко. В студенчестве судьба его сводила с не менее известными людьми – общественным деятелем и писательницей А.Н. Тюфяевой-Таливеровой, артистом Стрепетовым, детским писателем Н.А. Соловьевым-Несмеловым и другими. Особое место в его жизни занимала дружба с земским врачом, политическим деятелем, а позже министром Временного правительства первой коалиции Андреем Ивановичем Шингаревым. Отношения соратников по партии кадетов (КД – конституционные демократы) переросли в дружбу их семей. Открытость, добропорядочность, упорство, амбициозность, единство во взглядах, а также одержимость в желании помочь, облегчить жизнь своему народу – все это объединяло их.

Своим другом Федор Васильевич считал и секретаря Воронежской городской управы Ивана Алексеевича Прозоровского – члена так называемого кружка Федотова. Иван Васильевич Федотов, книголюб-библиофил, владелец большой библиотеки, которая впоследствии была передана в дар городу, сплотил вокруг себя группу молодых людей с прогрессивными взглядами. В связи с этим И.А. Прозоровский был подвергнут полицейскому надзору как неблагонадежный. Впрочем, неблагонадежными в полицейских отчетах фигурировали почти все Огарковы, а также их зять Александр Григорьевич Сукачев, городской и земский деятель, попечитель, крепкий хозяйственник.

Пасха в доме Ф.В.Огаркова. Слева направо: Ольга Огаркова, за ней сбоку сам Федор Васильевич, священник (вероятнее всего, протоиерей Василий Сергиевский), Освальд Давидович (фамилия неизвестна), Александр и Василий Огарковы. Усмань. 1914 (1915)

В сарае за дровами. Шура и Вася, сыновья Ф.В.Огаркова, с дворником Иваном. Дом Ф.В.Огаркова в Усмани, 1902

ЗНАКИ И СИМВОЛЫ НАШЕЙ ИСТОРИИ

Крокет. Слева направо: Ольга и Александр, дети Ф.В. Огаркова, Георгий, сын А.В.Огаркова, Василий, старший сын Ф.В. Огаркова, Наталия, дочь А.В.Огаркова, Георгий, младший сын Ф.В.Огаркова, и Никита, крестьянский паренек. Егоровка. 1913

Еще до вступления в должность городского головы Федор Васильевич отличался в делах, связанных с благотворительностью. Во время голода 1892 года в Тамбовской губернии он оказывал помощь крестьянам ближайших поселений: организовывал сбор средств, занимался устройством бесплатных столовых, закупкой кормов для лошадей, скота. Для поддержки населения устраивал народные чтения. В этом ему помогала его сестра Клавдия Васильевна – Капочка, как ласково называли ее все. Помогал жителям сел в борьбе с голодом и зять Федора Васильевича Александр Иванович Эртель. Русский писатель, знавший крестьянский быт изнутри, он умело освещал его в своих произведениях. Творчество

Эртеля высоко оценивал Лев Толстой, хорошо о нем отзывались А.П. Чехов и И.А. Бунин.

Через своего зятя Федор Васильевич был знаком с Владимиром Григорьевичем Чертковым, близким другом Льва Николаевича Толстого, который в свое время очень помог с поставкой литературы для устройства библиотечного дела. Благодаря Эртелю семья Огарковых познакомилась с замечательными людьми – семьей Соколовых. По велению сердца чета Соколовых, продав имущество и свою московскую квартиру, добровольно поселилась в селе Никольском. Врач-хирург Константин Константинович стал земским врачом, а Зинаида Сергеевна (сестра К.С. Станиславского) занималась просвещением. Организовав кружок рукоделия среди сельских женщин, она взяла на себя продажу их изделий. Соколовы на свои деньги построили две школы, проявили активность в помощи населению в голодные годы. Прославились они тем, что организовали первый народный театр. Кроме них самих в спектаклях участвовали жители Никольского. Труппа пользовалась большим успехом не только у земляков, но и в Усмани, Воронеже и других местах, куда выезжала со спектаклями. Театр в Никольском по праву считался старшим братом знаменитого МХАТа, так как был создан раньше. Он живет и здравствует и в наши дни.

Многие из этих встреч с замечательными людьми запечатлены в доме Огарковых супругой Федора Васильевича Елизаветой Федоровной, обладательницей фотографического аппарата. И благодаря ей и сохранились до наших дней сюжеты из прошлой эпохи...

Эти редкие снимки предстали на выставке в галерее современного искусства «Метаморфоза» в Комсомольске-на-Амуре. В экспозиции не использовались работы салонных фотографов, но именно погрешности и шероховатости любительской съемки добавляют естественности и непосредственности этим фотографиям.

Выставка, посвященная Огарковым, вовсе не о заслугах Федора Васильевича на посту городского головы. Рассказывая о нем и его семье, мы хотели показать, как формировался образ жизни этого человека и его окружения. Поводом же послужило приближающееся в 2016 году 150-летие со дня его рождения.

Русская забава – гигантские шаги. Дети Ф.В. Огаркова с друзьями и прислуга. Егоровка Усманского уезда. 1907 (1908)

ДОМ НАРОДНОГО
ТВОРЧЕСТВА

О России поем...

Я землей своей доброй горжусь!
Н.С. Скрипка

Александра КОРТЕЛЕВА

Патриотическое воспитание жителей Хабаровского края всегда было одним из актуальных направлений деятельности Краевого научно-образовательного творческого объединения культуры.

Евгения Баннова

Вячеслав Бояринцев, рядовой
в/ч (Хабаровск)

Каждый год проводится большое количество мероприятий, посвященных памятным, юбилейным и праздничным датам в истории России и края – театрализованные и тематические концертные программы, акции, выставки и, конечно, фестивали и конкурсы. Особое место в этом списке занимает региональный фестиваль-конкурс патриотической песни «Россия – великая наша держава».

Фестиваль проводится с 2006 года, и его главная цель – повышение интереса к произведениям гражданско-патриотической тематики, развитие чувства гордости, уважения и любви к национальным российским ценностям, формирование гражданско-патриотической позиции у молодого поколения. Вдохновителем, бессменным организатором, сценаристом и режиссером фестиваля-конкурса до недавнего времени был Николай Савельевич Скрипка – человек с активной жизненной позицией, режиссер с большим организационным и творческим опытом, чутьем на творческий потенциал

Образцовый хор народной песни «Млада» МАУ ДОД «Дворец творчества детей и молодежи «Северное сияние» (Хабаровск).
Обладатель Гран-при фестиваля-конкурса 2015 года. Художественный руководитель – Т.В. Митрофанова

исполнителей. Многие участники фестиваля впоследствии становились исполнителями режиссерских замыслов Николая Савельевича в рамках краевых торжественных вечеров, концертов и театрализованных представлений. Сам он понимал, что фестиваль – это живой организм, а значит, должен постоянно меняться.

Конечно, за эти годы у фестиваля «Россия – великая наша держава» сложилась своя история. До 2008 года он проводился совместно с региональным отделением Всероссийской партии «Единая Россия», а затем его учредителем выступило министерство культуры Хабаровского края, организатором КГАУК «КНОТОК». Именно в этот год фестиваль приобрел и нынешнее название, а с 2010-го стал проводиться на конкурсной основе в разных городах Хабаровского края. Три года назад фестиваль-конкурс проходил в Комсомольске-на-Амуре, назывался «Надежда» и был посвящен 80-летию города и творчеству А.Н. Пахмутовой. Тогда же, в 2012-м, он получил статус регионального.

По положению в конкурсе принимают участие любительские творческие коллективы предприятий, образовательных и иных учреждений и юридических лиц (за исключением учащих музыкальных школ и специализированных лицеев, училищ и колледжей искусств), солистов, авторов-исполнителей, молодых творческих семей муниципальных образований края, военнослужащих и членов их семей, воинов запаса, представителей других силовых структур, членов патриотических объединений и клубов. Возраст участников от 15 до 55 лет. Номинации – сольное пение, малые во-

кальные формы, вокальные ансамбли, хоровые коллективы, авторы-исполнители. С 2013 года добавилась номинация «Литературно-музыкальные композиции».

Обязательное условие для всех участников – исполнение вокальных и литературных произведений по темам «Мы в России живем, о России поем» (песни гражданско-патриотической тематики), «На подвиги героев держим равнение» (песни Великой Отечественной войны); «Родина. Армия. Долг»

Церемония открытия. Концертный номер «Амур – моя судьба» в исполнении автора Ларисы Игловикиной (Амурск) и образцового хореографического ансамбля «Калейдоскоп» (Хабаровск)

(песни периода военных действий в Афганистане и Чечне, солдатские песни), «Где я появился на свет» (песни о малой родине). В разное время членами жюри фестиваля-конкурса были заслуженный артист РФ, поэт-песенник, исполнитель А.В. Заев (Хабаровск); заслуженный работник культуры РФ хормейстер В.И. Усова (Комсомольск-на-Амуре); доцент кафедры сольного пения и оперной подготовки ДВГАИ Е.А. Глушенко (Владивосток); заслуженный работник культуры РФ, преподаватель эстрадного вокала И.Ю. Натапова (Биробиджан); заслуженный артист РФ, артист Хабаровского краевого театра драмы и комедии Е.И. Путивец (Хабаровск); народная артистка России Л.В. Сафонова, директор Дома народного творчества КНОТОК, лауреат премии Правительства РФ «Душа России», заслуженный работник культуры России В.М. Данилова.

Помимо общего названия для фестиваля каждый раз создавались тематические названия-девизы: «Мы эту землю Родиной зовем», «Аист на крыше», «Мы поем о Комсомольске», «Амур – моя судьба», «Русь моя – край березовый» и другие; это было связано с событием и территорией проведения. Традиционной остается программа фестиваля, включающая торжественные церемонии, конкурсные просмотры, мастер-классы по секциям, круглые столы, выездные концерты в воинских частях и домах ветеранов. Главное событие – гала-концерт участников фестиваля-конкурса, в котором традиционно выступают не только победители, но и те, кто не сумел занять призовые места, но представил яркие концертные номера. Изюминками торжественных церемоний становятся специально подготовленные вокально-хореографические композиции, а гала-концерт всегда завершается определенной, тематической песней, которую исполняют все участники фестиваля.

В реализации творческих замыслов режиссера (Н.С. Скрипки, П.С. Малеева) принимают участие творческие коллективы и исполнители, с которыми сложилась большая творческая дружба. Среди них образцовый хореографический ансамбль «Калейдоскоп» ЦЭВД «Сказка» (Хабаровск, руководитель О.В. Богданова), солистка ансамбля песни и пляски Пограничного управления ФСБ России Ольга Петроченкова, Олеся Шитикова, образцовый театр песни центра детского творчества «Гармония» (Хабаровск, руководитель заслуженный работник культуры РФ З.Б. Масайтене, концертмейстер М.Ю. Ковтун), народный коллектив самодеятельного художественного творчества хор «Русская песня» социально-культурный центр «ЛАД» (пос. Мухен района им. Лазо, руководитель С.В. Фелелова), заслуженный коллектив народного творчества РФ народный ансамбль «Камышинка» (поселенческий Дом культуры с. Камышовка Смидовичского района Еврейской автономной области, руководитель заслуженный работник культуры РФ Н.И. Марундик), вокальный ансамбль «Шанс» (Дом культуры «Юбилейный» района имени Лазо, руководитель И.В. Демченко) и другие.

В июне нынешнего года в рамках реализации постановлений Правительства РФ и Хабаровского края о патриотическом воспитании в Концертном зале Хабаровской краевой филармонии состоялся Девятый региональный фестиваль-конкурс патриотической песни «Россия – великая наша держава». Он посвящен двум датам – 70-й годовщине победы в Великой Отечественной вой-

не и 25-летию со дня принятия Декларации о суверенитете России. Участниками стали 170 человек из Хабаровска, Комсомольска-на-Амуре, Амурска, Хабаровского района, района им. Лазо, Солнечного района, а также Смидовичского района Еврейской автономной области – авторы-исполнители, любительские коллективы, вокальные ансамбли и хоровые коллективы из домов культуры и центров творчества, высших и средних учебных заведений, воинских частей и силовых структур. Вокальное мастерство оценивало жюри, в которое вошли проректор по творческой, социальной и воспитательной работе ХГИИК, доцент кафедры хорового дирижирования и народно-хорового искусства, художественный руководитель Дальневосточного молодежного народного хора О.В. Павленко; хормейстер КНОТОК, хормейстер ансамбля песни и пляски Восточного военного округа Т.Л. Коваленко; начальник оркестра штаба Восточного регионального командования внутренних войск МВД РФ, майор Т.Г. Юричин; режиссер, специалист по жанрам Дома народного творчества КНОТОК И.А. Тарасова и председатель жюри – музыкальный руководитель зрелищных мероприятий Санкт-Петербургского университета МЧС России, коуч-тренер по эстраднему пению Санкт-Петербургского филиала вокальной лаборатории «Мелоди» (voicelab Melody) Е.Э. Отинова-Ордина (Санкт-Петербург).

По итогам конкурсных прослушиваний вручены дипломы III, II, I степеней. Лауреатами фестиваля-конкурса в номинации «Сольное пение» (возрастная категория 15 – 19 лет) стали Арина Чепала и Максим Демидов (Дом культуры «Юбилейный» пос. Переяславка района имени Лазо Хабаровского края, руководитель И.В. Демченко). В номинации «Малые вокальные формы» (возрастная категория 19–40 лет) – вокальный дуэт ансамбля русской песни «Марома» в составе Елены Степановой и Марии Филоненко (Дом культуры для молодежи и населения г. Хабаровска) и вокальный ансамбль «Шанс» (Дом культуры «Юбилейный» пос. Переяславка района имени Лазо Хабаровского края, руководитель И.В. Демченко). В номинации «Вокальные ансамбли» (возрастная категория 15–19 лет) – образцовая вокальная студия «Серебряная нотка» (МАО ДОД ДЮЦ «Восхождение» г. Хабаровска, руководитель В.В. Макаревич). В номинации «Авторы-исполнители» – Владислав Поручёнков (Хабаровский строительный техникум, руководитель Н.А. Коновалова). Обладатель Гран-при – образцовый хор народной песни «Млада» (Дворец творчества детей и молодежи «Северное сияние» г. Хабаровска, руководитель Т.В. Митрофанова, хормейстеры А.С. Фролова, О.Н. Сапрыкина, концертмейстер В.И. Дижевский). Этот коллектив выступал в номинации «Хоровые коллективы» (возрастная категория 19–40 лет).

Яркими выступлениями вновь порадовали ребята из Хабаровского строительного техникума (руководитель Н.А. Коновалова) – Анастасия Бельды, Владислав Поручёнков, Александр Троян, творческий дуэт Евгении Банновой и Елены Ковалевой, выступившие в номинации «Литературно-музыкальные композиции» и вокальный ансамбль «Во славу России», в составе которого рядовые воинской части Хабаровска (руководитель Л.Ю. Швабауэр). Интересным дебютом стали выступления вокальной группы «Эдельвейс» ЦТ «Темп» (Амурск, руководитель Л.А. Игловикова), образцовой

Заслуженный коллектив
народного творчества
РФ Народный ансамбль
«Камышинка» МКУ
«Поселенческий Дом культуры
с. Камышовка» Камышовское
сельское поселение Смидовичский
муниципальный район ЕАО.
Руководитель – заслуженный
работник культуры РФ
Нина Ивановна Марундик

Вокальная группа «Эдельвейс» МБУ ЦТ «Темп» (Амурск)
Руководитель – Л.А. Игловикова

вокальной студии «Серебряная нота» ДЮЦ «Восхождение» (Хабаровск, руководитель В.В. Макаревич), народного молодежного эстрадного ансамбля «Планета Голливуд» Дальневосточного государственного университета путей сообщения (Хабаровск, руководитель Д.А. Алфёрова), Алены Федотовой из Центра досуга п. Амгунь Солнечного района Хабаровского края; Владиславы Королевой из ЦКДО «Калинка» администрации Сергеевского сельского поселения (с. Калинка Хабаровского района Хабаровского края, руководитель Т.Б. Барышникова).

Многие победители фестиваля-конкурса «Россия – великая наша держава» в 2015 году стали участниками праздничной концертной программы, посвященной Дню России, которая состоялась на Комсомольской площади Хабаровска. К сожалению, в этом году не все желающие смогли приехать из отдаленных территорий нашего края – Николаевска-на-Амуре, Охотска, Ванино, района им. П. Осипенко, Верхнебуреинского, Ульчского и Аяно-Майского районов, из Приморского края. Надеемся, что через год мы обязательно встретимся со старыми друзьями на десятом по счету фестивале и откроем новые таланты.

Вокальный ансамбль «Во славу России», рядовые в/ч (Хабаровск)
Дипломанты II степени. Руководитель – Л.Ю. Швабауэр

Фото из архива КНОТОК

Чукотка стала ближе

Игорь СИМОНОВ
Фото автора

Жители Хабаровского края прикоснулись к удивительному по красоте и звучанию искусству Чукотки.

В Хабаровске и Нанайском районе края побывала большая делегация работников культуры Чукотки – артисты Государственного чукотско-эскимосского ансамбля «Эргырон», представители управления культуры и молодежной политики Департамента образования, культуры и молодежной политики Чукотского автономного округа, музейного центра «Наследие Чукотки», мастера декоративно-прикладного и косторезного искусства. Теплые дружеские встречи проходили в Доме народного творчества Краевого научно-образовательного творческого объединения культуры, в Нанайском районе, где чукотские мастера проводили мастер-классы по обработке кожи, резьбе по кости, вышивке подшейным волосом оленя.

Ансамбль «Эргырон, что в переводе с чукотского «Рассвет», существующий уже почти полвека, снискавший мировую славу и признанный в 2000 году особо ценным объектом культурного наследия народов Чукотки, подарил незабываемые концерты, состоявшиеся и в Нанайском районе края, и в Хабаровске, на сцене Концертного зала краевой филармонии. В программе прославленного коллектива, состоявшей из вокально-хореогра-

М.Д. Садовская – начальник отдела культуры управления культуры и молодежной политики департамента образования, культуры и молодежной политики Чукотского автономного округа

Мастер-класс по шитью подшейным волосом оленя

Мастер-класс резьбы по кости

фических композиций, звучали голоса традиционных музыкальных инструментов бубна и варгана, исполнялись старинные чукотские и эскимосские мелодии, их современные обработки, авторские песни народных и профессиональных композиторов Чукотского автономного округа, а также «похрипы» – уникальный и самобытный вид горлового пения.

Визит в Хабаровский край чукотской делегации стал небольшой остановкой по пути на Восточный экономический форум. Вместе с ансамблем «Эргырон» во Владивосток, для участие в культурной программе форума отправились коллективы Хабаровского края – ансамбль народной музыки и песни «Берега России», вокальная группа «Славянская душа», хореографический национальный ансамбль «Кэжу».

Танец пеликенов

Участников фестиваля «Лики наследия-2014» сдружила уникальная красота и самобытность национальной культуры

Живая душа многонациональной России

Раиса БАЙКОВА

Международной ассоциации национальных культур Хабаровского края – 15 лет. Все эти годы она поддерживает и развивает культуру народов, проживающих в нашем регионе.

В 2010 году в журнале вышла статья «Новые горизонты» о работе нашей ассоциации. В этой публикации речь пойдет о наиболее ярких событиях текущих лет, прежде всего, фестиваль национальных культур Дальнего Востока «Лики наследия», с которого и началась деятельность ассоциации. За пятнадцать лет он приобрел такую популярность, что теперь проходит не только в Хабаровске, но и в районах Хабаровского края. Традиционными и масштабными стали дни национальных культур, которые посещают по несколько тысяч человек независимо от национальной принадлежности.

Появились и новые формы работы. Так, в 2014 году мы организовали необычную промоакцию «Храните родные напевы», посвященную Году культуры в России. Ее участники с июня по сентябрь отправлялись в различные населенные пункты края с выездными концертами творческих коллективов национально-культурных центров (НКЦ), выставками-ярмарками декоративно-прикладного искусства, мастер-классами. Организовывались туристические поездки творческой молодежи различных национальностей в районы края, презентации НКЦ, которые нередко сами становились участниками праздничных мероприятий, проходивших в это же время в населенных пунктах. Открытие промоакции состоялось в городе Вяземском, куда прибыли представители межпоселенческого центра нанайской культуры села Джари Нанайского района (руководитель Светлана Оненко) с выставками, мастер-классами и концертной програм-

«Национальная жемчужина»

Участница показа национального костюма на гала-концерте фестиваля «Мы – россияне», посвященного 15-летию Международной ассоциации национальных культур Хабаровского края. Ноябрь 2015 г.

мой – ее представил народный ансамбль «Илга дяри-ни». Программа развернулась на открытой площадке перед Домом культуры, где в этот день проходил городской праздник.

А промоакция «Храните родные напевы» продолжилась в поселке Переяславка района им. Лазо – туда выехала молодежь Ассоциации корейских организаций Дальнего Востока и Сибири. Программа презентации оказалась насыщенной: концерт корейского народного танца, мастер-класс по корейской письменности, показательные выступления секции тхэквондо. Во время мастер-классов каждому гостю вручили подарочные открытки, где он с помощью преподавателя мог написать свое имя на корейском языке. Затем эстафету приняли Хабаровская краевая общественная организация народного творчества «Елань», организовавшая свою презентацию в селе Троицком Нанайского района, и социально-культурный центр села Полетного района им. Лазо. Его ансамбль песни «Молодушки» при белорусском землячестве участвовал в праздничных мероприятиях в селе Вознесенском Амурского района. Промоакция «Храните родные напевы», география которой оказалась столь разнообразной, показала, что для национальной культуры не существует границ. В любом населенном пункте наших представителей принимали с радостью и гостеприимством, с интересом познавая традиции других народов.

Особое место в работе НКЦ занимает деятельность краевого молодежного координационного совета Международной ассоциации национальных культур Хабаровского края. По инициативе молодежи и при поддержке министерства культуры Хабаровского края, Краевого научно-образовательного творческого объединения культуры в ноябре прошлого года в Хабаровске прошел второй слет творческой молодежи Хабаровского края «Сохранение традиций: новые технологии». Среди задач, поставленных руководством слета и оргкомитетом, сохранение народных традиций в современном мире, укрепление духовного единства многонационального народа Российской Федерации, формирование в обществе атмосферы уважения к историческому наследию и культурным ценностям народов России.

На слет собралась творческая молодежь из самых отдаленных мест Дальнего Востока и Забайкалья: республик Саха (Якутия) и Бурятии, Чукотского автономного округа, Аяно-Майского, Амурского, Нанайского, Ульчского, Верхнебуреинского, Охотского,

Ансамбль танца «Круг друзей», активный участник фестиваля «Мы – россияне»

Вокальная группа «Молодушки» – представители белорусского землячества из села Полетного

Творческий коллектив «Общества украинской культуры Хабаровского края «Зеленый клин» всегда поражает своей удивительной внутренней теплотой и любовью к песне

ДОМ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА

Второй слет творческой молодежи открыл новые таланты, познакомил и подружил представителей разных национальностей

Ежегодные Дни корейской культуры, организуемые Ассоциацией корейских организаций Дальнего Востока и Сибири, – это праздник международного масштаба, всегда незабываемое и яркое событие

Молодежный коллектив ансамбля «Ширак» Союза армян России в Хабаровском крае известен своими неповторимыми зажигательными танцами

Хабаровского районов Хабаровского края, а также Николаевска-на-Амуре, Хабаровска, Владивостока. Особенность слета заключалась в том, что организатором многих интереснейших его этапов стала молодежь, именно ее силами было подготовлено множество разнообразных выставок и мастер-классов. Среди них, к примеру, интереснейший мастер-класс девятиклассника из Николаевска-на-Амуре Валентина Захарова по изготовлению «хрустальных» цветов из бумаги методом квиллинга. Или «О чем расскажет бубен» Ольги Черноградской, собравший большую очередь желающих исполнить на этом древнем музыкальном инструменте загадочные и певучие ритмы эвенгов, а школьники старших классов из НКЦ «Аюшки» очень азартно провели русские игры, участвовать в которых захотелось практически всем. Потом состоялось чаепитие, превратившееся в сказочный шатер. Здесь можно было научиться разливать чай по корейским и узбекским традициям, попробовать чувашские сладости, русский пирог, татарский чак-чак... Но самое главное, душевно пообщаться друг с другом. Более подробную информацию о втором слете творческой молодежи Хабаровского края «Сохранение традиций: новые технологии» и фотоотчет можно найти на сайте МАНК ХК: <http://mankhk.ru>.

В составе Международной ассоциации национальных культур Хабаровского края есть и несколько детских коллективов. Значимым событием в этой области стал «Союз талантов» – творческая лаборатория, проходившая с декабря 2014 по май 2015 года. Она включала проведение мастер-классов, концертов, творческих встреч и была организована с целью выявления новых имен и талантов среди подрастающего поколения, а также популяризации и развития традиционной культуры народов, проживающих на Дальнем Востоке, и укрепления межнациональной и международной дружбы. Участниками «Союза талантов» стали дети дошкольного и школьного возраста – представители национально-культурных центров и объединений Хабаровского края.

Открытие творческой лаборатории состоялось в декабре прошлого года в краевом Доме народного творчества, где для ребят организовали мастер-класс по игре на национальных ударных инструментах. Героем события стал талантливый и немного стеснительный Камо Мартиросян, виртуозно выбивающий ритмы на национальном инструменте дхол. Продолжилась лаборатория в январе следующего года совместным концертом детского хора «Серафим» из Республики Корея и хабаровского образцового хора народной песни «Млада» в Хабаровском краевом театре драмы и комедии. Участники пели по очереди на своих родных языках, а потом вместе исполнили русскую «Катюшу» и корейскую «Ариран», и возникло ощущение единого коллектива – так слаженно и красиво они исполняли эти песни. Поистине союз талантов!

Подготовка к 70-летию Великой Победы началась задолго до этого события. Еще в октябре 2014 года на заседании президиума Ассоциации руководители НКЦ и национальных объединений приняли решение организовать с 1 ноября 2014 года по

2 сентября 2015 года военно-патриотическую акцию «Победившие войну». Открытие состоялось 28 ноября в пансионате «Благо» в селе Бычиха Хабаровского района, где НКЦ «Зеленый клин» (руководитель Марк Романович Прокопович) провел концерт для ветеранов войны, инвалидов и престарелых граждан. Одновременно с этим представители нашей организации осмотрели пансионат, познакомились с его пациентами, среди которых временно и постоянно проживающие, тяжелобольные старики – ветераны и инвалиды. Позднее на заседании президиума ассоциации решили присвоить пансионату «Благо» статус подшефного. С тех пор в течение всего календарного года НКЦ и творческие коллективы города и муниципального района Хабаровска дарят своим творчеством радость и надежду отчаявшимся и одиноким людям.

В ходе этой военно-патриотической акции состоялось множество тематических концертов с вручением подарков ветеранам, силами НКЦ и национальных объединений 180 ветеранов получили адресную благотворительную помощь. Особенно значимыми и интересными стали мероприятия, проведенные в канун 9 Мая. Это совместный концерт образцового хора НКЦ «Млада» (руководитель Т.В. Митрофанова) и артистов Хабаровской краевой филармонии в краевом Доме ветеранов. В завершение 100 ветеранов получили подарки, сделанные руками детей, – мягкие игрушки и открытки. Пятнадцать ветеранов и участников Великой Отечественной войны были приглашены на концерт одного из лучших в крае ансамблей народного танца «Горенка». В зале их встречали представители Краевого молодежного координационного совета и вручали цветы.

Одним из заключительных аккордов акции «Победившие войну» стал выезд в подшефный пансионат регионального отделения Общероссийской организации «Союз армян России» в Хабаровском крае (руководитель Аветик Айказович Галстян). Представители молодежи этой организации не только провели концерт, но и приняли активное участие в благоустройстве территории пансионата: собрали и вывезли мусор, почистили дорожки. Можно смело утверждать: у старшего поколения в этом национальном объединении подрастает достойная смена. Такой же инициативной и самостоятельной оказалась молодежь Ассоциации корейских организаций Дальнего Востока и Сибири (руководитель Владимир Николаевич Бейк), приехавшая к старикам с небольшим концертом и пирогами. И разве можно оценить в какой-либо валюте заботу и простое человеческое общение?

В августе 2015 года представители Международной ассоциации национальных культур Хабаровского края приняли участие в юбилейных мероприятиях к 165-летию Николаевска-на-Амуре. Тогда же здесь проходил Межмуниципальный национально-культурный детский фестиваль, участниками которого стали и представители нашей ассоциации – мастера декоративно-прикладного творчества из Амурского района, села Сикачи-Алян Хабаровска и, конечно же, из Николаевска-на-Амуре. Уже не впер-

Мы всегда будем помнить о ветеранах и радовать их своим творчеством

Представителям Хабаровской краевой общественной организации народного творчества «Елань» удаются любые мероприятия: выставки, мастер-классы, концертные программы, презентации

Коллектив НКЦ «Аюшки» – яркий цветок в мире народной музыки и песни

ДОМ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА

Представитель Краевого молодежного совета Валентин Захаров (Николаевск-на-Амуре) всегда охотно делится опытом

Камо Мартиросян и его любимый национальный инструмент дхол

вые в таких значимых мероприятиях участвует член актива молодежного координационного совета житель Николаевска-на-Амуре Валентин Захаров, у которого, несмотря на юный возраст, несколько персональных выставок по квиллингу. В отличие от него резчик по дереву Вячеслав Петрович Бельды – зрелый мастер. Он живет в селе Омми Амурского района, хорошо знает культуру и творчество своего народа. Его работы выставлялись на многочисленных выставках и фестивалях, а сам автор получал заслуженные высокие награды. В.П. Бельды проводил мастер-классы по изго-

товлению оберегов из бересты. А хабаровские мастера Светлана Меркулова и Оксана Быкова обучали всех желающих несложным приемам изготовления игрушек, оберегов и национальных украшений из подручных материалов.

Так проходят наши творческие будни. Однако и без праздников не обойтись. В честь своего 15-летия президиум Международной ассоциации национальных культур Хабаровского края совместно с отделом культурно-досуговой деятельности Краевого парка им. Муравьева-Амурского приняли решение провести краевой фестиваль национальных культур «Мы – россияне». Он длился все лето в Хабаровске, на сценической площадке рядом с Амурским утесом. Фестиваль приобрел огромную популярность, ведь с июня по сентябрь нынешнего года его посетили более 6 тысяч человек. Символично, что открытие состоялось 12 июня, в День России, а творческая лаборатория «На берегах России», организованная совместно с Хабаровским колледжем искусств, стала заключительным пунктом фестиваля и наполнила его новыми красками.

Во время фестиваля состоялся интересный дебют. Впервые в истории города и края в парке на протяжении всего лета проходили танцевальные вечера и мастер-классы по аргентинскому танго. Организаторами стали хабаровчане, члены клуба любителей танго, создавшие Центр аргентинской культуры. Так называемые милонги стали настолько популярны, что у них появились постоянные зрители и участники всех возрастов – от детей до пенсионеров.

Впрочем, все НКЦ, принявшие участие в фестивале, стали любимцами публики. Некоторые центры объединяли несколько разных национальных коллективов в один концерт, другие делали собственные презентации. Так, цыганский театр «Тэрнэ рома» представил большую программу «Цыганский шатер», чем вызвал непередаваемый восторг зрителей. Но все же самым ярким моментом стал финал, когда цыганский хор запел о России. Сначала невозможно было понять реакцию публики: аудитория неожиданно затихла, осознавая, что эту песню исполняют представители народа, казалось бы, свободного от любых привязанностей. Но каждый куплет был наполнен теплом и любовью, звучал так искренне, что не осталось никаких сомнений – поют россияне!

В заключение хочется еще раз особо подчеркнуть, что представленная в статье региональная хроника мероприятий, проведенных нашей ассоциацией, отражает живое творчество народов, населяющих наш край, и служит залогом стабильности и уверенности в завтрашнем дне.

Фото из архива Международной ассоциации национальных культур Хабаровского края

Образцовый хор русской песни «Млада» неизменно занимает высшие ступеньки почета на всех фестивалях и конкурсах

Николай Савельевич Скрипка

(1946–2015) родился в с. Привольном Солонянского района Днепропетровской области Украинской ССР. Окончил Днепропетровский ордена Трудового Красного Знамени металлургический институт (1969), Военно-политическую академию им. В.И. Ленина (1983), Академию общественных наук при ЦК КПСС (1991). Из 44 лет общего трудового стажа отрасли культуры он отдал 24 года.

У Н.С. Скрипки много наград – орден «Знак Почета», медаль «За отличие в воинской службе» II степени, медали Министерства обороны СССР и РФ, почетная грамота Министерства культуры РФ, почетная грамота Министерства культуры РФ и Российского профсоюза работников культуры, почетные грамоты губернатора Хабаровского края, памятный знак губернатора Хабаровского края «150 лет Айгунского договора. За заслуги», памятный знак правительства Хабаровского края «За особые заслуги в области культуры». Он дипломант второй степени всероссийского конкурса сценаристов Вооруженных сил и других силовых структур «Золотой сокол» (2008), дипломант всероссийской профессиональной премии «Грани Театра масс» в номинации «Лучший патриотический праздник» (2011).

В 2014 году за плодотворный труд и большой личный вклад в развитие культуры Хабаровского края были подготовлены и направлены в Министерство культуры РФ документы на присвоение Скрипке Н.С. почетного звания «Заслуженный работник культуры Российской Федерации».

«И тогда уйду я в палестины...»

Александра КОРТЕЛЕВА

В мае 2015 года ушел из жизни полковник в отставке, режиссер и сценарист Краевого научно-образовательного творческого объединения культуры, вдохновитель, бессменный организатор и режиссер фестиваля-конкурса патриотической песни «Россия – великая наша держава», поэт, истинный патриот Отечества Николай Савельевич Скрипка.

Его трудовая деятельность началась после окончания Днепропетровского металлургического института в 1969 году. Еще во время учебы, принимая активное участие в художественной самодеятельности и, как сам вспоминал, «...первой волне движения веселых и находчивых, в команде КВН», он получил первый опыт сценарно-режиссерской работы. Тогда же, в 1967-м, появился бесценный опыт подготовки и проведения массовых праздников: Н.С. Скрипку пригласили в качестве ассистента режиссера театрализованного представления, посвященного 50-летию Великой Октябрь-

ской социалистической революции, в Днепродзержинске. Режиссером праздника был И. Туманов.

В 1970 году ушел на службу в Вооруженные силы СССР и из 26 календарных лет службы 24 года служил на должностях армейских воспитательных структур, прошел путь от секретаря комитета ВЛКСМ танкового полка до начальника отдела культуры управления воспитательной работы Дальневосточного военного округа. В армии Н.С. Скрипка ставил концертные программы и литературно-музыкальные композиции в Домах офицеров Леонидовского (остров Сахалин), Краснореченского, Хабаровско-

Служба в Вооруженных силах. Н.С. Скрипка слева

ДОМ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА

го гарнизонов. Его первый театрализованный концерт в двух отделениях, в рамках смотра-конкурса самодеятельных творческих коллективов ДВО состоялся в 1985 году в завитинском Доме офицеров. Позднее, уже в качестве начальника отдела культуры Управления воспитательной работы ДВО, он принимал активное и непосредственное участие в написании сценариев и режиссуре театрализованных, художественно-спортивных представлений к значимым датам и событиям. Многие хабаровчане до сих пор вспоминают масштабные театрализованные представления с использованием военной техники, военнослужащих, спецэффектов на стадионе им. Ленина.

Ирина Арсеньевна Тарасова, специалист по жанрам отдела любительского творчества Дома народного творчества КНОТОК

«В кабинете заместителя главы администрации Хабаровского края по социальным вопросам И.И. Стрелковой оживленно! Здесь собрались именитые режиссеры, руководители органов управления культурой и представители Управления воспитательной работы Дальневосточного военного округа с предложениями празднования 50-й годовщины Дня Победы в Великой Отечественной войне. Среди всех выделялся статный красивый мужчина, который взял на себя инициативу объединить усилия служащих ДВО и творческих сотрудников, тогда еще Краевого творческого объединения «Культура» – начальник отделения культуры и досуга отдела воспитательной работы Управления Дальневосточного военного округа полковник Скрипка. Потом мы вместе работали над постановкой театрализованных представлений, посвященных победе в Великой Отечественной войне «Чтоб в веках жила Россия, наша славная страна» в 1995 году и «Воспевая подвиг народный!» – в 1996-м. Мы подружись, стали единомышленниками».

Уволившись в 1997 году из Вооруженных сил РФ в запас, Николай Савельевич исполнял обязанности директора Дирекции фестивалей и праздников Краевого творческого объединения культуры. Основ-

Репетиция представления на воде к 60-летию г. Лесозаводска. 1998

ное внимание в работе уделял системному подходу в подготовке и проведении фестивалей народного творчества и массовых праздников к знаменательным датам и юбилеям учреждений, предприятий, районов и городов. Несмотря на полное погружение в творческую работу, Скрипка плодотворно сотрудничал с отделом воспитательной работы Дальневосточного военного округа, Хабаровским краевым военным комиссариатом по проблемам патриотического воспитания допризывного и призывного контингентов, рядового и офицерского состава частей ДВО. А еще разрабатывал методические рекомендации по проблемам воспитания личного состава соединений и частей ДВО. Только за два года, с 2006-го по 2008-й, окружная газета «Суворовский натиск» опубликовала пять методиче-

ских материалов в помощь армейским работникам воспитательных и культурно-досуговых структур, в которых были также сценарные разработки мероприятий к знаменательным датам в жизни страны, Вооруженных сил и войск ДВО.

С изменением организационно-штатной структуры КТО «Культура» и образованием Краевого научно-образовательного творческого объединения культуры в 1999 году Николая Савельевича назначили на должность художественного руководителя центра народного творчества и досуговой деятельности КНОТОК. Он продолжил нарабатывать практический опыт в подготовке и проведении театрализованных представлений на воде, шествий, концертов и митингов-реквиемов, спортивно-художественных представлений и пиротехнических шоу. В

Пролог спортивно-художественного представления, посвященного 60-летию Железнодорожного района. Стадион «Локомотив». 1998

Митинг-реквием «Навечно в памяти народной». 1999

это время Н.С. Скрипка сам активно использовал и внедрял в деятельность учреждений культуры новые приемы в использовании материалов художественных и документальных кинофильмов, других художественно-выразительных и технических средств при проведении массовых праздников.

И.А. Тарасова:

«Еще нас объединяло то, что моей душой, так же как и душой Николая Савельевича с детства овладел праздник. Мы соединяли свои буйные фантазии, создавая не только официально проводимые события, но и праздничные вечера коллектива в неформальной обстановке: писали смешные сценарии, наряжались, входя в образ... Часто выхо-

дило удачно и радовало наших коллег. Николай Савельевич любил пошутить, спеть, сыграть на баяне. Мне нравилась его увлеченность театрализацией, а также поэтический стиль сценариев. Обладая литературным и поэтическим даром, всегда глубоко и всесторонне изучая тему предстоящего события, он вживался в материал, делая его своим, и тем самым постоянно поднимал планку собственных знаний, оттачивал мастерство сценариста, улавливая тонкие нюансы человеческого бытия, ибо делал все это для людей и ради того, чтобы они жили лучше...»

Из предисловия методического пособия Н.С. Скрипки для режиссеров массовых представлений и праздников «Художественное слово в празд-

Рабочий момент в подготовке праздника, посвященного 55-й годовщине Великой Победы. Лесозаводск. 2000

ничном представлении» (2012):

«За время работы в КГАУК «КНО-ТОК» мною подготовлено и осуществлено более сотни проектов регионального, краевого, городского и корпоративного уровней. Самыми значимыми из них с точки зрения накопленного опыта и реализации творческого потенциала являются: театрализованное представление на р. Усури «Песнь о любимом городе», посвященное 60-летию г. Лесозаводска (1998); митинг-реквием «Навечно в памяти народной», посвященный открытию памятника воинам-афганцам «Черный тюльпан» (1999); художественно-спортивное представление, посвященное открытию стадиона «Локомотив» (2007); театрализованный тематический концерт «Россия начиналась не с меча», посвященный Дню защитника Отечества (2006); театрализованный концерт «На рубеже России дальней», посвященный дню рождения Хабаровского края и 200-летию графа Н.Н. Муравьева-Амурского (2009); театрализованное представление в СЗК «Платинум Арена» «Мы победили вместе» к 65-й годовщине Великой Победы (2010), краевой фестиваль патриотической песни «Надежда», посвященный Дню России (2012, г. Комсомольск-на-Амуре)».

Николай Савельевич всегда стремился к совершенству. Поэтому активно привлекал к постановкам профессиональных чтецов, артистов и дикторов – заслуженную артистку РФ И.В. Никифорову, преподавателей кафедры сценической речи ХГИИК заслуженного артиста РФ В.В. Янушевича и Н.А. Цабе-Рябую, заслуженных артистов РФ А.Е. Жарова, Е.И. Путивца, Т.М. Гоголькову и других. Участие таких мастеров слова придавало оригинальность, особую проникновенность, усиливало эмоциональный накал и создавало высокохудожественное произведение в целом.

Нонна Александровна Цабе-Рябая:

«Работа с Николаем Савельевичем как с режиссером доставляла истинное наслаждение! Мне повезло, я не раз приглашалась в качестве ведущей его программ. Требовательный и в то же

ДОМ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА

время обладающий уникальным даром человек, он доверял каждому, кто с ним сотрудничал. На творческой площадке никогда не возникало суеты и нервозности, даже в моменты, когда вдруг отказывала техника или происходило что-то непредвиденное. По своему творческому почерку Николай Савельевич был режиссером-постановщиком. Увлеченность и беспокойство души – два главных качества, которые утверждали его как художника. Он четко видел образ театрализованного спектакля, умел найти и сформировать творческий коллектив, способный подхватить и воплотить его замысел. Одной из таких работ стало незабываемое празднование Дня Победы в Лесозаводске. Все литературные тексты для программ, которые довелось озвучивать мне, написал Николай Савельевич. Его владение поэтическим словом удивляло и вдохновляло...»

Из воспоминаний Николая Савельевича Скрипки

«Первый опыт стихосложения я приобрел на уроках русской литературы в 7–8-м классах Привольненской средней школы при подготовке школьных праздников. В это же время опубликовано первое стихотворение «Весна» на украинском языке в республиканской молодежной газете «Прапор юности». После поступления в металлургический институт в 1964 году и в течение всего времени учебы являлся постоянным участником вузовской команды КВН в качестве автора стихотворных экспромтов на заданные темы. Студенческие стихи печатал в институтской многотиражке «Пламя». Во время службы в Вооруженных силах продолжал писать стихи для друзей. Несколько удачных эпиграмм и пародий на армейские порядки стали поводом для задержания на шесть месяцев представления к очередному воинскому званию. В протоколе заседания аттестационной комиссии подчеркивалось, что «...лейтенант Скрипка хороший офицер, однако имеет один существенный недостаток – пишет стихи...»

Н.С. Скрипка писал тексты для корпоративных гимнов, маршей,

Театрализованное представление «Мы победили вместе», посвященное 65-й годовщине Великой Победы. СЗК «Платинум Арена». 2010

Торжественный вечер «Мы зажигаем звезды на Земле», посвященный 60-летию ЗАО «Дальэлектромонтаж». Хабаровская краевая филармония. 2013

песен. Положенные на музыку хабаровских композиторов, они звучат во время торжественных и юбилейных вечеров: «Марш хабаровских спортсменов» (2006), гимны «Мы зажигаем звезды на Земле» (ОАО «Дальэлектромонтаж», 2003), «Энергии надежный проводник» (ОАО «Амурский кабельный завод», 2006), «Источник жизни нашей» (МУП «Водоканал», 2007), «Первенец прогресса» (ОАО «Дальэнерго», 2008), «Закон, порядок, долг и честь» (Дальневосточный юридический институт МВД РФ, 2011), песни «Мой Хабаровск» (2003), «Ты – начало всех начал» (2010) и многие другие.

Человек с активной гражданской позицией, он долгие годы плодотворно сотрудничал с Хабаровским краевым отделением Всероссийской общественной организации «Союз ветеранов Афганистана», краевым историко-просветительским движением «Мемориал». Он был единственным режиссером, который ставил и проводил мероприятия, посвященные самым сложным историческим событиям нашей страны – концерты-реквиемы, митинги, посвященные дням памяти жертв политических репрессий, узников фашистских концлагерей.

Н.С. Скрипка с огромной ответственностью и вниманием относился

Н.С. Скрипка во время краевого фестиваля «Играй, гармонь хабаровская». Теплоход «Полярков». 1998

к использованию исторических фактов при подготовке сценариев концертных программ и других массовых праздников. Он умел очень четко и тонко переосмысливать и обрабатывать документальный материал посредством художественного слова, находил неординарные подходы к воплощению авторской идеи.

В помощь режиссерам массовых праздников, постановщикам концертных программ он подготовил методические сборники «Этот день мы приближали, как могли» (2011) и «Художественное слово в массовых представлениях» (2012). В них сценарии, стихотворения, рекомендации, вызывающие неизменный интерес у специалистов края. Он всегда точно знал, что хочет сказать зрителю, и вел к этой цели постановочную группу. Его кредо было «...творить, идти вперед, дерзать... и удивлять...». Очень любил масштабные сцены, поэтический театр, музыкальные сюиты. Его наблюдательность, большой жизненный опыт, умение анализировать помогли тонко чувствовать аудиторию.

Многолетнее творческое сотрудничество связывало Н.С. Скрипку с образцовым театром песни Центра детского творчества «Гармония», образцовым ансамблем народного танца «Радость», народным коллективом «Арт-группа «Next emergence», ансамблем бального танца «Амурские ритмы», образцовым детским балетом «Грация», концертным ан-

самблем Хабаровской краевой филармонии «Дальний Восток» и другими. Обладая творческой смелостью, Скрипка нередко привлекал к постановкам малоизвестные самодеятельные коллективы, молодых артистов и исполнителей, которые обладали большим творческим потенциалом. Среди них Павел Гах, Антон Бычковский, Илья Ткач, Олеся и Екатерина Шитиковы, Валентин Кравчук, Александр Молчанов, Михаил Шулаев, Алексей Ермаков, Михаил Тулупов...

Человек творческий, дисциплинированный и очень работоспособный, он всегда стремился к максимально качественному результату и того же требовал от специалистов постановочных групп. Даже после ночной работы над сценарием Николай Савельевич приходил на репетиции вовремя. Был веселым и чутким, всегда готовым прийти на помощь.

Его последнее мероприятие – краевой концерт-реквием, посвященный Дню памяти о россиянах, исполнявших служебный долг за пределами Отечества «Мы за Отечество – стеной!» (15 февраля 2015). Программу Николай Савельевич закончил маршем «Прощание славянки»...

Материал подготовлен на основе воспоминаний коллег, материалов из личного архива Н.С. Скрипки и КГАУК КНОТОК

Николай СКРИПКА

МОИ ПАЛЕСТИНЫ

В этот мир пришел крестьянским сыном,
В голенастом детстве счастлив был,
А оно, то в поле, то за тыном
Разжигало мой бунтарский пыл.

А когда от отчего порога, –
Поступил учиться, повезло, –
Начиналась дальняя дорога,
Я покинул с гордостью село.

Говорила мама мне: «Сыночек,
Помни, ты в семье у нас один...
Ты пиши домой хоть десять строчек,
Как живешь, как учишься, мой сын...»

Я запомнил, мам, что ты сказала, –
Мой ответ был искренен и прост:
Посмотрел с Привольного увала
На село, на речку, старый мост...

И пошел я странствовать по свету –
Запад, Юг и Север, и Восток.
Слал знакомым редкие приветы,
Для родных не сделал то, что мог...

Отчий дом неожиданно стал чужбиной, –
Строил свой ковчег временщика, –
Незаметно выросли два сына,
Инеем покрылись два виска.

И, служа Отечеству примерно,
Я открыл нетленный постулат:
Невозможно быть собакой верной
В доме, где хаос, разбой, разврат.

Невозможно стать в ряды элиты
Мастерка в руках коль не держал,
Не ходил в хвосте высокой свиты,
Не давал, не властвовал, не брал...

Успокоюсь, видимо, тогда я,
Когда скажут линии судьбы:
Поднимайся смена молодая
На десятилетия борьбы!

И тогда уйду я в палестины,
И найду последний свой приют
Средь песчаной, солнечной равнины,
Где сирокко знойные поют,

Где тоскливо бьется синий вечер
О верхушки древних пирамид,
Где и буду с предками ждать встречи
В куцах золотых Семирамид.

2004

Авторы

АНАНИНА
Татьяна Алексеевна – автор песен, руководитель музыкально-просветительской программы «Диалог»

КАРЧЕВСКИЙ
Дмитрий Андреевич – строитель, военный пенсионер (Комсомольск-на-Амуре)

ПОЗИНА
Наталья Сергеевна – заведующая сектором истории, культуры и искусства Краевого музея имени Н.И. Гродекова

БАЙКОВА
Раиса Георгиевна – исполнительный директор Международной ассоциации национальных культур Хабаровского края

КАТЕРИНИЧ
Валентина Николаевна – кандидат филологических наук, преподаватель латинского языка, литературный краевед

ПРИВАЛОВА
Ольга Юрьевна – искусствовед, член Союза художников России, директор галереи современного искусства «Метаморфоза» (Комсомольск-на-Амуре)

БЕРКОВСКАЯ
Анастасия – специалист по связям с общественностью Дальневосточного художественного музея

КОВАЛЬ
Светлана Викторовна – специалист культурно-просветительского отдела муниципального автономного учреждения культуры «Музей истории города Хабаровска»

САЛЕЕВА
Лариса Владимировна – начальник отдела использования и публикации Государственного архива Хабаровского края

ВЛАСОВА
Ирина Васильевна – заведующая читальным залом ЦГБ им. Н. Островского МУК «Городская централизованная библиотека» (Комсомольск-на-Амуре)

КОРТЕЛЕВА
Александра Николаевна – заведующая отделом по организации концертов и зрелищных программ

СИМОНОВ
Игорь Александрович – фотограф, заслуженный работник культуры РФ, член Союза журналистов РФ

ДАВЫДОВА
Татьяна Алексеевна – искусствовед, член Союза художников России, заслуженный работник культуры РФ

КРАСНОШТАНОВ
Сергей Иннокентьевич – профессор Дальневосточного государственного гуманитарного университета, кандидат филологических наук

ЧАНОВА
Татьяна – преподаватель высшей школы, журналист, член Союза журналистов России (Комсомольск-на-Амуре)

ДУБИНИНА
Нина Ивановна – доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (Москва)

КРИВЧЕНКО
Любовь Анатольевна – главный специалист отдела использования и публикаций Государственного архива Хабаровского края

ХОДЖЕР
Елена Григорьевна – главный археограф Государственного архива Хабаровского края

ЖИЛИН
Михаил Яковлевич – журналист, краевед, писатель, член Союза писателей России (Камчатка)

ЛЕПЕТУХИН
Александр Петрович – доцент кафедры изобразительного искусства ДВГУ, член Союза художников РФ, член Союза писателей РФ

ЯСТРЕБОВА Юлия Викторовна – библиотечкарь отдела краеведческой литературы Дальневосточной государственной научной библиотеки

Журнал «Словесница Искусств»:
подписка на 1-е полугодие 2016 года

Подписной индекс – **14 396** (каталог МАП)

Подписку можно оформить в любом отделении
Почты России по Хабаровскому краю

Тема следующего номера – **«Хранители»**

ХОЛОДОК Николай Иннокентьевич – художник-график.

Родился в 1946 году в селе Степановка Амурской области, окончил Дальневосточное высшее общеобразовательное командное училище в г. Благовещенске, более тридцати лет служил в Дальневосточном военном округе. С 1986 по 1988 год служил в Афганистане. В 1987 году награжден орденом Красной звезды. Профессиональное художественное образование получил в Московском полиграфическом институте, окончив в 1980 году отделение «Художественно-техническое оформление печатной продукции». Преподает на кафедре дизайна ДВГУ.

Мастер книжной графики, гравюры, экслибриса. Оформил около ста книг дальневосточных авторов, создал серию гравюр «Писатели-дальневосточники» с портретами Л.И. Миланич, М.Ф. Асламова, В.П. Сысоева и др. В 2006 году за серию линогравюр «Хабаровск – мой город» Н.И. Холодок удостоен звания лауреата премии администрации Хабаровска в области литературы и искусства.

Николай Холодок – автор более 70 экслибрисов. В 1996 году во Франции, на родине Поля Верлена – в городе Мец проходил конкурс к 100-летию со дня смерти поэта, и экслибрис Н. Холодка «Ex libris V.V. Переславцева» был отобран из тысячи присланных из 39 стран мира работ для участия в юбилейной экспозиции. В этом же году на выставке в Париже экспонировались еще три экслибриса Холодка – «Из книг В.Г. Стариковой», «Из книг Катеринич В.Н.», «Ex libris Чашкиной Н.».

В краевых, зональных, всероссийских выставках Николай Холодок участвует с 1976 года, с 1998 года он постоянный участник европейских международных конкурсов в Бельгии, Аргентине, Италии, Франции, Польше, странах Балтии.

Произведения художника находятся в собрании Дальневосточного художественного музея (Хабаровск).

